v boiah za M.

63.3(2Кш)
9(07)/27
В 11

В БОЯХ ЗА МОЛДАВИЮ

книга
четвертая

462 752

Издательство «Картя Молдовеняскэ»
Кишинев * 1976

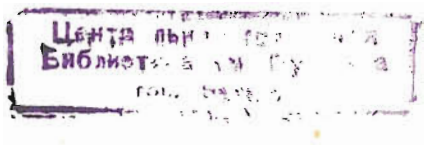
9(C7)27
В 11

Составитель П. И. Доронин,
генерал-майор запаса

Сколько бы ни писалось о Великой Отечественной войне, тема эта неисчерпаема, как неиссякаем живительный родник, помогающий людям обновлять мирную землю. Были грозных военных лет на молдавской земле завершаются блистательной Ясско-Кишиневской операцией.

Много мирных рассветов озаряло землю с того памятного дня, когда на рассвете 24 августа 1944 года над столицей молдавской республики — городом Кишиневом взметнулся красный флаг, как символ победы. Затянулись раны на отвоеванной земле, и только нет-нет, да дают они о себе знать у ветеранов Великой Отечественной...

Авторы нового сборника «В боях за Молдавию» (книга четвертая) — участники Ясско-Кишиневской операции. Более тридцати лет назад они освободили молдавскую землю от фашистской нечисти,— и стала она еще лучше и краше, чем прежде. Живущие ныне на этой обновленной земле должны знать, какой ценой завоевано наше счастливое сегодня. Этой цели и посвящен настоящий сборник.



© «Картя Молдовеняскэ» * 1976

В 11202—316 128—76
М751(12)—76

Канны второй мировой войны

М. Н. ШАРОХИН
генерал-полковник,
бывший командарм 37-й армии,
Герой Советского Союза

Кицканы... До войны мало кто знал неприметное молдавское село, затерявшееся среди приднестровских холмов. Теперь же оно навсегда вошло в историю Родины, дав имя огненному плацдарму. Отсюда в августе сорок четвертого года войска 3-го Украинского фронта нанесли сокрушительный удар по гитлеровской группе армий «Южная Украина», удар, который привел к освобождению Молдавии и открыл путь к освобождению стран Юго-Восточной Европы.

Все лето 1944 года наши войска напряженно готовились к наступлению. На небольшом прибрежном участке шириной в несколько километров нужно было развернуть две армии, механизированный корпус, тысячи стволов артиллерии. Даже генерал Толбухин, любивший смелые решения, осмотрев плацдарм, с сомнением заметил:

— Удастся ли скрытно разместить здесь такое количество войск?

— Влезем поглубже в землю,— заверил я командующего фронтом.

Началось строительство настоящего подземного города. Солдаты работали только ночью. Вручную долбили иссохшую землю лопатами, кирками, ломами. Помнится, только с южной стороны плацдарма, от деревни Плоп-Штюбей до старого русла Днестра, было отрыто двести километров траншей.

Солдатская смекалка да великий труд наших саперов позволили построить на Днестре удивительные мосты. Их деревянный настил лежал ниже поверхности воды и не был заметен с воздуха. До сих пор помню, как тягачи с орудиями шли прямо по днестровским волнам...

Этой сложнейшей работой руководил замечательный специалист, начальник инженерных войск армии генерал Голдович. Однажды он принес мне ценнейшие сведения: точное расстояние до вражеских окопов по всей линии плацдарма.

— Ночью промерили,— сказал Александр Иванович, заметив мое удивление.

— Как промерили?

— Обычной веревкой. От бруствера до бруствера...

И это только один пример...

Почему мы стремились развернуть на маленьком и в общем-то неудобном плацдарме такое огромное количество войск? Отсюда можно было кратчайшим путем выйти на соединение с войсками 2-го Украинского фронта, что позволяло быстро окружить кишиневскую группировку врага.

Судя по расположению сил, которые гитлеровцы сосредоточили в Молдавии, враг ждал нашего наступления на Кишинев. Поддерживая эту уверенность, мы имитировали сосредоточение механизированного корпуса на кишиневском направлении. На станции Затишье разгружались эшелоны с артиллерийской дивизией прорыва. Все передвижения велись с наступлением вечера, чтобы создать у противника видимость скрытых действий. Но ночью войска возвращались в свои расположения... Командование фронтом шло на смелый, даже дерзкий маневр силами. Там, где враг ждал атаку, стояла одна, до предела растянутая по фронту 5-я ударная армия. А три другие армии и два механизированных корпуса сосредоточились в районе Кицканского плацдарма. Наша хитрость удалась настолько, что начавшееся здесь наступление немецкое командование расценило поначалу как демонстративное и продолжало ждать главного удара советских войск на кишиневском направлении. Только на второй день боев оно поняло свой просчет.

...Ровно в 8 часов утра 20 августа земля содрогнулась от залпа тысяч орудий. Одновременно с артиллерией на передний край гитлеровцев обрушила удары наша авиация. Рев самолетов, грохот орудий, разрывы снарядов и бомб — все это слилось в один неумолчный, нарастающий гул. Черная стена разрывов поднялась над вражескими окопами. Через 55 минут после начала артподготовки мы перенесли огонь в глубину обороны. Но это был обманный маневр...

Наши пехотинцы открыли сильный ружейный и пулеметный огонь, который обычно предшествует атаке, и подняли над окопами искусно сделанные чучела, на которые для убедительности были надеты каски. Дружно прогремело «ура!». Уцелевшие после артобстрела гитлеровцы вылезли из блиндажей и нор, изготовились к отражению атаки.

Тогда командующий артиллерией фронта генерал М. И. Неделин вновь изменил направление огня, и вражеские траншеи вторично накрыл уничтожающий шквал. Как потом показывали пленные, в эти минуты гитлеровцы понесли наибольшие потери.

В 9 часов 45 минут наша пехота поднялась в атаку. Вместе с нею пошли танки сопровождения, а вскоре на командный

пункт армии поступили первые донесения: «Линия вражеской обороны прорвана!»

А в это время начальник штаба фронта генерал С. С. Бирюзов запрашивает:

— Как дела?

Докладываю о первых успехах. Говорю, что дальше всех продвинулась 195-я дивизия. Только вот командир ее, полковник Шапкин, тревожит меня.

— А в чем дело? — спрашивает Бирюзов.

— Шагает впереди какого-то батальона...

— И что, боем не управляет?

— Да нет,— успокоил я начальника штаба,— дивизия бой ведет энергично, я бы сказал, даже весело...

— А если так,— говорит Бирюзов,— пусть идет впереди. Ведь это он по-чапаевски действует. Враг-то бежит...

Успешно было и продвижение нашего соседа слева — 46-й армии генерала И. Т. Шлемина.

Однако в ночь на 21 августа враг бросил на помощь своим войскам крупные резервы. Со стороны Ермоклии двигалась его 13-я танковая дивизия, имевшая до 150 тяжелых машин. Не останавливая общего наступления, я приказал левофланговому стрелковому корпусу закрепиться на достигнутом рубеже и встретить врага огнем артиллерии.

Все утро 21 августа фашистские танки яростно атаковали не успевшую окопаться пехоту 6-го корпуса. Ожесточенный бой разгорался на позициях 20-й гвардейской дивизии, которой командовал один из ветеранов Красной Армии генерал Н. М. Дрейер. Здесь, отбивая атаку врага, совершили героический подвиг Александр Гусев и Кузьма Гуренко. Обвязавшись гранатами, они бросились под гусеницы вражеских танков...

Исход этого боя решили мощный удар авиационного корпуса генерала О. В. Толстикова и выдвинутый из армейского резерва самоходный артиллерийский полк. Уже к полудню наши части опрокинули противника и ворвались в Ермоклию.

Введенные в бой танкисты 7-го механизированного корпуса буквально смяли отходящие части 13-й танковой дивизии и устремились вперед. Поздно вечером командир корпуса генерал Ф. Г. Катков радировал в штаб армии: «Пройдено 50 километров. Нахожусь севернее Чимишлии. Продвигаюсь с боем к реке Прут».

Радостные вести шли и со 2-го Украинского фронта. Здесь оборона врага была сокрушена на участке в 65 километров. Танковые соединения генерала А. Г. Кравченко, преследуя отходящие в беспорядке фашистские дивизии, с ходу преодолели хребет Маре. На второй день наступления на участке 52-й армии генерала К. А. Коротеева был введен в прорыв 18-й танковый корпус. Танкисты и пехотинцы штурмом овладели городом Ясы и устремились на юг. Над группой «Южная Украина» на-

висла угроза окружения и разгрома. Только теперь гитлеровские генералы окончательно осознали замысел советского командования...

В ночь на 22 августа начальник генерального штаба Гудериан, битый нами под Тулой еще в сорок первом году, дал разрешение на отвод 6-й немецкой армии за реку Прут. Но было уже поздно.

К исходу 23 августа войска 37-й армии и приданный ей механизированный корпус вышли к переправам через Прут в районе Леушены, Леово, где соединились с войсками 2-го Украинского фронта.

В гигантском кольце оказалось 18 дивизий 6-й немецкой армии, почти триста тысяч солдат и офицеров. Оставляя свои позиции на Кишиневском выступе, вся эта масса войск устремилась к румынской границе. Теснимые с севера и запада советскими войсками, неся огромные потери от ударов нашей авиации, гитлеровцы пытались пробиться к спасительным речным переправам...

Тремя многотысячными колоннами, похожими на огромный таран, ударную часть которого составляли танки и штурмовые орудия, гитлеровцы обрушились на центр боевых порядков нашей 37-й армии. Враг шел ва-банк.

Находясь на командном пункте в городе Чимишлии, я был вынужден организовать оборону штаба и тылов армии от прорывающегося на юго-запад врага. Один раз выручил 52-й танковый полк, в другой раз — отряд заграждения... На критический участок под Сарата-Галбенэ я перебросил на машинах свой армейский резерв: 64-й стрелковый корпус. Эта брешь была закрыта, но, пользуясь отсутствием сплошного фронта, гитлеровцы все-таки прорвались к Карпиненам и двинулись напролом к Пруту.

В это тревожное время на мой командный пункт приехал командующий фронтом. Генерала Ф. И. Толбухина беспокоило положение на этом участке. Казалось, что немецкая армия вот-вот прорвется к переправам. Но мы держались...

Утром 26 августа бои разгорелись с новой силой. Волна за волной идут на бомбежку эскадрильи нашей штурмовой авиации. Командный пункт летчиков находится в сотне шагов от моего штаба. Мы работаем «на одном дыхании». Генерал-полковник А. Судец направляет удары авиации по заявкам наземных войск. Цели не надо искать — все проселки между холмами забиты фашистскими солдатами и техникой...

Хладнокровно отражают отчаянный натиск врага наши закаленные полки, но желанный рубеж на реке Прут все еще манит гитлеровцев... Здесь в памятном сорок первом они перешли советскую границу, двинулись на восток. Теперь, окруженные на этой же земле, они старались прорваться на запад. От организованных соединений остались одни воспоминания — хаос и

паника царили во вражеском войске. Мы знали, что командование 6-й немецкой армии бежало на самолете, бросив своих солдат на произвол судьбы.

И тогда по всему кольцу переднего края заговорили мощные радиоустановки. Командование фронтом предлагало окруженным прекратить бессмысленное сопротивление. Стихли выстрелы, воцарилась непривычная после грохочущих дней тишина... И враг пошел, но уже с белыми флагами... Только 27 августа на участке 37-й армии сложили оружие 20 тысяч немецких солдат и офицеров...

Но на западном берегу Прута бои продолжались еще два дня. 29 августа войсками 2-го Украинского фронта были разгромлены основные силы окруженной у города Хуши 50-тысячной группы генерала Мита.

Полное поражение потерпел враг и на юге перед фронтом 46-й армии. Форсировав Днестровский лиман и обойдя с севера приморскую группировку фашистов, наши войска заставили сложить оружие 3-ю армию фашистского генерала Думитреску.

Ранее, 24 августа, соединения 5-й ударной армии генерала Н. Э. Берзарина штурмом овладели столицей Советской Молдавии. Первой ворвалась в город 89-я стрелковая дивизия. Бойцы батальона капитана А. И. Бельского выбили врага с центральных улиц и водрузили над Кишиневом Красное знамя.

Ясско-Кишиневская операция августа 1944 года вошла в историю второй мировой войны как блестящий пример стратегического мастерства Советской Армии. За несколько дней боев была окружена и разбита мощная группа армий «Южная Украина». Советские войска пленили 208 600 вражеских солдат во главе с 24 генералами, захватили огромное количество техники.

Историки называют эту операцию современными Каннами. Однако значение ее не ограничивается только чисто военным успехом. Она стала началом и главной предпосылкой освобождения балканских стран от фашизма. Именно в результате этой победы советский солдат протянул руку помощи народам Румынии, Болгарии, Югославии. Об этом времени мы мечтали еще в тяжелые дни 1941 года. Уже тогда мы знали, что, громя гитлеровскую Германию, мы защищаем свободу не только своей Родины, но всех порабощенных народов Европы.

Блистательная операция

А. К. БЛАЖЕЙ,
генерал-лейтенант запаса,
бывший начальник штаба 37-й армии

Тогда, в августе 1944 года, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов выполняли директиву Ставки Верховного Главнокомандования о подготовке и проведении операции, вошедшей в историю Великой Отечественной войны под названием Ясско-Кишиневской.

Советские войска добились выдающихся успехов в ходе зимней кампании 1943—1944 годов. Ставка Верховного Главнокомандования намечала теперь ответственную задачу окружения и уничтожения крупной группировки войск противника, в которую входили две немецкие армии (6-я и 8-я), две румынские армии (3-я и 4-я) и 17-й отдельный немецкий корпус — всего 50 дивизий, из них 25 немецких, в целом — около миллиона солдат и офицеров. Вот какие огромные силы держали оборону против двух наших фронтов в Молдавии.

В первомайском приказе Верховного Главнокомандования в 1944 году перед Советской армией ставилась огромной важности задача — полностью очистить наши земли от фашистских захватчиков, форсировать Прут и принести народам Румынии, Болгарии, Польши, Чехословакии и других стран Европы долгожданную свободу.

Советская Армия к тому времени накопила большой опыт наступательных боев против нацистских войск. И этот опыт был творчески применен в Ясско-Кишиневской операции.

Гитлеровское командование ждало нашего главного удара из района Дубоссары, Григориополь, Карманово на Кишинев. А Верховное Командование Советского Союза решило силами двух фронтов — 2-го и 3-го Украинских — окружить и разгромить группировку противника в районе Яссы, Кишинев, Бендеры и овладеть рубежом Бакеу, Леово, Тарутино, Молдавка, а в дальнейшем наступать на Фокшаны, Галац, Измаил.

Чтобы ввести в заблуждение немецкое командование, советские части проводили оперативную маскировку в полосе 5-й ударной армии в районе Реймаровка, Карманово, Ташлык,

имитировали сосредоточение крупных танковых, общевойсковых и артиллерийских соединений. И замысел в значительной мере удался.

Фронты прорывали оборону противника на узких участках: 2-й Украинский фронт в районе Ясс с развитием наступления в направлении Васлуй, Фельчиу, а 3-й Украинский фронт — южнее Бендер, с Кицканского плацдарма, в направлении Опач, Селемет, Хуши.

3-й Украинский фронт главный удар наносил усиленной 37-й армией, частью сил 57 и 46-й армий, 7 и 4-м мехкорпусами в общем направлении Опач, Чимишлия, Леово в стык между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями. Цель операции: окружить и уничтожить эти армии порознь.

Части 37-й армии, расположенные на направлении главного удара — на Кицканском плацдарме, — как и другие армии 3-го Украинского фронта, готовясь к наступлению, тщательно изучили систему обороны противника, противостоящие силы и их расположение. Перед наступлением была произведена силовая разведка.

Предстоящей операции была подчинена и вся партийно-политическая работа в частях. Во всех соединениях за несколько дней до начала наступления состоялись партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждались задачи коммунистов и комсомольцев в предстоящих боях по освобождению Молдавии. На собраниях принимали участие командарм генерал Шарохин, член Военного совета, командиры соединений и частей. За два-три часа до наступления командиры и политработники зачитали воинам боевой приказ и обращения военных советов фронта и армии к войскам. Эти обращения призывали бойцов и командиров к быстрейшему освобождению земли Молдавской республики от гитлеровской нечисти, призывали вырвать из фашистской неволи столицу Молдавии — город Кишинев.

20 августа в 8 часов утра грозная лавина огня артиллерии и авиации обрушилась на головы захватчиков, а в 9 часов 42 минуты вслед за залпами «катюш» раскатилось многотысячное «ура». В атаку ринулись танки, пехота, артиллерия, автомашины. Советские воины горели желанием наказать фашистов за их злодеяния, учиненные на нашей земле, очистить Молдавию от фашистской чумы.

К 20 часам части армии продвинулись в оборону противника на глубину 10—11 километров.

На следующий день, 21 августа, армия разгромила в районе с. Ермоклия гитлеровскую 13-ю танковую дивизию и группу «Драбе», пытавшихся восстановить оборону, ввела в бой 7-й механизированный корпус и перешла в стремительное преследование. 6-му гвардейскому и 7-му механизированному корпусам была поставлена задача к исходу 23 августа выйти пе-

редовыми отрядами на р. Прут, овладеть Леово и переправами[1].

К исходу 23 августа к Пруту подошли передовые отряды указанных корпусов, захватили ряд переправ от Леушены до Леово и Филипены включительно. Первыми на восточный берег Прута вышли 16-я и 64-я механизированные бригады 7-го механизированного корпуса генерала Каткова и передовые отряды 6-го гвардейского стрелкового корпуса. Передовой отряд — 57-й гвардейский стрелковый полк 20-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием подполковника Гугина к утру 24 августа, форсировав р. Прут севернее Леово, захватил на западном берегу с. Бэлтяноул и в 12 часов 30 минут соединился с передовым отрядом 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта.

А передовой отряд корпуса под командованием капитана Шакирова к 18 часам 23 августа овладел Ганасены-Ноу (5 километров южнее Леово), пленив до 300 фашистов; ночью форсировал р. Прут и утром 24 августа с боем овладел с. Ветришоая, захватив 250 пленных и уничтожив до 400 солдат и офицеров противника.

Уничтожив противника, передовой отряд занял оборону по гребню высот фронтом на север, запад и юг, перерезав шоссе Хуши—Фельчиул и к 15 часам полностью выполнил поставленную ему задачу[2].

64-я мехбригада 7-го мехкорпуса, удерживая с. Колмацуй, с. Чоары и плацдарм на западном берегу Прута, к исходу 25 августа соединилась с 48-м стрелковым корпусом 52-й армии 2-го Украинского фронта, а 63-я мехбригада, овладев с. Немцены, соединилась с 252-й стрелковой дивизией 2-го Украинского фронта.

Таким образом, 24 августа группировка противника из семнадцати пехотных, одной учебно-полевой немецких дивизий, более сорока отдельных частей, штабов четырех корпусов оказалась в огромном «котле». Эта, еще не битая вражеская группировка, сорвавшись с обороны на Днестре и преследуемая 5-й ударной и 4-й гвардейской армиями, пыталась любой ценой прорваться через боевые порядки 37-й армии за р. Прут, где надеялась найти спасение в Карпатах.

В связи с такой обстановкой мы вынуждены были частью сил 7-го мехкорпуса и 6-го гвардейского стрелкового корпуса удерживать переправы, а их главные силы повернуть на восток и северо-восток, ввести в сражение 64-й стрелковый корпус в направлении Кугурлуй, Чадыр, а 82-м стрелковым корпусом

[1] Архив МО СССР, ф. 8900, д. 126, кор. 4094, л. 158; ф. 392, оп. 264804, д. 1, л. 44.

[2] Архив МО, ф. 6 гвск, оп. 799, ф. 8, д. 520, л. 42.

нанести удар в направлении Гура-Галбена, Сарата-Галбена, Албина во фланг прорывающейся вражеской группировке.

Начались ожесточенные бои. Кстати, приведу слова командующего 2-м Украинским фронтом маршала Малиновского: «...Но, пожалуй, жарче всех было бойцам 37-й армии. Им приходилось сдерживать натиск главных сил 6-й немецкой армии, пытавшихся прорваться на Хуши и Леово между Гура-Галбена и Сарата-Галбена». «37-й армия... выполняла как бы роль наковальни, на которую отбрасывались окруженные немецкие войска»[1].

Все попытки противника прорваться на западный берег Прута были успешно отражены войсками 37-й армии.

В сражениях на молдавской земле героизм наших солдат и командиров был массовым. Напомню хотя бы о бессмертном подвиге ефрейтора, воспитанника Московского автозавода имени Лихачева, русского Александра Гусева и украинского колхозника Кузьмы Гуренко. У села Ермоклия во время вражеской контратаки они с гранатами бросились под фашистские танки. Ценой своей жизни гвардейцы остановили продвижение противника. Обоим гвардейцам посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, приказом министра обороны СССР они навечно зачислены в списки гвардейского полка. В селе Ермоклия ныне стоит памятник отважным воинам.

В этих ожесточенных боях отличились также бойцы 2-го батальона 573-го полка 195-й стрелковой дивизии, которым командовал офицер-коммунист Н. Г. Шариков. Во время боя с вырвавшимися из «котла» гитлеровцами они только за один день 26 августа истребили большое количество фашистов и взяли в плен свыше тысячи солдат и офицеров противника. Этот батальон героев отличился еще во время форсирования Днестра в апреле 1944 года. Тогда наши части, разгромив гитлеровскую группировку в районе железнодорожной станции Раздельная, форсировали с ходу бурный в то время Днестр севернее Бендер (в районе Варницы) и южнее Тирасполя (Копанка—Кицканы—Слободзея). За подвиг, совершенный на Днестре, командир батальона Николай Григорьевич Шариков был удостоен Золотой звезды Героя Советского Союза, а весь личный состав батальона награжден орденами и медалями.

Во время августовской операции массовый героизм проявили также бойцы и командиры 188-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник С. С. Сенин. Части нашей армии тогда стремительно продвигались к Пруту, чтобы замкнуть кольцо окружения кишиневской группировки, соединиться с войсками 2-го Украинского фронта. Дивизия получила приказ занять оборону. Пять небитых еще дивизий врага попытались пробиться через рубежи, на которых насмерть стояли бойцы

[1] Ясско-Кишиневские Канны, стр. 173, 175.

188-й дивизии. Бой был ожесточенным и длился беспрерывно более двух суток. Советские воины выдержали натиск во много раз превосходивших сил врага, не пропустили фашистов к реке. 1200 солдат и командиров 188-й дивизии за этот массовый героический подвиг были отмечены боевыми орденами и медалями.

Массовую отвагу проявила тогда и 195-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник И. С. Шапкин. Он организовал «мешок», в который заманил прорывавшихся из окружения гитлеровцев, а затем разгромил и пленил их.

Массовый героизм и доблесть проявили танкисты 7-го мехкорпуса генерала Каткова. Вот, например, танкисты 63-й мехбригады в Карпиненах отразили несколько яростных контратак противника. Однако значительной группе немецких войск удалось прорваться к Пруту в районе Поганешти и начать переправу. И здесь снова на них обрушились танкисты 63-й мехбригады. Только убитыми немцы потеряли свыше полутора тысяч человек, восемьсот солдат и офицеров были захвачены в плен. Только 25 августа корпус уничтожил до пяти тысяч немцев и захватил в плен свыше тысячи восьмисот солдат и офицеров.

Завершился разгром окруженной кишиневской группировки противника. Многотысячные колонны военнопленных немцев «победоносно» шествовали на Восток под конвоем нескольких советских солдат и офицеров. Приятно было смотреть на такие шествия. Об одной такой колонне, следовавшей на восток, и хочется рассказать.

27 августа я поехал к командиру 6-го гвардейского корпуса т. Котову уточнить приказ на предстоящий поход в Румынию, а затем в Болгарию.

По дороге к командному пункту 6-го гвардейского корпуса я встретил необычное шествие быков и овец. Быки несли на рогах: один — немецкое полковое знамя со свастикой, а другой — плакат: «Это все, что осталось от 6-й немецкой армии». На бычьих шеях в несколько рядов висели ожерелья из гитлеровских железных крестов. За быками шли овцы, позванивая фашистскими орденами и медалями. Оказалось, что животные и фашистские награды были трофеями наших солдат. Эти трофеи бойцы сопровождали в село Гура-Галбенэ, где находился сборный пункт пленных. В этой солдатской шутке наши воины стремились показать подлинную цену нацистским наградам.

Ясско-Кишиневская операция вошла славной страницей в летопись Великой Отечественной войны, была выиграна благодаря верной стратегии и тактике советского командования, высокому уровню его военного искусства, смелости, отваге, воинскому мастерству и подлинно массовому героизму личного состава. В результате боев советские войска только пленными взяли свыше 200 тысяч вражеских солдат, офицеров и генералов (в том числе 37-я армия захватила около 40 тысяч). Группировка армии «Южная Украина» перестала существовать.

25 августа 1944 года в печати был опубликован приказ Верховного Главнокомандования в связи с освобождением Молдавской республики и ее столицы — города Кишинева — от немецко-фашистских захватчиков. Получили мы на фронте и радостное известие о многолюдном митинге в Кишиневе. В единодушно принятом обращении труженики столицы Молдавии выражали безграничную благодарность воинам Советской Армии, вернувшим им свободу и счастье жить и творить в великой и единой семье народов Советского Союза. В этом обращении были слова их клятвы:

«...В этот торжественный и незабываемый для нас день мы клянемся всю безграничную любовь к Советской Родине и неугасимую ненависть к врагу воплотить в конкретные дела — в творческий труд по быстрейшему восстановлению всего народного хозяйства Молдавии, родного города Кишинева, восстановлению его разрушенных предприятий, школ, больниц, научных и культурных учреждений».

Мы, ветераны Советской Армии, рады от души, что кишиневцы, как и все труженики Молдавской республики, выполнили свою клятву, сделали свой город прекрасным, что они самоотверженно трудятся во славу родной Советской Отчизны. Недаром на знамени Кишинева сияет высшая награда Родины — орден Ленина.

Перед битвой

И. АНОШИН,
генерал-лейтенант в отставке,
бывший начальник политуправления
3-го Украинского фронта

Весна 1944 года. Трудное, но вместе с тем славное время. Сломив сопротивление противника на правобережье южной Украины, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, несмотря на весеннюю распутицу и упорное сопротивление врага, стремительно продвигались к границам Молдавии. К маю войска форсировали Прут, в ряде мест Днестр и освободили часть территории Молдавии. Линия обоих фронтов стабилизировалась. Войска перешли к временной обороне. Так завершился первый этап освобождения Молдавской ССР.

Второй этап освобождения Молдавии связан с Ясско-Кишиневской операцией, одной из выдающихся операций Великой Отечественной войны. В результате ее советские войска наголову разбили крупные соединения гитлеровцев, которые удерживали важные рубежи южного крыла стратегического фронта противника.

Операция была проведена по замыслу и под непосредственным руководством Ставки Верховного Главнокомандования силами двух фронтов: 2-го Украинского (командующий генерал армии Р. Я. Малиновский, член Военного совета генерал-лейтенант И. З. Сусайков) и 3-го Украинского (командующий генерал армии Ф. И. Толбухин, член Военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов). В операции принимали также участие Черноморский флот и Дунайская военная флотилия.

Командование 2-го и 3-го Украинских фронтов отлично понимало всю сложность задач, которые предстояло решить. Поэтому прежде всего были тщательно изучены система обороны противника, противостоящие силы и их расположение. Войска тренировались на преодолении укреплений, блокировке дотов и дзотов, в стремительных маршах на пересеченной местности. Инженерные части строили дороги, переправы, маскировочные сооружения. Интересам предстоящих наступательных действий была также подчинена вся партийно-политическая работа в войсках.

В основу военно-политического обеспечения наступательных

действий был положен первомайский приказ Верховного Главнокомандующего. В этом документе были подведены итоги выдающихся успехов, достигнутых Советской Армией в борьбе с немецкими захватчиками за время зимней кампании 1943—1944 гг. и определены очередные задачи.

Первомайский приказ вызвал в войсках огромный политический подъем. Каждый воин горел желанием поскорее разгромить ненавистного врага.

Много пришлось поработать с поступившим в войска новым пополнением. В этой работе, кроме командиров и политработников, участвовали бывалые солдаты, сержанты, старшины.

2-го августа фронты получили директиву Ставки Верховного Главнокомандования о подготовке и проведении наступления. Основной замысел наступательной операции, как предусматривала директива, был в том, чтобы охватывающими ударами фронтов окружить и уничтожить противника в районе Кишинев—Яссы, не дать ему возможности ускользнуть.

Большая по размаху и выдающаяся по своим результатам Ясско-Кишиневская операция в основном закончилась в десять дней. Она была проведена точно так, как это было предусмотрено директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 2 августа 1944 года.

В период Ясско-Кишиневской операции были разбиты, окружены и ликвидированы 6-я и 8-я немецкие, 3-я и 4-я румынские армии. По данным Совинформбюро от 12 сентября 1944 года, общие потери по главным видам техники и живой силы составляли: самолетов — 338, танков и самоходных орудий — 830, орудий разных калибров — 3500, автомашин — 33 000. Убито и взято в плен 256 600 солдат и офицеров, больше полутора десятка генералов.

Характерно, что в Ясско-Кишиневской операции наши войска не имели решающего численного превосходства над противником. Победа была выиграна благодаря высокому стратегическому и тактическому искусству советского командования, смелости, отваге и героизму личного состава войск.

Радостно было видеть слаженную работу всех родов войск: пехотинцев, танкистов, артиллеристов, летчиков, саперов, связистов. Они оказались выше всякой похвалы. Советские артиллеристы и летчики мощными ударами подавляли и разрушали выявленные огневые точки и укрепления противника.

В период наступления советские бойцы, офицеры и генералы проявили невиданный массовый героизм. Только в августе 1944 года за мужество и отвагу было награждено орденами и медалями более 18 тысяч солдат и офицеров. Особо отличившимся в боях за освобождение Молдавии 153 воинам присвоено звание Героя Советского Союза, 66 частей и соединений награждены орденами, 150 удостоены почетных наименований, в том числе — 26 Кишиневских.

Бессмертный героический подвиг совершил старший сержант Петр Банников. Рота, в которой служил он, наступала на одном из ответственных участков. Огонь вражеского дзота преградил бойцам путь. Наступление замедлилось. Сержант Банников подполз к огневой точке. В трех метрах от дзота был тяжело ранен. Собрав последние силы, он бросился к амбразуре фашистского дзота и телом закрыл ее. Сержант Банников повторил бессмертный подвиг Александра Матросова, ценою своей жизни обеспечив дальнейшее продвижение роты.

Отважно дрался с врагом комсорг роты из 266-го стрелкового полка сержант Хорошев. В период прорыва обороны противника он обеспечивал огнем наступающие подразделения. Вражеская пуля ранила его, но воин остался в боевых рядах, продолжая разить врага. И только когда наши бойцы ворвались во вражеские траншеи, сержант Хорошев был отправлен в госпиталь.

...Ликвидация окруженной группировки противника проходила в быстром темпе. Уже 28 августа Советское Информбюро сообщило, что с зажатыми в кольцо вражескими войсками в районе юго-западнее Кишинева покончено.

Говоря об освобождении республики, нельзя не упомянуть о том большом вкладе, который внес в общую борьбу молдавский народ. Только в летних боях 1944 года в составе 2-го Украинского фронта участвовало до 10 тысяч сынов молдавского народа.

Вскоре после освобождения Кишинева в городе состоялся многолюдный митинг, на котором было принято обращение:

«Велика наша радость и безгранична благодарность всем доблестным воинам Красной Армии,— говорилось в нем,— снова вернувшим нам нашу свободу. Мы снова обрели счастье жить и творить в великой и единой семье народов Советского Союза. В этот торжественный и незабываемый для нас день мы клянемся всю безграничную любовь к Советской Родине и неугасимую ненависть к врагу воплотить в конкретные дела — в творческий труд по быстрейшему восстановлению всего народного хозяйства Молдавии, родного Кишинева, восстановлению его разрушенных предприятий, школ, больниц, научных и культурных учреждений».

Клятву свою труженики Молдавии сдержали с честью.

484752

Пятая ударная в боях за Молдавию

Ф. Е. БОКОВ,
бывший член Военного совета 5-й ударной армии

В те дни в сводках Информбюро наши фронты не упоминались либо о них коротко сообщалось: «На остальных фронтах шли бои местного значения». Что скрывалось за этой лаконичной строкой официального сообщения, доподлинно знали в Ставке, в штабах наших соединений и в тех частях, офицеры и солдаты которых, окопавшись на переднем крае, зорко вглядывались вперед...

Лето 1944 года выдалось знойным, и днем над высоким днестровским берегом колыхалось голубое марево. Во избежание излишних потерь из прибрежных сел тридцатикилометровой прифронтовой полосы нашей армии было эвакуировано все население, и теперь здесь, на огромном пространстве, стояли неубранные, все в зелени и плодах, ветвистые деревья, с которых ярко-багряными бусинками свисали зрелые вишни. Насколько видел глаз, желтела подступавшая к обрывам нескошенная рожь...

Но вот внезапно нарушилась тишина и, вздымая фонтаны земли и пыли, начали рваться вражеские снаряды. Открывали ответный огонь все новые и новые наши батареи, разгоралась артиллерийская дуэль, и вскоре весь горизонт был в огневых вспышках...

Прошло полчаса, и постепенно стрельба стихла, чтобы через некоторое время снова взорваться грохотом разрывов снарядов и мин, автоматными очередями.

Фронт жил по законам войны.

...Закончился период затишья в боях. По указанию Военного совета фронта, 5-я ударная армия в июне начала усиленно готовиться к участию в предстоящей наступательной операции.

Для того чтобы уяснить важность поставленной перед ее командованием и войсками задачи, напомним сложившуюся обстановку в отведенной ей полосе боевых действий. К тому времени 5-я ударная армия, еще в апреле захватившая с боями небольшой плацдарм, дислоцировалась по реке Днестр на широком фронте до 160 км. Ей противостояли семь гитлеровских

Центральная городская
Библиотека им. Пушкина
гор. Бельцы

и две румынских дивизии, засевшие в заранее созданных ими долговременных укреплениях.

Такая крупная группировка вражеских соединений была сосредоточена против нашей армии далеко не случайно. Судя по контуру переднего края советских войск, фашистское командование предполагало, что они свой главный удар нанесут по ней в полосе действий 5-й ударной армии. Ведь именно отсюда было кратчайшее расстояние до столицы Молдавской ССР — Кишинева.

Но гитлеровские генералы так и не сумели разгадать действительные намерения нашего Верховного Главнокомандования. А к тому времени план проведения Ясско-Кишиневской наступательной операции советских войск был уже тщательно разработан и утвержден Ставкой. Общий ее замысел состоял в том, чтобы мощными, сходящимися ударами войск 2-го и 3-го Украинских фронтов — с севера и востока — прорвать оборону противника на всю ее тактическую глубину, затем, развернув преследование, отсечь и окружить его основные силы, и, в дальнейшем, одновременно с их ликвидацией, стремительно развить наступление советских войск в глубь Румынии с тем, чтобы вывести ее из войны. В этой важной операции, помимо сухопутных войск и авиации, принимали участие и моряки Черноморского флота и Дунайской военной флотилии.

Военный совет 3-го Украинского фронта поставил перед 5-й ударной армией весьма ответственную задачу — своими активными боевыми действиями возможно дольше сковывать силы и оперативные резервы врага перед своим передним краем и этим создавать у него впечатление, что главный удар фронта будет нанесен именно здесь. Затем, в установленное время, наши войска должны были перейти в решительное наступление, прорвать оборону противника и в ходе боев освободить столицу Молдавской ССР.

Изучив и оценив обстановку, командующий 5-й ударной армией генерал Н. Э. Берзарин принял решение сделать максимум возможного в этой операции. Под его руководством был разработан оригинальный план боевых действий армии, в котором было предусмотрено: вначале провести дезинформирующие противника мероприятия, а затем — на первом этапе наступления — прорвать главную полосу обороны противника, с переходом к преследованию его разгромленных войск, в ходе которого должен быть освобожден Кишинев.

В дальнейшем наши войска, во взаимодействии с другими армиями, должны были активно участвовать в окружении, уничтожении и пленении крупной вражеской группировки.

Смелость и своеобразие этого решения Военного совета и командарма заключались в том, что на 20-километровом фронте главного направления нашего предстоящего наступления была сосредоточена основная масса войск армии,—шесть стрелковых дивизий из семи наличных с частями усиления. Остальная же, большая часть переднего края армии — протяженностью в 135 км — была прикрыта лишь одной стрелковой дивизией, заградительными отрядами, армейским запасным полком и отдельными стрелковыми ротами.

При разработке плана операции принималось во внимание, что местность, окружающая Кишинев, господствует над городом. Отсюда можно было не только хорошо просматривать все подходы к нему, но и держать их под огневым контролем не только нашей артиллерии, но и других боевых средств стрелковых частей.

Учитывалось и то, что кишиневский опорный пункт обороны противника на правом берегу притока Днестра — реке Бык — представлял собой главный узел автогужевых дорог междуречья Днестр—Прут и его разгром лишал противника возможности какого-либо маневра.

Таков был, в общих чертах, план действий нашей армии в предстоящей наступательной операции. А предварительно, готовясь к ее проведению, нужно было «приковать» к себе войска противника, дезориентировать его командование, не дать ему возможности разгадать стратегический замысел Ставки Верховного Главнокомандования и направления главных ударов Советских Вооруженных Сил.

И, как показали последующие боевые действия, это в полной мере удалось.

Как же решалась поставленная задача?

В полосе армии проводилась тщательная маскировка действительного нахождения ее живой силы, штабов и боевой техники. По ночам наши войска скрытно передвигались в новые районы сосредоточения, и тут же окапывались и маскировались. В некоторых же районах искусно имитировалось сосредоточение войск и боевой техники. Этим фашистские разведчики и «слухачи» вводились в заблуждение. В частности, в связи с установкой в ряде мест макетов танков и орудий, вражеская авиаразведка «фиксировала» сосредоточение наших танковых частей в районе с. Реймаровка, пехоты—в районе Карманово и артиллерии — у Ташлыка, Бутора и др.

Чтобы укрепить убеждение гитлеровского командования, что именно здесь готовится главный удар советских войск на Кишиневском направлении, за двое суток до начала наступления войск двух фронтов 5-я ударная армия в полосе своих действий нанесла по вражеским соединениям ряд сильных огневых ударов, которые сопровождались демонстративными атаками нашей пехоты и танков. Одновременно стали активно работать и наши радиопередатчики, через которые передавались сведения, вводившие в заблуждение вражескую разведку.

Все это противник расценил как подготовку к нанесению здесь советскими войсками главного удара по его обороне и

тут же стал спешно подтягивать к переднему краю некоторые свои части с других участков фронта.

В том, как умело был разработан в штабе армии, а затем, под руководством генерала Н. Э. Берзарина, четко осуществлен план дезинформации фашистского командования, мы убедились уже в ходе наступления на Кишинев. Это, в частности, было подтверждено и захваченными в бою документами, и показаниями пленных офицеров штаба 52-го немецкого армейского корпуса, попавшего в с. Мерены под удар частей нашей 295-й стрелковой дивизии, возглавляемой генерал-майором А. П. Дорофеевым.

В результате противостоявший нам противник не отвел из полосы действий армии ни одной из своих дивизий для отражения наступления главной группировки войск двух наших фронтов. А затем он уже не был в состоянии их оттянуть, так как они оказались под мощными ударами соединений 5-й ударной армии.

Но все это выяснилось позже, в ходе единоборства. А тогда, здесь, под руководством командарма и Военного совета армии, наряду с дезинформацией противника, шла деятельная подготовка к предстоящему наступлению: постепенно, с боями, были расширены плацдармы за Днестром, наши части укомплектованы до штатного состава, укреплены кадры командиров, политработников и с ними была проведена соответствующая работа. При этом особое внимание уделялось повышению роли командиров-единоначальников.

В августе 1944 года Военный совет армии провел пятидневные сборы 435 командиров рот, батарей и батальонов. Им были прочитаны доклады: «Командир — единоначальник и политический воспитатель своих подчиненных», «Об использовании огневых средств роты в наступательном бою», «О материальном и техническом обеспечении наступательного боя», «Об офицерской чести», «О политической работе в подразделении», «О ротном хозяйстве» и др.

На сборах выступили командующий армией генерал Н. Э. Берзарин, члены Военного совета, заместители командарма, начальник политического отдела армии и начальники служб полевого управления армии. Тут же Военный совет армии присвоил положительно проявившим себя в боях 62 комадирам рот очередные воинские звания, а 35 из них, наиболее отличившимся, были вручены и правительственные награды.

При подготовке к наступлению, в соответствии с планом операции, была проведена скрытная перегруппировка войск. Во всех штабах кипела напряженная работа. Уточнялся состав противника, его позиции, противотанковые районы, опорные пункты, узлы сопротивления и система огня, отрабатывались оперативные документы, проводилась рекогносцировка местности. Исключительно большую работу проводили в то время в

войсках партийно-политические работники. Многие из них находились среди солдат на переднем крае.

Под руководством члена Военного совета полковника В. Я. Власова и начальника тыла армии генерала Н. В. Серденко важные задачи решали и тыловые органы: к переднему краю подвозились боеприпасы, горючее, накапливалось продовольствие. Выдвигались из тыла и развертывались в районах предстоящих боев полевые госпитали и медсанбаты.

...И вот получена директива фронта о начале операции.

В канун наступления Военный совет армии обратился к красноармейцам, сержантам, офицерам и генералам с таким обращением:

«Боевые товарищи!

Перед нами родная Советская Молдавия. Вперед — на Кишинев! Вырвем из фашистской неволи столицу Молдавии. Мы идем по пути наших великих предков. Не раз в прошлом видели эти места славных русских солдат и полководцев. Бывали здесь Петр Первый и Румянцев, Суворов и Кутузов. Теперь мощной поступью здесь идет Красная Армия по пути к полному разгрому ненавистного врага.

Доблестные бойцы, офицеры и генералы!

Беспощадно уничтожайте проклятых захватчиков. Не давайте врагу покоя ни днем, ни ночью. Смело и решительно взламывайте вражескую оборону. Прорывайтесь в тылы войск противника. Окружайте, дробите и истребляйте их. Бейте гитлеровцев, как прежде их били под Сталинградом, в Донбассе, Очакове, Николаеве и Одессе. Освободим нашу советскую землю от врага и добьем его в собственной берлоге».

Для наступления и освобождения Кишинева, последующего преследования, окружения и уничтожения противника командарм Н. Э. Берзарин, по предложению штаба армии и его начальника полковника А. М. Кущева, решил образовать две группировки войск. Первой из них, в составе трех дивизий 32-го стрелкового корпуса, была поставлена задача: с рубежа Пугачены, Шерпены нанести удар в западном направлении и выйти на южную и юго-восточную окраины Кишинева; второй группировке — соединениям 26-го стрелкового корпуса — было приказано: наступая с плацдарма на правом берегу р. Реут, южнее Оргеева, в южном направлении, во взаимодействии с 32-м стрелковым корпусом, преследовать, окружить части противника и захватить северную и северо-западную части столицы Молдавской ССР.

Нашим соединениям пришлось вести наступательные бои в весьма сложной обстановке. Дело в том, что гитлеровское командование длительное время укрепляло «Кишиневский выступ». Придавая обороне на этом выгодном для себя рубеже исключительно большое значение, гитлеровцы не жалели ни сил, ни средств, чтобы отстоять его. В результате им удалось

построить здесь глубоко эшелонированную и прочную оборону. Вдоль занимаемого противником высокого берега Днестра протянулись сплошные оборонительные линии, связанные между собой разветвленными и глубокими ходами сообщения.

Главная полоса обороны врага состояла из двух, а местами из трех линий, причем в каждой из них были 2—3 траншеи.

Основой обороны противника являлась стройная система опорных пунктов, сочетавшаяся с артиллерийскими и минометными позициями. Как полагало гитлеровское командование, это давало им возможность создавать на угрожающих участках завесы сплошного огня и, таким образом, не допустить прорыв нашими частями его обороны.

Помимо этого, фашисты приспособили населенные пункты в районе Днестра к круговой обороне. Они опоясали их несколькими рядами колючей проволоки и заминировали местность перед своим передним краем.

Но все это впоследствии не спасло их от поражения.

И вот настал момент «Ч» ...Ясско-Кишиневская операция началась внезапным огневым ударом по противнику войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, которые одновременно с двух направлений — южнее Бендер и северо-западнее Ясс — повели наступление. Мощная артиллерийская подготовка, как и бомбовые удары нашей авиации по районам сосредоточения вражеских войск и его огневым средствам и опорным пунктам, в первые же минуты спутали карты гитлеровцев, нанесли им большие потери. Затем, поднявшись в едином порыве, советские воины бросились в решительную атаку...

Уже в первый день операции была взломана главная полоса фашистской обороны и для углубления прорыва в образовавшиеся бреши были введены крупные подвижные соединения. К исходу третьего дня наступления они, круша живую силу и технику врага, с боями продвинулись на глубину 60—70 километров. В тот период перед командованием и воинами 5-й ударной армии стояла задача: не дать возможности противнику отвести свои войска из полосы наших действий для оказания сопротивления главной наступающей группировке двух советских фронтов.

Это потребовало от всех наших штабов и войск непрерывного наблюдения за противником. На его позиции были направлены перископы со всех наблюдательных пунктов. Одна за другой в ночной мгле переваливались через брустверы окопов и ползли в сторону вражеских позиций поисковые группы наших разведчиков. С рассвета и до глубокой ночи действовала фронтовая авиаразведка, которая держала под своим наблюдением шоссейные и железные дороги, всю прифронтовую местность. То и дело наши разведчики приволакивали «языков»— немцев и румын. Их показания также проясняли многое...

И вот, проанализировав разведдонесения и материалы опросов военнопленных, начальник разведотдела армии А. Д. Синяев доложил генералу Берзарину и мне, что гитлеровцы планируют начать в эту ночь на ряде участков скрытный отход своих частей, оставляя на передовых позициях для прикрытия лишь отдельные подразделения. Дальше нельзя было медлить... И командующий армией Н. Э. Берзарин по согласованию с руководством фронта отдает боевое распоряжение о начале наступательных действий.

...Ровно в 2 часа 30 минут ночи, по указанию командующего артиллерией армии генерала П. И. Косенко, вдоль всего переднего края загрохотали наши орудия... Артиллерийский удар по заранее разведанным опорным пунктам и позициям противника был для него внезапен и, как показали потом пленные, весьма меток. Гитлеровцы и их сателлиты понесли большие потери. А потом раздалось мощное красноармейское «ура»... Следуя за огневым валом и уничтожая в бою гитлеровцев, прикрывавших отход своих частей, наши войска стали прогрызать вражескую оборону. Уже к 5 часам утра над многими ее укреплениями взвились красные флаги. Это означало, что позиции гитлеровцев были повсеместно заняты нашими подразделениями, которые продолжали наращивать силу своих ударов по врагу.

На командном пункте непрерывно звонили полевые телефоны... Командир 26-го гвардейского корпуса Герой Советского Союза генерал-майор П. А. Фирсов доложил Н. Э. Берзарину, что его соединения успешно, со стороны Оргеева, наступают на противника. Затем о значительном продвижении своих частей сообщил командир 32-го стрелкового корпуса генерал-майор Д. С. Жеребин (ныне Герой Советского Союза, почетный гражданин Кишинева). Его дивизии, действуя с Пугачено-Шерпенского плацдарма, находившегося на кратчайшем расстоянии от столицы Молдавии, стремительно развивали свое наступление.

Вскоре наши войска прорвали вражескую оборону на всю тактическую глубину. Затем, пользуясь образовавшимися брешами в его боевых порядках, командиры корпусов ввели в действие заранее сформированные в корпусах и дивизиях передовые отряды, состоявшие из пехоты на автомашинах, артиллерийских и других средств усиления.

Вскоре такие отряды стали настигать части противника, пытавшиеся закрепиться на промежуточных рубежах, и завязали с ними бои, не давая им оторваться от продвигавшейся вперед нашей пехоты. Наступательный порыв воинов и боевая мощь этих передовых отрядов, каждый из которых представлял собой усиленный стрелковый полк или батальон, привели к тому, что они с честью выполняли свои задачи. Под руководством командиров и политработников, имея в авангарде коммунистов и комсомольцев, они с боями громили опорные пункты и заслоны врага, сеяли среди его солдат панику и этим

создавали условия для дальнейшего продвижения главных сил своих соединений.

Да и не только их. По мере успешного наступления войск 5-й ударной армии, ее командующий Н. Э. Берзарин и штаб перемещали свои командные и наблюдательные пункты на наиболее важные с оперативной точки зрения участки сражения.

А передовые отряды, вырвавшись вперед, продолжали действовать...

Так, проявив высокое воинское мастерство и подлинную отвагу, наступавший через Шерпены, Чимишены, Новые Чеканы на Кишинев, передовой отряд из 32-го корпуса, возглавлявшийся заместителем командира 1042-го стрелкового полка Я. К. Новаком, разгромил в скоротечном бою несколько сот гитлеровцев. При этом особо умело сражались стрелки батальона во главе с их командиром М. С. Савченко, артилерийские расчеты полковых пушек, взводы разведчиков и саперов.

Пройдя за день 40 километров, подразделения 1374-го Краснознаменного полка 416-й стрелковой Таганрогской дивизии еще засветло завязали схватки с врагом на окраине Кишинева. Они действовали на правом фланге. А левее их напористо продвигался вперед передовой отряд 295-й стрелковой дивизии, который возглавлял Герой Советского Союза майор М. А. Золотухин, несколько поодаль и правее сокрушали врага воины передового отряда 60-й гвардейской дивизии.

А в то же время со стороны Оргеева, настигнув гитлеровцев на марше и открыв по ним сокрушающий огонь из всех видов оружия, громили противника передовые отряды 89-й и 94-й стрелковых дивизий. Внезапность их появления и стремительность атак настолько ошеломили гитлеровцев, что, несмотря на численный перевес, они в беспорядке начали отступать, оставляя боевую технику и горящие машины и пытаясь скрыться в лесах...

В ходе боевой операции, на подступах к Кишиневу, части армии, сокрушив сильные арьергарды врага в Драсличенах и Будештах, настигли и разгромили наголову в Меренах подразделения прикрытия штаба 52-го немецкого армейского корпуса, захватив здесь немалые трофеи. Это дало возможность нашим главным силам выйти на подступы к Кишиневу.

Так, вслед за передовыми отрядами, рассредоточившись, в быстром темпе, полк за полком, наступали наши строевые части, приближаясь к столице Молдавской ССР. Вскоре, частью своих сил, войска 5-й ударной армии, истребляя противника на промежуточных рубежах, с севера, востока и юга охватили Кишинев и, создав в ходе боевых действий кольцо окружения, стали сжимать его вокруг вражеского гарнизона.

После артиллерийского обстрела узлов сопротивления противника небо прочертили огненные трассы снарядов наших

реактивных минометов и вверх поднялось коричневое облако. И тотчас же запылали вражеские танки и машины. А потом поднялись и стремительно бросились в атаку наши стрелковые подразделения.

Мы с Н. Э. Берзариным наблюдали с НП отважные действия наших воинов. Они, перебегая от рубежа к рубежу, ведя огонь по гитлеровцам, теснили их. В атаку поднималась очередная цепь и, продвинувшись вперед, в свою очередь, обеспечивала огнем перебежки остальных воинов своего и других подразделений. Слышались оглушительные разрывы снарядов и мин, пулеметные очереди...

К 20 часам сопротивление врага ослабло, а еще час спустя оно было окончательно сломлено. При свете полыхающих огнем зданий, подожженных гитлеровцами при их отступлении и загоревшихся в ходе боя, гвардейские части 94-й и 89-й дивизий 26-го стрелкового корпуса ворвались и завязали бои в районе Скулянской рогатки и северной части Старой Почты. В то же время корпусной передовой отряд, действовавший совместно с отрядами 60-й гвардейской, 416-й и 295-й стрелковых дивизий, захватил Рышковку, Кожевенную Слободу, Ботанику и железнодорожную станцию.

Успешный исход этого сражения решил наш советский солдат, сержант и офицер, действовавшие отважно, не жалея для достижения победы ни сил своих, ни, если этого требовала обстановка, самой жизни...

О них, наших армейских героях, прославившихся своими ратными подвигами в Ясско-Кишиневской операции, и особенно в боях при освобождении столицы Молдавской ССР, хочется рассказать особо. Не случайно их патриотизм и доблесть в боях признавали даже враги. Так, гитлеровский генерал Фриснер вынужден был признать, что «советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно и, надо сказать, даже фанатично»[1].

Первыми с востока в Кишинев ворвались воины 8-й роты 1374-го стрелкового полка во главе с парторгом роты лейтенантом Нурберды Бешимовым. В ожесточенной схватке они истребили до роты противника и захватили 3 миномета и 2 станковых пулемета.

Отважно и дерзко действовал рядовой 1-й стрелковой роты 1374-го полка А. И. Гагиев. Свой боевой счет он в уличных схватках значительно увеличил, истребив 9 фашистов и захватив в плен двух.

При штурме Кишинева отважно и храбро дрались и воины 416-й стрелковой Таганрогской дивизии, возглавляемой командиром дивизии генералом Д. М. Сызрановым и начальником

[1] Ганс Фриснер. Проигранные сражения. М., Воениздат, 1966, стр. 223.

политотдела полковником Р. А. Меджидовым. Массовый героизм проявил личный состав 1373-го стрелкового полка (командир подполковник З. М. Саидбаталов) и 1368-го полка (командир подполковник В. Е. Куркацишвили).

В боях за освобождение Молдавии блестяще проявил себя молодой командир батальона — коммунист Салат Мовланов. Его батальон также одним из первых ворвался в столицу Молдавии и в ожесточенной схватке истребил до сотни гитлеровцев и захватил много пленных.

Среди первых с севера на улицы Кишинева ворвались бойцы 1-го батальона под командованием капитана-коммуниста А. И. Бельского из 273-го гвардейского стрелкового полка. Впоследствии полковнику запаса Герою Советского Союза А. И. Бельскому было присвоено звание почетного гражданина города Кишинева. Это он, со своими храбрецами, преодолевая упорное сопротивление врага, с боями пробился к центру города и водрузил на столбе Красное знамя...

Отважно действовали при штурме Кишинева, прославляя свои боевые знамена, и воины 177-го, 185-го и 180-го гвардейских стрелковых полков, которыми командовали подполковники В. Н. Косов, П. И. Мылов и Ф. В. Чайка.

В уличных схватках блестяще проявил себя и личный состав 1038-го стрелкового полка во главе с его командиром В. Н. Любко, ныне почетным гражданином Кишинева, полковником запаса. В ожесточенных боях с врагом предельно смело и решительно действовали и отважные бойцы передовых отрядов подполковника Я. К. Новака и майора М. А. Золотухина.

В боях за освобождение Кишинева вновь продемонстрировали свое воинское мастерство и беспредельную преданность делу народа воины 295-й стрелковой дивизии, руководимые Героем Советского Союза генерал-майором А. П. Дорофеевым, начальником политического отдела полковником Г. Т. Лукониным, начальником штаба полковником И. К. Свиридовым. Все они действовали решительно и напористо и с честью выполнили поставленную перед ними боевую задачу.

В знаменательные дни нашего наступления на Днестре бок о бок с сынами других народов отважно сражались, освобождая свою родную республику от фашистских оккупантов, и многие славные сыны молдавского народа. Особенно отличились Танасов, Муштейн и Матыс; отважный пулеметчик, в прошлом учитель с. Дороцкое, Трофим Терентьевич Иванов; Иван Бельбес, уроженец Оланештского района; житель с. Скуляны Бельцкого уезда Иван Попович; воины Харлампий Диордица и Кожухарь из с. Бушилы; уроженец с. Слободзея Тираспольского района Кирилл Цуркан; Василий Мейко из с. Дольничены; житель с. Волчинец Гавриил Дойна и Тихон Морару из с. Мерены. В историю части занесено и имя отважного воина-молдаванина Ивана Степановича Суркичана из с. Колоница Криулянского района. Отражая контратаку противника, этот отважный пулеметчик своим огнем скосил несколько десятков гитлеровцев. От берегов Днестра до Берлина — таков его славный боевой путь.

Среди прославившихся в этих боях много и других отважных воинов — уроженцев Молдавии. Так, лишь в одном 1038-м кишиневском стрелковом полку 295-й стрелковой дивизии за образцовое выполнение своего воинского долга 107 сынов солнечной Молдавии было удостоено высоких правительственных наград.

...С боями, очищая от гитлеровцев улицу за улицей, квартал за кварталом, воины 5-й ударной армии к 4 часам 24 августа полностью выбили врага из столицы Молдавии — Кишинева, жители которого пережили 1134 дня фашистской неволи.

Велик был гнев советских воинов, когда они увидели, во что превратили фашистские злодеи столицу республики. Израненный город лежал в развалинах. Многие его здания были сожжены. Главная улица представляла собой два ряда развалин и пепелищ. К небу тянулись огненные языки и клубы черного дыма от подожженных фашистскими факельщиками жилых и административных зданий, взорванных предприятий, вокзала и пристанционных складов, пылали сотни вагонов с грузами.

Многие люди, вышедшие из своих убежищ, плача, рассказывали, как палачи из гестапо и сигуранцы жестоко расправлялись с мирным населением. А теперь кишиневцы восторженно встречали своих освободителей. Сколько счастья и теплоты было в этих мимолетных встречах! В бою воину дорога каждая минута. Он на мгновение задерживается, чтобы попить воды, которую женщины выставили на тротуарах, или закурить, а его уже обступают со всех сторон, угощают виноградом, яблоками.

— Гитлеровцы больше не придут? — такой вопрос задавал каждый житель. И когда гвардеец, приосанясь, отвечал им: «Фашистам не видать Кишинева, как своих ушей!» — какая радость светилась в глазах этих исстрадавшихся людей.

Высокое чувство признательности молдавского народа советским воинам-освободителям ярко выразил писатель Петря Дариенко:

«Кто только ни топтал своими грязными сапогами мою землю, кто только не замахивался на мой народ, кто только не мечтал задушить мою дойну! Не получилось: около нас стоял богатырь. Русские не только молдаван освобождали и не только им бескорыстно помогали. Но молдаван освобождали только русские. Ни один народ в мире не платил так бескорыстно и щедро самой высшей ценой — кровью своих лучших сынов и дочерей — за свободу и независимость братских народов и земель. В этом высшая правда моей земли.

Бывали случаи, когда враждебная чужая сила отрывала нашу территорию от России. Но сердце моего народа от сердца русского не оторвать: Октябрь и Ленина навечно скрепили узы нашей дружбы.

...Наша земля вся в алых цветах. Каждая ее тропинка и каждая поляна обагрены русской кровью: здесь прошли полки Суворова и Кутузова, Толбухина и Малиновского. И лежат рядом с сынами Молдавии в этой древней земле, как в пантеоне солдатской верности и славы, сибиряки и ленинградцы, москвичи и уральцы, азербайджанцы и украинцы...

Дружба советских народов непобедима. Над ней всегда, в любую погоду полощется багряное знамя Ленина».

...В первые дни после освобождения Кишинева, когда юго-западнее города еще шли напряженные бои с окруженной группировкой противника, к нам в армию прибыл Герой Советского Союза Маршал С. К. Тимошенко. В тот период, будучи представителем Ставки Верховного Главнокомандования, он координировал действия 2-го и 3-го Украинских фронтов в Ясско-Кишиневской операции. Ознакомившись с обстановкой, Маршал С. К. Тимошенко вместе с командармом Н. Э. Берзариным и мной посетил соединения 26-го и 32-го стрелковых корпусов 5-й ударной армии, которые вели напряженные бои с противником.

Заслушав доклады командиров корпусов и дав командарму и им конкретные указания о дальнейшем ведении боевых действий, Маршал вместе с нами выехал на передний край. Здесь, следя с НП за ходом боя, он поставил перед командармом новые задачи.

Убедившись, что боевая операция нашей армии проходит успешно, С. К. Тимошенко и сопровождавшие его генералы вскоре выехали в соседнюю армию.

Командарм пятой ударной

Ф. Е. БОКОВ,
бывший член Военного совета 5-й ударной армии

В жизни бывает, что человека знаешь задолго до личного знакомства с ним, имеешь о нем некоторое представление, ощущаешь к нему приязнь и, более того, проникаешься к нему чувством глубокого уважения.

О Николае Эрастовиче Берзарине я впервые узнал еще в свою бытность начальником Военно-политической академии имени Ленина, когда знакомился с боевыми действиями наших войск по разгрому японских милитаристов в районе озера Хасан. Тогда, по документам и публикациям, я впервые столкнулся с героическими делами 32-й стрелковой дивизии, узнал о воинском мастерстве и личной отваге ее командира полковника Н. Э. Берзарина.

Несколько позже мне более подробно рассказали о боях на Хасане, об особо отличившихся командирах и политработниках, и в том числе о Н. Э. Берзарине, мои друзья — тогдашний военком 32-й дивизии полковой комиссар Д. Г. Дубровский и начальник политотдела 1-й Отдельной Краснознаменной армии бригадный комиссар А. Николаев.

Позднее, в годы Великой Отечественной войны, мне, тогда военному комиссару и первому заместителю начальника Генерального штаба, неоднократно докладывали о глубоко продуманных и успешных боевых действиях армий, которыми командовал генерал Н. Э. Берзарин.

По характеру своей работы в Генеральном штабе мне ежедневно приходилось бывать в Ставке, докладывать Верховному Главнокомандующему оперативную обстановку, участвовать в разработке планов предстоящих операций, присутствовать на заседаниях Государственного Комитета Обороны.

Как-то в конце лета 1942 года И. В. Сталин позвонил мне по телефону и предложил в очередном докладе о положении на фронтах особо детально сообщить о боевых действиях на Волховском, Ленинградском и Северо-Западном направлениях и противостоящих нашим соединениям силах врага.

Заслушав информации офицеров Генерального штаба, на-

чальника Разведывательного Управления и переговорив по ВЧ с командующими этих и других фронтов и нанеся на карту последние данные, я, захватив нужные документы, отправился в Кремль. Как обычно, в установленное для нас время — в 21 час — уже был в кабинете Верховного Главнокомандующего. По настроению Сталина чувствовалось, что он весьма удручен. Это было связано, как выяснилось в процессе беседы, с прорывом противника и вынужденным отходом наших войск на Сталинградском и Кавказском направлениях.

Выслушав мой доклад о положении на всем советско-немецком фронте, Верховный Главнокомандующий особо поинтересовался, как ведет себя противник под Ленинградом и на северо-западе. Я развернул оперативную карту Генштаба и доложил, что гитлеровское командование снимает некоторые дивизии с северо-запада и из-под Ленинграда и перебрасывает их на юг. Напрашивался вывод: противник стремится усилить группировку своих войск, наступающих на Сталинград и на Северный Кавказ.

И. В. Сталин, подумав, сказал:

— Что ж, тогда нужно максимально активизировать усилия наших Западного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов. В ближайшие дни вызовем в Ставку их командующих для разработки частных операций. Следует активными боевыми действиями этих фронтов сковать противника на западе и северо-западе, чтобы он ни одну свою дивизию не перебросил на юг.

И тут же Верховный Главнокомандующий дал некоторые указания.

Затем, после раздумья, Сталин спросил:

— Кстати, где теперь действует командовавший в Прибалтике 27-й армией Берзарин? Как мне помнится, в весьма сложных условиях отхода к Холму и Валдаю он умело громил фашистские части, не позволил окружить свои войска, целиком вывел армию с ее боевой техникой и затем, закрепившись, прочно отстаивал рубеж обороны. Да и позже,— добавил Верховный Главнокомандующий,— Северо-Западный фронт, в который входила и армия Берзарина, первым в прошлом году по-настоящему остановил продвижение врага вглубь нашей страны. Потом армия Берзарина хорошо проявила себя при окружении Демянской группировки противника...

Я доложил, что Берзарин продолжает командовать 34-й армией Северо-Западного фронта.

Тогда И. В. Сталин заметил, что о таких, как он, опытных командующих нельзя забывать и при планировании операций на важнейших направлениях их проведение следует поручать именно им.

...Эта беседа живо всплыла в моей памяти, когда в начале июня 1944 года в 5-ю ударную армию одновременно были

назначены генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин — ее командующим, а я — первым членом Военного совета.

И вот в селе Глинное, неподалеку от Днестра, мы встретились уже как ее руководители.

Передо мной был среднего роста, коренастый, с глубокими карими глазами и чуть седеющей головой генерал. Широкоплечий и мускулистый, со спортивной выправкой, он производил на окружающих большое впечатление. За неторопливостью его речи и движений угадывалась в нем большая внутренняя активность. Простота и тактичность в обращении, свойственное ему чувство искрящегося юмора сразу же расположили меня к нему. Да иначе и не могло быть — стоило поговорить с ним, и сразу же собеседник чувствовал широту его кругозора, большой ум и подлинное обаяние...

Глубина же оценки им военной обстановки свидетельствовала о высокой культуре командарма. К слову говоря, это впечатление от первых встреч укрепилось во мне в процессе всей нашей совместной работы и в 5-й ударной армии, и впоследствии — в первом советском гарнизоне Берлина.

Вскоре после прибытия Н. Э. Берзарина в армию ее генералы, офицеры, да и весь личный состав почувствовали в нем, своем командующем, опытного и волевого руководителя, отлично знающего военное дело и хорошо разбирающегося как в сложном механизме штабной работы, так и в управлении войсками.

Первый день мы провели в ознакомлении с материалами о составе армии, ее вооружении и накопленных запасах, изучали по топографическим картам ее дислокацию и характер местности в полосе предполагаемых действий соединений, уточняли по разведывательным данным состав и систему обороны противостоящего нам противника. Затем были заслушаны доклады начальников родов войск и служб штаба армии, которые, как обычно, напирали на нужды своих частей.

Общую картину в последующие дни расширили встречи с начальником политотдела армии и с руководящим составом соединений и отдельных частей — их командирами, начальниками штабов, руководителями политорганов.

Более трех часов беседовали мы и с парторгом штаба армии, весьма деятельным и вдумчивым майором Василием Константиновичем Поповым. Нас интересовало все: и кадры штаба, и соответствие отдельных начальников его подразделений занимаемым должностям, их деловитость, инициативность и исполнительность, и, не в меньшей мере, постановка партийно-политической работы. Майор В. К. Попов настолько глубоко был знаком с положением в соединениях, что вскоре он стал привлекаться Военным советом для выполнения особо ответственных заданий.

По всему чувствовалось, что командующий армией генерал-

лейтенант Н. Э. Берзарин в своей работе собирается всемерно опереться на партийную организацию штаба. Это впоследствии полностью оправдалось: как правило, не было ни одного партсобрания или партактива, на котором он не выступал бы, ориентируя коммунистов в обстановке и призывая их к повышению личной ответственности за порученный каждому из них участок работы.

...А затем мы начали объезд соединений и посещение частей, действующих на переднем крае. Это помогало не только знакомиться с положением в них и изучать те руководящие кадры, с которыми предстояло решать боевые задачи, но и встречаться с личным составом.

Командарм находил время побеседовать с солдатами и офицерами, всегда интересовался, как они обеспечиваются всем необходимым для боя и быта. А в результате он был в курсе их настроений, постоянно, как говорится, держа руку на пульсе армейской жизни...

К слову говоря, при всей своей чрезмерной занятости, командующий нашел время и для личного ознакомления с бытом офицеров штаба: в один из вечеров обошел некоторые избы, где они находились, посетил столовую и, как вспоминает влюбленный в командарма начальник АХО штаба майор Б. Р. Райхельд, дал ему «солидную взбучку» за то, что не у всех офицеров было чистое постельное белье, а на их столе отсутствовали фрукты, которые тогда были в изобилии в прифронтовых садах. Через считанные дни эти недочеты были устранены...

Одним из больших достоинств командующего армией была его близость к членам Военного совета. Он понимал важность коллегиальности в этом ответственном руководящем органе армии, часто советовался с членами Военного совета, все принципиальные вопросы обсуждались на его заседаниях, и хотя на них иной раз проходили и весьма бурные дискуссии, но в итоге все приходили к единым, наиболее целесообразным решениям. Отсюда и сработанность руководящего состава армии, штаба и политического отдела армии, четкость в управлении войсками, что особенно сказывалось на проведении армейских операций.

Приведу, к примеру, такой случай. Во время объезда частей я обратил внимание, что когда представляли мне отдельных отличившихся в предыдущих боях офицеров — командиров и политработников,— весьма часто на вопрос: «А чем же они отмечены за совершенные подвиги?» — отмалчивались. Выяснялось, что о них позабыли. При этом старшие начальники вынуждены были признать, что «руки еще не дошли» заполнить наградной лист, либо смущенно говорили, что от непосредственных начальников на отличившихся документ еще не поступил...

Пришлось дать задание политотделу армии изучить практику поощрений непосредственно в частях и подразделениях. Выборочная проверка вскрыла серьезные недочеты в награждении офицеров. Оказалось, что многие из них, в том числе политработники, особо проявившие себя отвагой и воинским мастерством в последних операциях, либо вовсе не удостоены наград, либо, в лучшем случае, оценка их подвигов явно занижена. В ряде случаев это пытались мотивировать тем, что де, мол, коль командир части не был представлен к правительственной награде, то какое, спрашивается, основание награждать других офицеров — его подчиненных, если они даже и действовали в бою предельно отважно... Учтем, мол, их заслуги в будущем...

С таким ненормальным явлением нельзя было мириться. Посоветовались мы с командующим армией и решили обсудить этот вопрос на Военном совете с участием командиров и начальников политотделов соединений. Было принято решение изучить во всех частях и соединениях армии, как были отмечены проявившиеся в последних боях воины армии, и выправить положение. И после тщательной проверки в частях, проведенной Военным советом с участием политотделов, около четырехсот командиров и политработников, отличившихся в боях, было удостоено высоких правительственных наград.

Военный совет и лично генерал Берзарин большое внимание уделяли идейно-политическому воспитанию воинов. При нем было сделано многое для повышения авторитета и активизации деятельности политического аппарата и оживления всей партийной работы в армии. На заседаниях Военного совета часто заслушивался политический отдел армии, по его докладам разрабатывались конкретные мероприятия. Николай Эрастович охотно выступал на сборах начальников политорганов, заместителей командиров по политчасти и парторгов, а когда позволяла обстановка, на митингах и собраниях личного состава частей. Во время своего пребывания в войсках он, как правило, всегда беседовал с командирами, политработниками и парторгами о настроении солдат, зачастую тут же принимал действенные решения, давал советы...

...Уже через считанные недели после прибытия в армию, воспользовавшись относительной передышкой в ведении боевых действий на переднем крае нашей армии, новый состав Военного совета решил деятельно заняться сколачиванием ее боевого актива: это имело особое значение в связи с тем, что в армию прибыло много пополнения из необстрелянных бойцов.

С этой целью в одном из сел состоялись большие встречи Военного совета армии с вызванными на слеты из частей лучшими представителями боевого актива. Проводились они дифференцированно, с учетом как категории, так и воинской специальности и специфических задач. За короткое время состоя-

лись такие встречи — отдельно — с Героями Советского Союза, с командирами рот, со старшинами подразделений, с девушками-воинами и медработниками, с разведчиками.

К моменту их прибытия в лесу, у места встречи, был развернут полевой госпиталь. Интенданты осматривали обмундирование, многим выдали новое. Четко работали мастерские — швейные, сапожные. После банного дня, с образцовым обслуживанием прибывших лучшими парикмахерами и передвижными автолавками военторга, состоялись слеты-встречи. Для них была характерна предельная деловитость и, что особенно бросалось в глаза, задушевность, которую в значительной мере придавал им командующий армией генерал Берзарин...

Наш командарм в те дни был в особенно хорошем настроении. Дела в армии шли неплохо, инспектирование подготовки войск к предстоящим операциям показало их высокую боевую готовность, соединения непрерывно пополнялись новыми кадрами воинов, в распоряжение армии прибывало современное вооружение, боеприпасы и продовольствие. Но главное — это были наши красноармейцы и командно-политический состав, их высокий патриотический подъем, страстное стремление разгромить врага, добиться победы. С такими людьми воевать можно!

Ярко и содержательно проходили и сами встречи, на которых участники делились своим положительным опытом. Затем перед ними выступили командарм и другие члены Военного совета об очередных, актуальных и неотложных задачах как армии в целом, так и конкретно того боевого актива, который был здесь собран. Особо интересно и впечатляюще прошла встреча Военного совета с лучшими разведчиками армии. Ей мы придавали первостепенное значение. Да это и понятно: в период подготовки Ясско-Кишиневской операции командованию фронта и армии было чрезвычайно важно уточнить состав войск противника перед фронтом 5-й ударной армии. Помимо данных авиаразведки и подлежащих проверке агентурных донесений, большое значение имела успешность действий поисковых групп.

Тут все зависело от воинского мастерства, опыта и отваги разведчиков. Ведь каждый захваченный ими на переднем крае гитлеровский офицер или солдат мог дать важные сведения не только о своей части, но и о прибытии или убытии с определенного участка фронта частей противника, что давало возможность вовремя разгадать замыслы гитлеровского командования. Большое значение придавалось нами и захвату пленных офицеров со штабными документами, оперативными картами и т. п.

Поэтому, с целью поощрения отличившихся разведчиков, Военный совет армии установил такой порядок: каждого захваченного «языка» должны были доставить в вышестоящий штаб именно те разведчики, которые с риском для жизни его пленили. Одновременно, в специальном пакете, в штаб армии

из соединений привозили представления к награде отличившихся при поимке пленных. И тут же оперативно Военный совет армии, от имени Президиума Верховного Совета СССР, награждал отличившихся разведчиков и вручал им правительственные награды. Это, конечно, было большим стимулом для поисковых групп.

Так было и на слете разведчиков армии. Вначале командующий армией Н. Э. Берзарин доложил собравшимся о текущем моменте, рассказал им о противостоящем нашей армии противнике и поставил перед ними конкретные задачи. Затем, один за другим, делясь своим боевым опытом, выступали разведчики. Вслед за тем член Военного совета подвел некоторые итоги и огласил приказ по армии о награждении особо отличившихся. Тут же, под бурные аплодисменты собравшихся, командарм Н. Э. Берзарин лично вручил лучшим разведчикам армии ордена и медали.

После этого Военный совет представил участникам слета только что прибывшего с переднего края с захваченным ночью «языком» — гитлеровским офицером — старшего сержанта Алексея Булычева и сообщил о награждении его и других участников поисковой группы боевыми наградами. Под бурные аплодисменты участников встречи командарм Берзарин лично прикрепил к гимнастерке отважного разведчика Булычева орден Красного Знамени, которым он был заслуженно отмечен за пленение в тылу врага фашистского обер-лейтенанта со штабными документами.

В присутствии всех находившихся тут разведчиков командарм стал расспрашивать старшего сержанта Булычева о его военной службе.

Командарм: Давно ли вы действуете в разведке? Полюбилась ли вам эта военная профессия?

Булычев: Два года. И горжусь своей специальностью. Хоть она и опасная, но очень нужная, интересная. Я бы сказал — весьма романтичная. Уметь перехитрить фашиста, умело подстеречь его, внезапно захватить его в плен, обеспечить прикрытие выхода поисковой группы из вражеского расположения и незаметно переползти с «языком» через ничейную полосу — немалое воинское мастерство. Очень уж приятно чувствовать себя окруженным вниманием всех, быть полноценными представителями нашего рода искусства на переднем крае. В общем, действуем как артисты своего дела...

В зале раздался одобрительный смех. Все захлопали в ладоши... А когда оживление улеглось, командарм снова спросил:

— А сколько у вас на боевом счету захваченных «языков»?

Булычев: Сегодня четырнадцатый!

Командарм: А ранения были?

Булычев: Не без этого... Два раза побывал в медсанбате.
Командарм: А давно в сержантском звании?
Булычев: 9 месяцев.
Командарм: А в какой вы должности?
Булычев: Полгода исполняю обязанности командира разведывательного взвода. Сразу же после выбытия из строя нашего боевого командира заменил его...
Командарм: Полгода исполняете такие ответственные обязанности — и все старший сержант?

Командующий армией пожал плечами и, объявив перерыв, ушел с членами Военного совета за кулисы сельского клуба, где проходил слет. А когда, спустя полчаса, возобновилась работа, присутствующим было приказано встать и начальник отдела кадров подполковник М. О. Борецкий сказал, что в соответствии с предоставленными ему полномочиями, Военный совет армии, в порядке исключения, постановил:

— Утвердить командиром взвода разведки старшего сержанта Алексея Трофимовича Булычева и присвоить ему офицерское звание «младший лейтенант».

По залу прокатился долго не прекращавшийся гул оваций. Н. Э. Берзарин, обняв, прижал Алексея Булычева, по возрасту годившегося ему в сыновья, к своему сердцу. Взволнованный и гордый Алексей спустился по ступенькам к своим боевым друзьям и уселся среди них.

Уже на трибуне — другой разведчик. Но вот к командующему подошел адъютант и передал ему пакет. В президиуме непонятное для участников встречи оживление. Лицо командарма светится широкой улыбкой. Затем он привстает и отдает команду:

— Младший лейтенант Булычев, на сцену!

Сидевший в конце зала Алексей Булычев не сразу откликнулся, еще не свыкшись со своим офицерским званием.

Но боевые друзья подтолкнули его:

— Иди. Это тебя вызывают...

А когда он вышел к столу президиума, его ожидал очередной приятный сюрприз. Командующий армией Н. Э. Берзарин передал Булычеву подписанное им служебное удостоверение офицера, широкий кожаный пояс с портупеей и кобурой для пистолета и золотистого цвета офицерские погоны со звездочкой...

Вниз, в зал, Булычев не спустился. По указанию командарма младший лейтенант ушел за кулисы, а когда, через некоторое время, он появился на сцене, на нем была уже новая офицерская форма.

Затем состоялся большой концерт силами приезжей фронтовой артистической группы и армейской самодеятельности.

Трудно передать, какое огромное, незабываемое впечатление произвело на разведчиков теплое отношение к ним командарма и Военного совета. Такое внимание командования к отличившимся образцовым выполнением своего воинского долга вдохновляло, поднимало людей на новые подвиги во славу нашей Советской Отчизны.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» дает исключительно высокую оценку командарму.

«Николай Эрастович Берзарин был преданный сын Коммунистической партии, патриот Родины, опытный, волевой, дисциплинированный командир. Командуя в Отечественную войну армиями, Н. Э. Берзарин в Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской, Берлинской и других операциях проявил себя талантливым военачальником. К разработке операций и руководству войсками относился вдумчиво, творчески выполняя приказы высшего командования. В своей работе он всегда опирался на коммунистов».

От рядового до командарма

В. А. ТОЛОЧЕНКО,
зав. научно-отраслевой редакцией языка, литературы и искусства Молдавской Советской Энциклопедии, гвардии капитан запаса

О нем легенды слагают...

Имя его золотыми буквами вписано в героическую летопись наших славных Вооруженных Сил. С полным правом гордятся им те, кто сражался под его командованием, с глубокой благодарностью помнят и чтят в селах и городах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков солдатами армии, которой командовал генерал Николай Эрастович Берзарин. Именем командарма названы улицы, школы, о нем легенды слагают...

Мне довелось изучать документы о жизни и боевой деятельности военачальников, участвовавших в 1944 году в боях за освобождение Советской Молдавии. Статьи об этих военных деятелях вошли в Молдавскую Советскую Энциклопедию.

Какое созвездие прославленных имен военачальников, которые водили в бой войска, изгоняя врага с молдавской земли: Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин, Н. Э. Берзарин, С. И. Богданов, Н. А. Гаген, И.В. Галанин, С. Г. Горшков, С. К. Горюнов, А. С. Жадов, Ф. Ф. Жмаченко, П. А. Ротмистров, С. Г. Трофименко, В. А. Судец, М. Н. Шарохин, И. Т. Шлемин, М. С. Шумилов и другие. О многих из них написано немало интересных страниц, другие сами рассказали в своих мемуарах и трудах о ратном подвиге советских солдат. Есть работы и о командующем 5-й ударной армией, первом коменданте Берлина генерале Н. Э. Берзарине. Из сохранившихся характеристик, представлений и анкет встает поистине удивительный характер человека большой души и железной закалки, прошедшего славный путь от юного добровольца Красной Армии и участника гражданской войны до командарма и первого военного комедан-та поверженного Берлина.

— В горниле гражданской войны проявили свой боевой талант сотни и тысячи самобытных командиров — выходцев из рабочих и крестьян. Среди них был и Н. Э. Берзарин — сын потомственного рабочего, который всю свою недолгую, но предельно

яркую жизнь связал с Вооруженными Силами первой в мире социалистической державы.

Родился Н. Э. Берзарин 1 апреля 1904 года в семье токаря Путиловского завода в Петрограде. Мать его работала портнихой. Невыносимо трудные условия жизни рабочих в ту пору были причиной того, что Николай рано лишился родителей. Отец умер, когда сыну было 13 лет, а через год не стало и матери. С 10-летнего возраста Николаю пришлось зарабатывать кусок хлеба. Он был разнорабочим, переплетчиком.

Когда ему исполнилось 14 лет, прибавив себе год, Н. Берзарин в октябре 1918 добровольцем вступает в ряды молодой Красной Армии. Много лет спустя в автобиографии он укажет, что запись даты рождения в анкете, заполненной в 1924 году, «не верна и записана несерьезно, хотелось быть старше». Да, это действительно так! Юноше Николаю Берзарину, как и многим его сверстникам корчагинского склада, очень хотелось в ту пору быть постарше, иначе его даже добровольцем в Красную Армию могли не принять.

Н. Э. Берзарин прошел большую и трудную школу военной закалки, в схватках с врагами социалистической Родины он овладевал мудростью военного искусства. Шестнадцатилетним юношей участвовал в боях с белогвардейцами и интервентами в районе Архангельска. В 1921 году Н. Берзарин — курсант командирских курсов.

После окончания курсов девятнадцатилетнего командира направляют на Дальний Восток, на один из самых неспокойных участков советской границы. Японские милитаристы и гоминдановцы часто организовывали вооруженные провокации на границе, и наши воинские части были вынуждены все время находиться в состоянии боевой готовности. В 1926 году Н. Э. Берзарин был принят в ряды Коммунистической партии. Здесь, на Дальнем Востоке, он проходил воинскую школу под руководством легендарных полководцев маршала В. К. Блюхера и генерала армии И. Ф. Федько. А когда японские империалисты нагло развернули военные действия в районе озера Хасан, полковник Н. Э. Берзарин водил в бой 32-ю стрелковую дивизию. За храбрость и отвагу он был награжден орденом Красного Знамени.

Когда сгустились вражеские тучи на западной границе, сюда вместе с другими опытными командирами в мае 1941 года был направлен и 38-летний генерал Берзарин. Здесь он командовал 27-й армией Прибалтийского особого военного округа.

С первых залпов фашистских орудий в июне 1941 года до полного разгрома гитлеровской Германии и наших победных салютов в мае 1945-го командарм Н. Э. Берзарин был на переднем крае борьбы за независимость нашей Родины. На первом этапе невероятно трудных боев он умело маневрировал вверен-

ной ему армией, наносил противнику ощутимые удары, сохраняя основные силы армии.

Весной и летом 1944 года наши передовые части в районе Молдавии достигли государственной границы СССР и неудержимо продвигались на запад. Советское командование наметило новое крупное наступление с целью полного освобождения Советской Молдавии с последующим освобождением балканских стран, стонавших под игом фашизма. Эта операция вошла в историю Великой Отечественной войны под названием Ясско-Кишиневской. На юг были стянуты крупные, отлично вооруженные, закаленные в боях соединения, во главе которых стояли опытные командиры. Среди этих соединений в составе 3-го Украинского фронта была и 5-я ударная армия, командующим которой 30 мая 1944 года был назначен генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин. В этой наступательной операции с новой силою раскрылся военный талант командарма. Руководимые им войска умело ломали упорное сопротивление противника, окружая и уничтожая его. Воины 5-й ударной армии освободили десятки сел и городов Молдавии, покрыли себя неувядаемой славой. 24-го августа 1944 года армия генерала Н. Э. Берзарина с боями ворвалась в Кишинев. В знак благодарности и в память об этом героическом подвиге именем генерала Берзарина названа одна из улиц молдавской столицы.

После успешного завершения Ясско-Кишиневской операции 5-я ударная армия была переброшена на 1-й Белорусский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Шестого апреля 1945 года командарму Н. Э. Берзарину было присвоено звание Героя Советского Союза. Через четыре дня он стал генерал-полковником, а за восемь дней до падения столицы фашистской Германии был назначен комендантом и начальником гарнизона Берлина. На новом посту в высшей степени проявились организаторские способности Н. Э. Берзарина, много сделавшего для нормализации жизни города и работавшего совместно с инициативной группой ЦК КП Германии во главе с В. Ульбрихтом.

Родина высоко оценила подвиги командарма Н. Э. Берзарина. За большие заслуги он был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова I и II степеней, Кутузова I степени, Красной Звезды и многими медалями.

Короткая, но яркая и полная героических подвигов жизнь генерал-полковника Н. Э. Берзарина трагически оборвалась 16 июня 1945 года.

...Его имя золотыми буквами вписано в героическую летопись Вооруженных Сил СССР. Николая Эрастовича с благодарностью вспоминают трудящиеся Советской Молдавии, Народной Польши, Демократической Германии, земли которых освобождали воины армии генерала Н. Э. Берзарина.

Жизнь, посвященная армии

Весной 1943 года я получил боевое крещение в одном из соединений 7-й гвардейской армии. А в день 1-го Мая нашей 81-й гвардейской дивизии на опушке Мясоедовского леса, недалеко от Белгорода командарм генерал М. С. Шумилов и член Военного совета армии генерал З. Т. Сердюк вручали гвардейское знамя. Командир дивизии генерал И. К. Морозов поцеловал священный стяг, и мы, воины, дали клятву стоять насмерть, но победить врага.

В июне вместе с сержантом А. Сальниковым мы были направлены в формировавшуюся тогда фронтовую моторазведроту. По пути остановились в с. Протопоповке, где размещался штаб 7-й гвардейской армии. Здесь мы оказались случайными свидетелями одного эпизода. С «виллиса» слез коренастый генерал в накинутой на плечи пыльной плащ-палатке и зычным голосом начал распекать связистов за плохо замаскированные машины и антенны.

— Это и есть наш командарм Шумилов, — сказал А. Сальников, — я его еще по Сталинграду хорошо запомнил, несколько раз видел у нас на передовой.

Тогда, конечно, я даже предположить не мог, что спустя более двух десятков лет мне вновь доведется услышать голос генерала уже в Молдавии, на праздновании 20-летия Великой Победы.

«Наш командарм», — так с гордостью говорил о своем боевом генерале не только А. Сальников, а все солдаты армии. Вся жизнь командарма являла собой пример беззаветного служения Родине, ее доблестным Вооруженным Силам.

Родился М. С. Шумилов 18 ноября 1895 года в крестьянской семье в селе Верхтеченское Курганской области. После окончания учительской семинарии был призван в 1916 году в армию и прапорщиком участвовал в первой мировой войне. В начале 1918 года он вступил в Шадринский партизанский отряд, а в мае того же года — в Красную Армию, где был принят в ряды Ленинской партии. Храбро сражался Шумилов на Восточном и Южном фронтах гражданской войны против войск Колчака, Врангеля, банд Махно, командуя взводом, ротой, затем был помощником командира и командиром стрелкового полка. В этих боях был дважды ранен.

В предвоенные годы М. С. Шумилов окончил Высшие курсы старшего и высшего командно-политического состава, курсы «Выстрел», а после Великой Отечественной войны — Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова.

В период национально-революционной войны в Испании М. С. Шумилов был советником при командующем группой армий центрально-южной зоны, о чем впоследствии рассказал в

книге воспоминаний советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании[1]. В должности командира корпуса генерал участвовал в освобождении Западной Белоруссии и в советско-финляндской войне (1939—1940 гг.).

Имя талантливого полководца Михаила Степановича Шумилова входит в созвездие имен командиров, соединения которых покрыли себя неувядаемой славой в грозовые годы Великой Отечественной войны. Командир корпуса, заместитель командующего, затем командующий армией... Героическая оборона Ленинграда, легендарная Сталинградская битва, великое сражение на Курской дуге, освобождение Левобережной и Правобережной Украины, блистательная Ясско-Кишиневская операция, Дебреценская, Будапештская, Венская и, наконец, завершающая Пражская операции — вот этапы героического пути, который прошел вместе со сражающейся армией генерал М. С. Шумилов.

Беспримерное мужество и героизм проявили воины 64—7-й гвардейской армии в Сталинградской битве. Добивая отказавшуюся сложить оружие окруженную группировку фашистов, воины армии генерала М. С. Шумилова пленили гитлеровского фельдмаршала Паулюса. В январе 1943 года командарм Шумилов в числе первых был награжден орденом Суворова I степени. За успешное форсирование соединениями и частями 7-й гвардейской армии реки Днепр и умелое руководство боями по захвату и прочному удерживанию плацдарма на его западном берегу, личное мужество генералу М. С. Шумилову в октябре 1943 года было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Закаленная в сражениях 7-я гвардейская армия в составе войск 2-го Украинского фронта вместе с войсками 3-го Украинского фронта участвовала в Ясско-Кишиневской операции, в результате которой была очищена от врага многострадальная земля Советской Молдавии и началось освобождение ряда стран юго-восточной Европы от фашистского ига. Пополнив людские и продовольственные запасы, дивизии и части 7-й гвардейской армии стартовали с северных районов Советской Молдавии и начали в августе 1944 года изгнание гитлеровцев с территории Румынии.

В Ясско-Кишиневской операции были наголову разгромлены 18 дивизий противника. Газета «Правда» писала в те дни, что эта «операция по окружению немецких войск — одна из самых крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций в нынешней войне».

...Отгремели последние бои у стен Праги, где завершили свой ратный поход и воины 7-й гвардейской. Весь мир потряс-

[1] Мы — интернационалисты. М., Изд-во политической литературы, 1975

ли салюты Великой Победы над фашизмом. Среди участников исторического Парада Победы в Москве гордо шагал и генерал М. С. Шумилов.

Советское правительство по достоинству оценило воинский талант и подвиги М. С. Шумилова, наградив его тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденами Кутузова I степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, многими медалями. Командарм был награжден орденами и медалями других государств.

В послевоенные годы генерал М. С. Шумилов командовал армией, войсками Беломорского и Воронежского округов, работал в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Преданный сын Коммунистической партии, одаренный военачальник, Герой Советского Союза, генерал-полковник М. С. Шумилов почти шестьдесят лет своей жизни (он умер 28 июня 1975 года) находился в строю, щедро отдавая свое воинское мастерство и знания укреплению могущества Советской Армии, патриотическому воспитанию воинов и молодежи.

...На легендарном Мамаевом кургане у подножья монумента «Родина-мать» покоятся павшие герои. Под одной из гранитных плит находится урна с прахом генерал-полковника М. С. Шумилова. Он попросил перед смертью похоронить его на обильно политой кровью сталинградской земле, где вечным сном спят многие герои 64—7-й гвардейской армии. Золотая Звезда Героя Советского Союза, все его многочисленные боевые награды переданы Музею обороны Сталинграда.

На Лысой горе под стенами города воздвигнут высокий обелиск в память о подвигах воинов 64—7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова, именем его названа одна из улиц Волгограда. Навсегда останется в славной летописи сражений и блестящих побед Советской Армии в годы Великой Отечественной войны имя коммуниста и командарма Михаила Степановича Шумилова.

Комсомольцы, вперед!

Н. И. БИРЮКОВ,
Герой Советского Союза, гвардии генерал-лейтенант,
бывший командир 20-го гвардейского стрелкового корпуса,
Почетный гражданин города Оргеева

В ходе Ясско-Кишиневской операции за десять дней, как сообщала газета «Красная звезда», «...из 47 дивизий гитлеровской группы армий «Южная Украина» осталось всего четыре, остальные были разгромлены или капитулировали. Только пленными советские войска взяли свыше 200 тысяч вражеских солдат, офицеров и генералов».

Мы, ветераны 20-го гвардейского стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии, гордимся тем, что внесли свой вклад в достижение этой победы. Наш корпус успешно закончил в своей полосе освобождение Украины, первым из 4-й гвардейской армии вышел к Днестру. Это было в субботний день 18 марта 1944 года. К вечеру два батальона из полков 62-й гвардейской дивизии перешли Днестр. Вскоре подразделения их левого соседа — 6-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерала М. Н. Смирнова — при помощи местных рыбаков, перебросивших на своих лодках разведчиков, тоже создали плацдарм к западу от села Великая Косница.

После этого переправа войск корпуса пошла быстро. Где-то в затоне была обнаружена плавучая водяная мельница, которая послужила паромом. На ней переправляли пушки, минометы, автотранспорт и коней. Плацдарм расширялся. С него и началось наступление в сторону Флорешт.

Воины, отличившиеся при форсировании Днестра, были представлены к наградам. Не забыли и местных рыбаков, помогавших им в переправе. Старишь был награжден орденом Красной Звезды, Крыминский, Федык и Чабан — медалями «За боевые заслуги».

Боевые порядки корпуса повернули с Флорештского рубежа на Оргеевское направление. Враг, почувствовав нависшую над ним угрозу, вывел из района Рыбницы три танковых дивизии и двинул их против нас. Наш левый сосед — 21-й гвардейский корпус — воспользовался ослаблением сил противника у Рыбницы и овладел городом.

Тем временем наши гвардейцы, преодолевая трудности продвижения и сопротивления врага, упорно шли вперед. Колесный транспорт завяз в грязи — ведь была весенняя распутица. Самой надежной оказалась солдатская сила. Ребята и девчата из близлежащих сел помогали бойцам двигать вперед пушки, минометы, пулеметы, подносили боеприпасы.

Бои шли, главным образом, за высоты, а также за дороги, которые могли быть использованы.

Гитлеровцы, не доверяя своим союзникам — румынам,— сняли с фронта их дивизии и поставили вместо них свои части, в их числе и танковые. Но как враг ни сопротивлялся, наши войска уверенно продвигались вперед. А вскоре был освобожден и Оргеев. Гвардейцы вновь оказались у реки — на этот раз у Реута. В апрельскую полую воду он представлял собой весьма серьезную преграду.

Собрались посовещаться. Преодолевать реку надо, но как? Корпусной инженер подполковник А. П. Синюк сказал, что за нами уже 11 рек, и только одну из них преодолели по переправе, а 10 — на подручных средствах. Таким же путем решили одолеть и эту преграду.

Первыми на противоположный берег Реута пробились коммунист Рытов и комсомольцы Жигалов, Яловой, Чуйко, Дранговский из батальона Илюхина. За ними переправились другие бойцы 126-го гвардейского стрелкового полка 41-й гвардейской стрелковой дивизии.

Чтобы удержать плацдарм, мы установили там 44 орудия. Прямой наводкой, подчас в упор, отбивали контратаки врага, пытавшегося во что бы то ни стало сбросить гвардейцев в реку. Положение создалось серьезное. От огня с занятой врагом господствующей на местности высоты 185,4 и от вражеских контратак наши подразделения несли большие потери.

— Отстоим плацдарм, гвардейцы-комсомольцы! — обратился к своим боевым товарищам комсорг Сергеев.

Молодые воины ответили на этот призыв боевыми подвигами. Тяжело раненный комсомолец Чуйко остался в строю и уничтожил 13 гитлеровцев. Храбро дрались с фашистами и другие гвардейцы.

Боевой подъем молодых воинов был настолько высок, что они не только отстояли плацдарм, но и отбили у врага высоту 185,4. В боях за нее геройски погибли гвардейцы Садыков и Кибитов. Плацдарм же этот, названный в честь молодых героев «Комсомольским», соединился у поселка Домний с плацдармом 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и стал уже восьмикилометровым по фронту.

Именно с него в августе 1944 года войска 5-й ударной армии перешли в наступление на Кишинев и успешно закончили бои по освобождению столицы Молдавии.

А пока до Кишинева оставалось еще почти 50 километров

с лесисто-гористым рубежом, выгодным для вражеской обороны, да танковыми дивизиями фашистов.

Поступил приказ: перейти к обороне. За это время мы хорошо подготовились к наступлению. Широкий размах в частях приняло снайперское движение.

В нашем корпусе находилось много девушек-воинов, особенно в корпусном батальоне связи. Мы не можем не вспомнить сегодня их добрым словом. От их ратного труда часто зависела судьба боя, и они, понимая это, делали все возможное.

20 августа 1944 года началось наступление войск 2-го и 3-го Украинских фронтов. Перешли в наступление и правофланговые соединения нашего корпуса. А в 3 часа утра 23 августа обстановка потребовала немедленного перехода в наступление всего нашего корпуса.

Своим стремительным движением гвардейцы перерезали пути отхода фашистов из окруженной Ясско-Кишиневской группировки. Здесь мы и узнали, что Кишинев освобожден от гитлеровцев.

Идем на Кишинев!

Н. К. АНТИПОВ,
гвардии генерал-майор в отставке,
бывший начальник штаба 26-го гвардейского стрелкового корпуса

Подготовка к Ясско-Кишиневской операции велась в такой тайне, что и мы в корпусе до определенного момента ничего не знали о направлении главного удара фронта. Все недоумевали, зачем производим такие большие по объему и ненужные для войск корпуса земляные работы.

Правда, мы знали, что перед фронтом войск 5-й ударной армии находилось до семи немецких и двух румынских дивизий, занимавших хорошо подготовленную оборону. Исходя из конфигурации переднего края советских войск, как это нам стало известно позднее от пленных, противник считал, что главный удар советские войска будут наносить в полосе 5-й ударной армии по кратчайшему направлению.

Ясско-Кишиневская операция одна из ярчайших страниц в боевой истории нашего 26-го гвардейского стрелкового корпуса. Ей предшествовали такие крупные операции, как Корсунь-Шевченковская и Уманьско-Батошанская, в которых участвовали войска корпуса. Обе эти операции потребовали от войск корпуса большого напряжения физических и моральных сил личного состава.

Важно учитывать то, что пауза между Корсунь-Шевченковской и Уманьско-Батошанской операциями была очень ограниченной — всего лишь 15 дней. Конечно, в такой короткий срок подготовить и начать новую крупную фронтовую операцию не так-то легко. Требовалось максимальное напряжение сил и средств во всех звеньях войск, готовящихся к наступлению.

В результате успешно проведенной Уманьско-Батошанской операции уже к концу апреля 1944 года была освобождена от фашистских войск северная половина Молдавии, а соединениями 26-го гвардейского стрелкового корпуса очищен от врага плацдарм на правом берегу Днестра в районе Дубоссары и севернее, что создало благоприятные условия для последующей Ясско-Кишиневской операции. Уманьско-Батошанская опера-

ция для немецкого командования была полной неожиданностью.

Как позже показывали пленные немецкие офицеры, они полностью исключали возможность перехода советских войск в наступление в период распутицы.

Противник не думал, что после такой крупной операции, как Корсунь-Шевченковская, через пятнадцать дней после ее окончания, в период весенней распутицы и дождей, когда отсутствуют дороги с твердым покрытием, когда грязь по колено, когда не только Южный Буг, а даже мелкие реки, вследствие разлива, являлись серьезными препятствиями, советские войска сумеют перейти в наступление.

Крупным просчетом гитлеровского командования являлись и размеры наших потерь в Корсунь-Шевченковской операции как в людях, так в технике и других материальных средствах, и главный их просчет в недоучете политико-моральных качеств советских воинов, для которых наша Партия и Родина превыше всего, и поэтому ни погода, ни другие трудности для нас не были страшны. У наших воинов было одно стремление — быстрее освободить молдавскую землю, стонущую под игом фашистских захватчиков. И это высокое патриотическое чувство заставляло нас, гвардейцев, забывать и об усталости, и о бессонных ночах, и о неимоверных трудностях.

На рассвете 5 марта 1944 года, после короткой, но мощной артиллерийской подготовки, войска 26-го гвардейского корпуса перешли в наступление. Буквально на плечах ошеломленных внезапностью наступления немцев ворвались в его оборону. Противник в панике, оказывая незначительное сопротивление, бросая боевую технику, автотранспорт, начал отступать.

Наступление проходило в очень трудных условиях. Уже на первых километрах пути увязли в грязи автомашины, с большим трудом передвигались автотягачи. Артиллерию пришлось переводить на конную тягу. Но помогали в передвижении артиллерии и других грузов наши бойцы. Необходимо было все время держать артиллерию ближе к боевым порядкам пехоты, т. к. противник на каждом удобном рубеже или речной преграде оказывал упорное сопротивление, и без артиллерийского огня сбивать с этих рубежей врага было очень трудно.

Я до сих пор с глубокой любовью и уважением вспоминаю местное население молдавских и украинских сел, освобожденных от немцев, которое очень активно помогало нам в продвижении боевой техники, транспорта и в подноске боеприпасов. Не забуду никогда, как женщины освобожденных сел оказывали первую медицинскую помощь нашим раненым гвардейцам, используя вместо бинтов простыни, полотенца и другой перевязочный материал; как, теснясь у себя в хатах, укладывали до подхода медицинских подразделений корпуса раненых и ухаживали за ними.

Я верю, что и сегодня еще в Молдавии живы трудящиеся, которые оказывали неоценимую помощь нашим бойцам в ходе боевых действий.

Я с удовольствием и большой благодарностью вспоминаю молдавское население, которое гостеприимно, с открытой душой встречало нас, советских воинов, на молдавской земле. Население было готово поделиться с нами последним куском хлеба.

В этом еще раз подтвердились единство нашего советского народа и его любовь к своему детищу — Советской Армии.

Продолжая вести боевые действия на правом берегу Днестра, войска корпуса к 24 апреля вышли на левый берег реки Реут: на участке Оргеев, населенный пункт Устье, где и перешли к обороне. До 200 километров с боями прошли соединения 26-го гвардейского корпуса, прежде чем перейти к обороне на реке Реут.

В ходе подготовки к предстоящим боевым действиям войска корпуса непрерывно совершенствовали оборону, стремясь создать жесткую, неприступную оборону, способную успешно противостоять массированным атакам танков и отразить любой удар противника.

В то же время корпус доукомплектовывался личным составом, боевой техникой, вооружением, боеприпасами и транспортом. Конечно, нужно было приложить много усилий, чтобы подготовить новое пополнение к предстоящим боевым действиям. Новое пополнение в основном составляла молодежь 18—19 лет, еще не знающая, что такое война, но полная оптимизма и желания скорее разгромить врага и покончить с войной. Этой молодежи необходимо было терпеливо разъяснить, что из себя представляет противник, как нужно с ним бороться с малыми для нас потерями. Нужно было в короткий срок в условиях боевой обстановки научить молодых бойцов умело вести боевые действия как в обороне, так и в наступлении.

В этом помогали офицерам бывалые и обстрелянные солдаты, имеющие немалый боевой опыт. Широко практиковалось обучение на местности, аналогичной той, где предстояло вести боевые действия.

Огромная работа в это время легла на плечи политработников, все время находившихся в самой гуще солдат. Усиленно проводилась командирская подготовка. Непрерывно велась разведка.

Сравнительно продолжительное время нахождения соединений корпуса в обороне дало возможность значительно повысить боеспособность войск, добиться сплоченности подразделений и частей в тактикостроевом отношении. Кроме того, дало возможность обучить штабы всех степеней умению управлять войсками как в обороне, так и в наступлении.

Умело организованная и успешно проведенная оперативная маскировка и активные действия войск корпуса сумели ввести в заблуждение противника в отношении направления главного удара войск 3-го Украинского фронта. Даже тогда, когда главная группировка фронта перешла в решительное наступление с Кицканского плацдарма, противник посчитал, что это демонстрация, а не направление главного удара.

Только этим, пожалуй, можно объяснить, что сбитый с толку враг еще в течение трех суток, уже после начала Ясско-Кишиневской операции, продолжал держать на этом вспомогательном направлении такую крупную группировку войск.

В период подготовки к операции наш корпус в составе двух гвардейских дивизий — 89-й и 94-й — был передан в состав 5-й ударной армии.

Протяженность рубежа обороны корпуса была увеличена до 75 километров.

Наконец наступил памятный для всех нас день 20 августа. Через 20—30 минут после начала наступления главной группировки войск 3-го Украинского фронта с Кицканского плацдарма нам было приказано быть готовыми к переходу в наступление. Ориентировочно начало наступления намечалось на 23 августа. Основная задача, которая была поставлена перед нашим корпусом, — не допустить отхода противника с занимаемого им рубежа.

В ночь с 22 на 23 августа наша разведка обнаружила начало отхода войск противника во всей полосе обороны.

В 3 часа ночи сразу же начались боевые действия.

Наступление велось в высоком темпе ночью и днем. Противник неоднократно пытался своими арьергардными частями сдержать наше стремительное преследование, чтобы дать возможность оторваться от нас своим главным силам, но из этого у него ничего не получилось.

После прорыва главной оборонительной полосы противника темп наступления возрос, и враг уже не в состоянии был оказать наступающим соединениям корпуса сопротивление. Лишь перед самым Кишиневом, сосредоточив силы и средства, пытался остановить нас. Но теперь, когда город уже был хорошо виден, ничего не могло остановить наступательного порыва наших воинов: ни шквал огня, ни контратаки противника.

К 24 часам 23 августа наши части вышли к северо-западной окраине Кишинева и завязали уличные бои. Упорство врага к этому времени заметно ослабело, ибо он уже был деморализован и почти никем не управляем. К четырем часам 24 августа Кишинев, сильнейший опорный пункт обороны противника, был взят и полностью очищен от врага.

Над городом взвилось Красное знамя, водруженное командиром батальона 89-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии капитаном А. И. Бельским.

После освобождения Кишинева к исходу третьего дня боевых действий войска корпуса продвинулись на 90 километров юго-западнее г. Кишинева и, освободив свыше 100 населенных пунктов Молдавии, вышли в район Лапушна.

Организуя параллельное преследование врага и выходя на пути его отхода, мы расчленяли его боевые порядки и уничтожали по частям. К утру 28 августа, выйдя к реке Прут, мы прижали к реке и окружили крупную группировку немецко-фашистских войск, пытавшихся переправиться на противоположный берег реки. Для разгрома этой группировки противника была подтянута наша артиллерия и реактивные установки «Катюши». После короткого, но мощного артиллерийского налета соединения 89-й, 94-й и 266-й стрелковых дивизий начали разгром окруженной группировки противника. Видя безвыходность и безнадежность своего положения, противник вынужден был капитулировать. В результате этой операции было взято в плен 20 тысяч солдат и офицеров противника.

Впервые после войны я был в Кишиневе в 1965 году. И не узнал города. Какие разительные перемены произошли в столице Молдавии с момента освобождения от гитлеровских захватчиков. Все эти дни я находился под впечатлением, что попал в прекрасный незнакомый мне город. Собственно так оно и было. Это был новый Кишинев, совсем не тот, который я видел тогда, на рассвете 24 августа 1944 года.

И грянул бой...

В. С. АНТОНОВ,
Герой Советского Союза, генерал-майор запаса, бывший командир 301-й стрелковой дивизии

Наступил май. Погода установилась теплая, сухая. Расцвели приднестровские сады. Покрылись зеленью холмы Молдавии.

На узкой полосе правобережных днестровских плацдармов севернее и южнее города Бендеры армия жила обычной фронтовой жизнью.

Длинной нитью тянулись наши траншеи с севера на юг, перерезав участок железной дороги Калфа—Варница. Глубоки траншеи, не видно в них людей, но ни на минуту не прекращается в них кипучая фронтовая жизнь.

В эти дни в нашу дивизию пришло пополнение из Николаевской, Одесской областей, из районов освобожденной Молдавии. Из села Бычок почти все мужчины пошли добровольно и были зачислены солдатами в 1050-й стрелковый полк. Многие из них сражались геройски и дошли до Берлина.

К началу июля наша дивизия была укомплектована почти полностью, и мы получили возможность по одному полку выводить на левый берег и проводить боевую подготовку. Построили штурмовой городок. Сделали в нем все, что было в немецкой обороне. Загремели выстрелы, затрещали пулеметы. Начались ротные, батальонные и полковые учения с боевой стрельбой.

Наконец наступил день, которого все мы ждали с особым нетерпением: Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов подготовить операцию с целью разгрома и уничтожения группы армий «Южная Украина». Согласно директиве войска 2-го Украинского фронта совместно с силами 3-го Украинского фронта должны были на первом этапе операции окружить и уничтожить Ясско-Кишиневскую группировку противника и, развивая стремительное наступление на Фокшаны, в дальнейшем сомкнуться на реке Прут в районе Хуши.

В первой неделе августа мы узнали, что 57-я армия войдет в состав главной группировки фронта, будет действовать южнее Бендер, и нам необходимо подготовить свой плацдарм к передаче дивизиям нашей 5-й ударной армии. Полки совершили ночной марш. Дивизия сосредоточилась в излучине Днестра. Вскоре был получен приказ на предстоящий бой, и командование дивизии с командирами частей выехали на рекогносцировку. Вышли на высоту западнее села Кицканы и ... ахнули. Впереди на равнине от Кицкан до высот Хаджимуса спокойной гладью блестели озера и болота. Нелегкий участок наши предшественники передали нам.

Война есть война. Повздыхали, вспоминая о своих траншеях с ходами сообщения в полный рост, и приступили к рекогносцировке местности. Наметили маршруты выхода на исходное положение для наступления, участки прорыва стрелковым полкам. Наша дивизия действовала в первом эшелоне армии южнее Бендер на участке Хаджимус — озеро Ботна, получив на усиление танковую бригаду и несколько артиллерийских полков.

16 августа в районе Кицкан Военный совет 3-го Украинского фронта провел встречу с командирами корпусов и дивизий. На ней присутствовали командующий фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин, член Военного совета генерал-полковник А. С. Желтов, начальник штаба генерал-полковник С. С. Бирюзов, командармы генералы Н. А. Гагин, М. Н. Шарохин, В. А. Судец, Н. Э. Берзарин и другие. На рассвете 20 августа командиры частей дивизии, а также частей, приданных нам, собрались на командном пункте западнее села Кицканы. Отсюда отлично просматривался не только наш, но и весь участок прорыва от Бендер и южнее озера Ботна на десятки километров по фронту и в глубину.

Первые лучи солнца скользнули по скатам высот, стволам пулеметов и пушек.

И вдруг звенящая тишина словно раскололась. Ударили залпом тысячи орудий, в утреннем небе поплыли сотни самолетов нашей воздушной армии.

Когда началась артиллерийская подготовка, войскам был оглашен приказ 3-го Украинского фронта о переходе в наступление. Личный состав дивизии принял приказ с особым воодушевлением. Мысли и стремления воинов выразил на митинге в 1050-м стрелковом полку старший сержант Н. Купин: «Приказ о наступлении — большая радость для нас. Наступил тот момент, когда мы начнем бой с врагом за Советскую Молдавию. Вперед, боевые друзья! До полного разгрома врага!» В этот первый победный день Ясско-Кишиневского сражения шло успешное наступление на обоих фронтах. Войска 2-го Украинского фронта прорвали первую полосу обороны противника, форсировали реку Бахлуй и захватили мостовые переправы.

Войска 3-го Украинского фронта вели также жестокий и решительный бой.

57-я армия своим «таранным» 68-м стрелковым корпусом штурмовала крепость и город Бендеры.

37-я и 46-я армии прорвали оборону противника на фронте до 40 и углубились до 15 километров.

...Перед рассветом 21 августа в штабе дивизии было получено донесение: «Полки вышли на рубеж атаки».

В шесть часов по всему фронту вновь загрохотала артиллерийская канонада. Подан сигнал: «Атака». В одно мгновение слетела маскировка с танков, завихрился сизый дымок под броней, танковая бригада пошла в бой. Танкисты продвигались по настилу дороги и, выйдя на твердую землю, устремились на боевые порядки врага.

Пехота и танки по крутым скатам высот упорно продвигались вперед. Уверенно шли на штурм стрелковые батальоны капитана Ф. Бычкова и капитана В. Ишина. Рота старшего лейтенанта Петренко, захватив траншеи и перебив гранатами гитлеровцев, ворвалась в населенный пункт Хаджимус и начала штурмовать каждый дом, каждый подвал. Командир взвода лейтенант Жарехин уже бил фашистов на противоположной окраине Хаджимуса. Раненый, он не оставил своих боевых друзей, пока не увидел, что его подразделение поднимается на высоту западнее населенного пункта. Несмотря на сильный огонь нашей артиллерии, немецкие захватчики, укрывшись в дзотах и блиндажах, оказали упорное сопротивление. Но наши бойцы смело и решительно атаковали врага.

Штурмуя вражескую оборону, к исходу дня дивизия прорвала главную полосу и стала развивать наступление. Во второй день 21 августа генерал армии Р. Я. Малиновский, для развития успеха 52-й армии, ввел в сражение 18-й танковый корпус. В середине дня 52-я армия штурмом овладела городом Яссы, а 7-я гвардейская армия — городом Тыргу-Фрумос.

Мощными ударами обоих фронтов была прорвана оборона противника, и подвижные войска вышли на оперативный простор. К исходу второго дня войска 2-го Украинского фронта прорвали немецкую оборону на участке до 65 километров, а войска 3-го Украинского фронта — на участке 56 километров. В результате двухдневных боев были разгромлены дивизии первого эшелона противника, противостоявшие нашим войскам. Как отмечал маршал С. Бирюзов, в этой операции фронты не дробили своих усилий по главным и вспомогательным направлениям, а каждый из них наносил один, но чрезвычайно мощный удар. Вспомогательные же удары наносились только после прорыва обороны на главном направлении с использованием уже образовавшейся бреши для расширения фронта наступления. Вот эту задачу наступления в северном направлении южнее Бендер для расширения фронта прорыва и было поручено выполнить нашей 301-й стрелковой дивизии.

Как же развивались события в последующие дни?

22 августа. В полосе 2-го Украинского фронта 6-я танковая армия устремилась к «Фокшанским воротам», а 18-й танковый корпус шел на Хуши.

Подвижная группа 3-го Украинского фронта, 4-й гвардейский и 7-й механизированные корпуса быстро продвигались к Пруту. А на левом крыле 3-го Украинского фронта десантная группа под командованием генерал-лейтенанта А. Н. Бахтина при содействии Дунайской военной флотилии форсировала Днестровский лиман и освободила Аккерман.

23 августа. Наступление продолжалось. 2-й Украинский фронт частью сил 6-й танковой армии развивал наступление к «Фокшанским воротам», а 18-й танковый корпус, 57-я армия и 4-я гвардейская армия завершили создание внутреннего фронта окружения кишиневской группировки противника. Войска 3-го Украинского фронта окончательно сокрушили оборону немцев на всем протяжении фронта от Оргеева до Черного моря.

Мы понимали, что столь крупное сражение требует напряжения всех сил, и, не задерживаясь после вечернего боя на высоте западнее Золотнянки, Кашкалия, двинули полки в ночной бой. К утру 24 августа были освобождены населенные пункты Пикус, Мисовка, части форсировали реку Ботна, захватили на ней исправные мостовые переправы, перерезали железную дорогу Кишинев—Бендеры и взяли станцию Ботна. 1050-й и 1054-й стрелковые полки танковым десантом пошли на Молешты, Котовск. Только 1052-й полк временами развертывал свои батальоны севернее Гура-Галбенэ, громя и вновь загоняя немецкие колонны в лес. В середине дня полк завязал жестокий бой за населенный пункт Резина. В нем особенно отличилась стрелковая рота капитана Н. Оберемченко.

9-й Краснознаменный стрелковый корпус с выходом нашей дивизии в район Буцены, Котовск рассек Ясско-Кишиневский котел на две части: Кишиневскую и Гура-Галбенскую. В это время получаю приказ: «Срочно повернуть дивизию в юго-восточном направлении... Замкнуть кольцо окружения Гура-Галбенской группировки противника. 96-й танковой бригаде продолжить движение на Прут».

Мы совершали не просто марш-маневр. С подходом к населенному пункту Фырладяны полки развернулись в боевые порядки, и начался ожесточенный бой. Стрелковые батальоны

несколько раз поднимались в атаку, но гитлеровцы встречали атакующих мощным пулеметным огнем. И все-таки задача была выполнена: кольцо окружения вокруг Гура-Галбенской группировки замкнулось.

Давно заросли окопы и траншеи. Преобразился край, за свободу и счастье которого советские бойцы дрались в августе 1944. Их подвиг бессмертен. И замечательные свершения тружеников Молдавии — лучший памятник тем, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость социалистической Родины.

Поднявшийся из руин

И. К. СВИРИДОВ,
полковник в отставке,
бывший начальник штаба 295-й стрелковой дивизии

Позади десятки километров фронтовых дорог. Выгорают под нещадным солнцем наши запыленные гимнастерки. С боями преодолеваем последние сотни метров на подступах к Кишиневу. Таким запомнился мне август сорок четвертого. Да и не мне одному...

А потом глазам предстала картина, которая тут же заставила забыть об усталости. Высоко над Кишиневом поднимались черные клубы дыма, над городом метались языки пламени. Так фашистские изверги мстили за свое поражение на Днестре и подступах к Кишиневу. Это вызывало чувство негодования, стремление как можно быстрее освободить от фашистов столицу Молдавии.

На улицах Кишинева завязались ожесточенные схватки. Упорно сопротивляясь, враг пытался выиграть как можно больше времени, чтобы отвести свои главные силы за Прут. Но натиск советских бойцов оказался настолько стремительным и беспощадным, что фашисты дрогнули. А затем последовало их паническое бегство.

К четырем часам утра 24 августа воины соединений 5-й ударной армии во главе с прославленным командармом генерал-лейтенантом Н. Э. Берзариным полностью очистили от фашистов столицу Советской Молдавии. Над городом было водружено Красное знамя.

В числе первых на улицы Кишинева ворвались бойцы первого батальона 273-го гвардейского стрелкового полка под командованием капитана А. И. Бельского, передового отряда 295-й стрелковой дивизии под командованием Героя Советского Союза майора М. А. Золотухина, частей 60-й, 89-й, 94-й гвардейских и 416-й стрелковой дивизий.

Отмечая эту выдающуюся победу, столица нашей Родины Москва в тот день салютовала доблестным воинам 2-го и 3-го Украинских фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий. Приказом Верховного Главнокоманду-

ющего одному соединению и двадцати пяти полкам были присвоены почетные наименования «Кишиневский».

Кишинев славился красотой, зеленью, дорог был сердцу советского человека своими памятными местами: здесь творил молодой Пушкин, здесь жил и боролся легендарный Котовский. Фашисты не пощадили Кишинева. Только могучее наступление Советской Армии помешало им превратить его в пепелище.

Особенно глубокие раны городу были нанесены беспощадными бомбардировками фашистов в июле 1941 года. Полутонные фугаски поднимали на воздух целые дома. В зареве пожаров оставляли тогда Кишинев. С. Г. Артемов, В. Г. Безбородов, М. К. Величко, А. М. Никитенко, С. П. Рюмина, О. Е. Оливко и многие другие бойцы и командиры, получившие на молдавской земле первое боевое крещение, а затем ставшие ветеранами 295-й стрелковой дивизии поклялись вернуться и отомстить. И через 1134 дня сдержали свое слово...

Сквозь низко стелющийся дым могучим потоком двигались через освобожденный Кишинев полки и дивизии 5-й ударной армии. Шли они по мостовым, заросшим лебедой и чертополохом. Целые кварталы зданий смотрели на них пустыми глазницами выбитых окон и дверей. И надо было видеть, как плакали от радости оставшиеся в живых кишиневцы, встречая своих освободителей.

Нашему бойцу была дорога каждая минута. Он мог задержаться только для того, чтобы выпить глоток воды, которую женщины и ребятишки в ведрах, чайниках, кастрюлях, кувшинах выставляли прямо на пороге.

— А немцы больше не придут? — На этот вопрос нашим бойцам и командирам приходилось отвечать, что называется, на бегу.

Помню, на улице появилась старушка. В ее руках была икона. Она благословляла советских солдат, уходивших на запад.

— Много мне пришлось вытерпеть на старости лет,— рассказывала она собравшимся вокруг. — Фамилия моя Тимошенко. Так три года проклятые таскали меня на допросы, допытывались — не родственница ли я Маршалу Советского Союза.

Кишиневцы один за другим выходили из своих укрытий. Они угощали бойцов яблоками, грушами, сливами. При этом приговаривали:

— Не обессудьте, ничего не осталось, все разграбили фашисты...

И это было правдой. От города мало что осталось. Но представители правительства Молдавской ССР, вступившие в Кишинев вместе с советскими войсками, уже осматривали город, намечали планы его возрождения.

И сегодня не узнать Кишинева. Он заново вырос, раздался вширь. За этот короткий период столица республики не только залечила раны, нанесенные войной, восстановила свое хозяйство, но и достигла гигантского прогресса в области экономики, культуры. Если в 1944 году жилой фонд составлял всего 220 тысяч квадратных метров, то ныне превышает 3 000 000. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги тружеников Кишинева, наградив город орденом Ленина.

Слово правды над окопами

И. В. МАЛЫШЕВ,
бывший инструктор политотдела
5-й ударной армии

Вскоре после того как вражеские дивизии попали в окружение, перед группой политработников 5-й ударной армии была поставлена ответственная задача — донести до солдат и офицеров фашистского вермахта правду об освободительной миссии Советской Армии, убедить их сложить оружие и прекратить захватническую войну.

Я возглавил специальную оперативную группу, в которую вошли три диктора и 22 рупориста.

26 августа опергруппа приступила к работе. В ускорении ликвидации окруженной юго-западнее Кишинева немецкой группировки большую роль сыграл ультиматум командующего войсками 3-го Украинского фронта генерала армии Толбухина, передачу которого мы и вели по ночам. Обращенный к командованию немецких армейских корпусов, пехотных дивизий ультиматум требовал немедленной капитуляции, гарантируя всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность.

Над передним краем гремели слова ультиматума, а окопы противника огрызались огнем. Но уже к полудню 27 августа из леса стали выходить и сдаваться в плен первые немецкие солдаты. Только за двое суток работы опергруппы сдались в плен около двухсот немецких солдат и два офицера.

О влиянии радиопередач на солдат противника свидетельствуют письма и дневники военнопленных. Вот что писал пленный ефрейтор: «Около двух суток я и пять моих товарищей бродили по лесу. Голод давал о себе знать. Мы бросили оружие, но не шли к русским, боясь немедленного расстрела. Как-то утром услышали передачу русских, в которой они призывали нас прекратить сопротивление и сдаться в плен. Всем сдавшимся гарантировались жизнь и возвращение на родину после войны. Это положило конец нашим колебаниям — мы решили сдаться...»

Пришедшие к нашей группе пленные живо интересовались работой Национального комитета «Свободная Германия». Я рассказал им о деятельности этой организации. Ведь в седьмом отделении 5-й ударной армии работала дочь немецкого коммуниста, известного поэта, президента Национального комитета «Свободная Германия» Эриха Вайнерта — Марианна Вайнерт.

После Ясско-Кишиневской операции 5-ю ударную армию перебросили на другой фронт, а мы снова оказались в Кишиневе. Наша МГУ теперь передавала музыку. Вокруг репродуктора собралась ликующая толпа. Кто-то подошел к микрофону и стал читать стихи Пушкина:

Здесь долго светится
небесная лазурь,
Здесь кратко царствует
жестокость зимних бурь.
На скифских берегах
переселенец новый,
Сын юга, виноград
блистает пурпуровый...

...Не забыть те августовские дни 1944 года. Взволнованные, сердечные встречи, слезы счастья на глазах людей. Мы шли по Молдавии дорогами, которыми ходили полки Петра I, Суворова, Кутузова. Мы освобождали землю Котовского и Лазо. И всюду — в городах и селах, на дорогах и в садах — нас принимали как родных братьев-освободителей.

На Дубоссарском плацдарме

Д. ЧИБИСОВ,
член Совета ветеранов
бывшей 94-й гвардейской дивизии

Преследуя отступающего врага, полки 94-й гвардейской стрелковой Звенигородской Краснознаменной ордена Суворова дивизии успешно продвигались вперед. Позади оставались освобожденные населенные пункты: Тисколунские Одаи, Малешты, Новые Гояны...

Отойдя на высоту 175,5, противник интенсивным огнем и частыми контратаками старался удержать оборону на подступах к Дубоссарам. К ночи 12 апреля 1944 года мы очистили от врага лес восточнее села Коржево и вышли на восточный берег Днестра, а 12 апреля основные силы дивизии переправились через реку в районе Красного Кута. За образцовое выполнение задания командования при форсировании Днестра Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1944 года 94-я гвардейская дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени.

Переправившись через реку, мы при поддержке танков перешли в наступление. «Тридцатьчетверки» подавили огневые точки противника на переднем крае и двинулись через траншеи на северо-западную окраину села Устье. В это время пехота ворвалась в первую линию траншей врага и завязала там рукопашный бой. К полудню один из батальонов 283-го полка вышел на северо-западную окраину села Устье, завязав с противником уличный бой.

Много дней и ночей это село было ареной жестоких и кровопролитных схваток с фашистами. Однажды противник в течение ночи трижды контратаковал, пытаясь окружить ударно-штурмовой батальон. Все контратаки врага были успешно отбиты. Но мы вдруг обнаружили, что у нас осталось всего пять бронебойных снарядов. Как раз в это время фашисты снова бросились в контратаку. В ход пошли гранаты и автоматы. Артиллерия помочь нам не могла, ибо мы очень близко сошлись с врагом. Тогда артиллеристы открыли ураганный огонь по тылу врага, а мы вели ближний бой. И бой этот выиграли. Контратака захлебнулась. А вскоре под натиском наших войск враг был вынужден оставить село Устье...

Перед наступлением

После жарких боев на Дубоссарском плацдарме на некоторое время наступило затишье.

В полках нашей дивизии с мая 1944 года шла активная подготовка к наступательным боям. Гвардейцы совершенствовали свое мастерство и передавали боевой опыт новому пополнению. Начальник политотдела дивизии гвардии полковник С. В. Кузовков регулярно бывал в полках и батальонах. И когда только он успевал все делать,— утром вручал партбилеты принятым в ряды ВКП (б) бойцам роты старшего лейтенанта В. П. Овчинникова, а в обед уже в роте гвардии капитана А. С. Околелова проводил открытое партийное собрание с повесткой дня «За Советскую Молдавию». Вечером его уже видели в батальонах гвардии капитанов А. П. Рабкина и В. Д. Демченко.

С полной нагрузкой работала в эти дни полевая почта. Бойцы каждую свободную минуту использовали для того, чтобы послать весточку родным, близким, знакомым. Корреспонденции порой было так много, что она едва вмещалась в объемистые сумки почтальонов. Никто из нас тогда не знал, что в Ставке Верховного Главнокомандования уже утвержден план одной из крупнейших операций под наименованием «Ясско-Кишиневская».

Даешь Кишинев!

Утром 20 августа 1944 года временное затишье на фронте было нарушено мощной артиллерийской канонадой. Части 2-го и 3-го Украинских фронтов после почти двухчасовой артподготовки при поддержке авиации и танков перешли в наступление.

На основании приказа штаба корпуса части нашей дивизии в ночь на 21 августа произвели перегруппировку и основными силами сосредоточились на рубеже сел Пятра, Фурчены на берегу реки Реут, оставив на оборонительных рубежах по одному батальону пехоты и роту минометчиков. А в это время основные силы дивизии, преодолев заранее подготовленные проходы в минных полях противника, без предварительной артподготовки перешли в наступление. И к семи часам утра 23 августа они овладели селом Бранешты.

Стремительно продвигаясь вперед, вечером передовые подразделения подошли к окраинам Кишинева. А спустя час-полтора гвардейцы-пехотинцы завязали бой с фашистами на подступах к северной окраине столицы Молдавии.

Фашисты взрывали склады с боеприпасами и горючим, раз-

рушали исторические памятники и административные здания. Над Кишиневом полыхали пожарища...

На фланге дивизии несколько залпов дали батареи «Катюш». 283-й и 288-й гвардейские стрелковые полки развернулись в атаку на врага. Под сильным пулеметным и минометным огнем саперный взвод гвардии лейтенанта Залилова быстро разминировал дорогу к переправе через реку Бык. В течение двух часов гвардейцы-саперы из подручного материала сооружали мост.

В это время бойцы дивизии ждали сигнала к штурму. И вот он подан. Раскатилось многоголосое «ура!». Гвардейцы лавиной бросились в атаку. Дом за домом, улицу за улицей освобождали они Кишинев от врага. В числе первых ворвались в город комсомольцы 288-го гвардейского стрелкового полка — младший сержант Кондерчук, рядовые Кравченко и Подорилов. На их пути стояло до взвода фашистов. В ход пошли гранаты и автоматы. В этом же бою отличился пулеметчик Афанасий Михайлов. Обойдя оборонявшихся фашистов, он фланговым огнем посеял в их рядах панику, а когда они дрогнули и начали отходить, расстреливал в упор.

Метким огнем поддерживала пехотинцев батарея противотанковых пушек Героя Советского Союза гвардии лейтенанта В. А. Конева. Орудие гвардии старшины Цымбала вплотную подкатилось к заминированной обороне врага. Застрочили немецкие пулеметы и автоматы. Тяжелораненый коммунист Григорий Цымбал принял бой. Прямой наводкой он расстреливал врага. И лишь когда умолкли вражеские огневые точки, истекающий кровью гвардеец оставил свое орудие.

Героический подвиг в боях за Кишинев совершил сын молдавского народа, командир пулеметного расчета гвардии младший сержант Мамей. Когда рота гвардейцев вклинилась в расположение вражеской обороны, командир поставил перед Мамеем задачу — обеспечить фланг наступающей роты. Короткими перебежками, обойдя огневые точки врага, расчет Мамея стал обходить немцев с тыла. Вдруг с чердака дома застрочил пулемет. Отважный командир отделения быстро подбежал к зданию и метнул гранату на чердак. Вражеский пулемет умолк. Несколько минут спустя гвардии сержант Заболотный и рядовой Иван Гуменюк из отделения Мамея установили на чердаке свой «Максим»...

Командир 288-го гвардейского полка гвардии полковник М. П. Аглицкий дал команду: «Вперед!» Немцы не выдержали новой атаки гвардейцев и начали отходить. И тогда по отходящему врагу застрочил «Максим» Ивана Гуменюка. Он бил длинными очередями вдоль вражеских траншей. Меткий огонь пулеметчиков помог нашим наступающим войскам.

Умение и отвагу показали в этих боях снайперы. На подступах к городу немецкий пулемет, установленный на чердаке

кирпичного дома, без устали бил во фланг наступающей роте офицера Кондратьева. Под градом пуль бойцы вынуждены были залечь. Командир роты приказал снайперу Федотову подавить пулемет врага. Высокая кукуруза маскировала бойца, который пополз в сторону реки. Оказавшись на фланге вражеского пулемета, снайпер увидел в оптический прицел двух гитлеровцев. Меткими выстрелами он заставил вражеский пулемет умолкнуть.

Хорошо «поработал» в момент наступления на Кишинев и снайпер Бойков. К 14 фашистам, уничтоженным в обороне, он прибавил еще пять в бою за освобождение столицы Советской Молдавии.

Геройски сражались гвардейцы

Находчивость и инициатива отдельных воинов-гвардейцев часто способствовали успешному решению боевых задач. На подступах к городу, на одном из стыков дорог, немцы укрепившись в глубоких траншеях, огнем двух пулеметов и большого количества автоматов прикрывали отход основных сил. Сбить их лобовой атакой — означало понести большие потери. Лейтенант Ермаков незаметно отвел свой взвод в сторону и, сделав глубокий обход, зашел немцам в тыл. Немцы обнаружили взвод Ермакова на расстоянии 100 метров от своих траншей. Приняв круговую оборону и развернув один пулемет, они заставили взвод залечь. Обстановка складывалась не в пользу нашего подразделения. Исход боя решил гвардии рядовой Федор Гончаренко. Улучив момент, он дерзким броском выдвинулся вперед с ручным пулеметом и меткими очередями стал поливать вражеские траншеи. Его огонь поддерживали стрелки взвода. Гончаренко снова продвинулся вперед, прижимая немецких пулеметчиков к земле. Взвод перешел в атаку. Гвардейцы забросали гитлеровцев гранатами и в короткой рукопашной схватке истребили до 30 солдат и захватили в плен 27 фашистов.

Умело воевал под Кишиневом бронебойщик Калиберда. Это он метким огнем из противотанкового ружья уничтожил три пулеметные точки врага, задерживавшие продвижение нашей пехоты. Отлично «поработали» минометчики офицера Чижова. Их метко выпущенные мины подавили огонь вражеских пулеметчиков, расположившихся в здании мельницы.

Навсегда останется в памяти участников боев за освобождение столицы Молдавии образ бесстрашного командира дивизии гвардии полковника Героя Советского Союза Г. Н. Шостацкого. На подступах к Кишиневу его машина подорвалась на противотанковой мине. Были ранены адъютант и разведчики. Гвардии полковник Шостацкий был контужен. Но, несмотря на это, он лично руководил боем.

24 августа в четыре часа ночи Кишинев был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Приказом Наркома обороны СССР от 7 сентября 1944 года 288-му гвардейскому полку нашей дивизии было присвоено наименование «Кишиневский», а Указом Президиума Верховного Совета СССР 283-й гвардейский Краснознаменный полк за отличие в боях при освобождении столицы Советской Молдавии награжден орденом Богдана Хмельницкого II степени, 1620 воинов дивизии получили правительственные награды.

Овеянные славой

М. А. ВЛАСЮК,
генерал-майор в отставке

Участники одного из крупнейших сражений Великой Отечественной войны — Ясско-Кишиневской операции — с особой радостью отмечают эту замечательную победу. Плоды ее мы видим на земле цветущей Молдавии, в победной поступи социалистических стран, для которых изгнание фашистских захватчиков стало началом новой эры.

В боях за освобождение днестровского края от фашистских захватчиков немало ратных подвигов совершили и воины 34-й гвардейской Енакиевской стрелковой дивизии. Солдаты и офицеры, шедшие в сражения под ее знаменем, показали образцы мужества и высокого воинского мастерства.

Гвардейцы-енакиевцы прошли славный боевой путь по фронтам Великой Отечественной войны. Они остановили рвавшиеся к Волге механизированные соединения гитлеровцев, нанесли ряд ударов по фашистам в Сальских степях, под огнем форсировали Дон, в составе 28-й армии дрались за Ростов. А летом 1944 года приняли участие в наступательных боях на территории Молдавии.

В исторический день 20 августа 1944 года полки дивизии, сосредоточенные в болотистой пойме под прикрытием леса, начали наступление в районе села Талмазы. Перед атакой бойцов напутствовал командующий 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухин.

По плану командования один из батальонов дивизии проводил разведку боем, чтобы дезориентировать противника, так как одновременно наступали и соседние подразделения. Весь штаб дивизии находился в боевых порядках батальона. Начальник политотдела В. Е. Корчажкин провел партийное собрание в стрелковой роте. С бойцами в разведку пошли и политработники. Ночной бой был проведен грамотно и стремительно. Батальон выбил противника из первых траншей и начал развивать успех. Артиллеристы уточнили цели, которые предстояло поразить в ходе наступления.

Во всех подразделениях в ту ночь состоялись митинги.

Во втором батальоне 105-го гвардейского стрелкового пол-

ка перед боевыми товарищами выступил красноармеец П. Богаченко. Он был уже немолодым бойцом. Всякое повидал в те суровые годы — даже фашистские застенки. А теперь громил врага на переднем крае. Его старший брат Герасим, трудившийся в тылу, собрал трудовые сбережения семьи и внес на постройку самолета 100 тысяч рублей. Накануне боя Богаченко получил известие, что эта боевая машина передана 3-му Украинскому фронту. Об этом он и рассказал своим однополчанам.

Утром следующего дня все пришло в движение. По мосткам, через топи, под прикрытием огня сотен орудий солдаты двинулись на штурм высоты, что рядом с Талмазами, имевшей большое значение. Над полем боя, словно знамя, плыли звуки гимна Советского Союза: в боевых порядках находились дивизионные музыканты. В центре реяло знамя, которое несли герои боев на заднестровских плацдармах.

Гвардейские батальоны и полки во взаимодействии с частями тяжелых самоходных орудий в первый же день штурмом взяли укрепления врага и начали наступление на станцию Березино. Тем временем передовой отряд, возглавляемый командиром 84-го Краснознаменного артиллерийского полка А. Волошиным, двигался на Кагул. Главной задачей было овладеть городом и дамбой, чтобы без задержки форсировать Прут и выйти на территорию Румынии.

Использовав эффект неожиданности, отряд стремительно ворвался в город. Артиллеристы развернули орудия и прямой наводкой открыли огонь по дамбе. Разведчики и автоматчики через плавни пробрались к мостам. Они уничтожили несколько огневых точек и установили на переправах пулеметы и минометы. В центре города штурмовая группа под командованием командира минометчика Н. Мельникова захватила здание, где размещался гитлеровский штаб. Фашисты упорно сопротивлялись, но вынуждены были отступить. В том бою пал смертью храбрых ветеран дивизии коммунист Н. Мельников. Гвардейцы похоронили его на берегу Прута.

В полдень 24 августа Кагул был полностью освобожден, и 34-я гвардейская дивизия через Прут вступила на территорию Румынии.

Все написанное выше — лишь короткие заметки. Много можно рассказать о подвигах моих боевых товарищей на молдавской земле. Они до конца выполнили воинский долг, сражаясь с ненавистным врагом, покрыли неувядаемой славой свои боевые знамена.

Прорыв на Днестре

В. А. КРЫЛОВ,
бывший заместитель командира 23-го гвардейского артиллерийского ордена Александра Невского Браиловского полка по политчасти, подполковник в отставке

Знойный августовский день. Прошедший недавно сильный дождь кажется приятным сном. Воздух раскален, дышать трудно. Ни одного дуновения ветерка.

Турунчук быстро катит свои желтые воды в Черное море, торопится на поворотах, шумит в узких местах, завивая большие воронки в заводях. Собственно, Турунчук не самостоятельная река, а рукав Днестра. Южнее Тирасполя, совсем недалеко от места, где мы сейчас находимся, Днестр делится на два рукава, почти одинаковые по ширине. Правый — это собственно Днестр, а левый — Турунчук. Между рукавами широкая пойма, поросшая буковым лесом, и знаменитые днестровские плавни.

Перед нами на правом берегу Днестра раскинулось большое село Талмазы. Ниже по течению такие же села — Чобручи и Раскайцы. По правобережью проходит линия немецко-румынской обороны.

Напротив нас румынские части. Румыны ведут себя тихо, за последнюю неделю почти не стреляют. Наши солдаты спокойно ходят по левому берегу Днестра, загорают, купаются, поблескивая в ослепительных лучах солнца бронзовыми спинами. Под видом купальщиков наши разведчики плавали к правому берегу, по ним не стреляли. Кто-то из румын крикнул на ломаном русском языке:

— Эй, Иван, когда наступать будешь?

Для нас ясен этот вопрос. К лету 1944 года многие румынские солдаты хорошо поняли, в какую передрягу они попали, ввязавшись в войну против нас на стороне гитлеровской Германии. Каждую ночь к нам переплывали перебежчики. По одному, по два, а то и целыми группами. «Долой «разбой» (войну),— говорят румынские солдаты, радуясь тому, что они теперь будут живы. — «Румын воевать за Гитлера не хочет. Румын хочет домой. Дома хозяйка. Кушать нет чего».

Все лето мы готовились к новому наступлению. Наш 31-й гвардейский корпус находился во втором эшелоне, готовил-

ся к тому, чтобы одним махом форсировать Днестр и быстрым маршем, сломив сопротивление врага, выйти к берегам Прута. Его дивизии — 4-я, 34-я и 40-я гвардейские, полностью укомплектованы, обеспечены боевой техникой и выучены решить любую задачу. За несколько дней до начала прорыва мы сделали проверку боевой готовности личного состава полка. Комиссия из опытных офицеров, сержантов и рядовых коммунистов придирчиво осмотрела материальную часть, провела ряд бесед с воинами.

На заседании партийного бюро полка я доложил результаты проверки. И хотя активисты сами работали в комиссии, основательно разобрались во всем, обобщенный материал выслушали внимательно. В нашем полку насчитывалось к тому времени 250 членов и кандидатов партии, 130 комсомольцев. Это две трети личного состава полка. Только за восемь месяцев 1944 года в члены партии принято 54 человека и 76 стали кандидатами.

Коммунисты полка — опытные воины, прошедшие славный боевой путь от Ельни и Тихвина до Днестра. У нас крепкий костяк младших командиров—командиров орудий и разведчиков—Я. И. Юдин, В. И. Макаров, А. Т. Дубина, В. Е. Голубитченко, Н. Г. Давыдов, Г. Т. Васин, С. А. Курмахин, И. И. Федоров и многие другие. Все они коммунисты, всегда впереди, во всем показывают пример служения Родине, выполнения своего воинского и партийного долга.

На заседании партийного бюро мы наметили подробный план политико-воспитательной работы во время наступления и преследования противника. Каждый из нас понимал, что перед нашей армией ставится великая миссия — освободить народы Европы от фашизма. Поэтому все бойцы, а коммунисты в первую очередь, должны нести высокое звание советского воина-интернационалиста.

17 августа на передний край вышли и наши стрелковые полки. Значит, час наступления близок.

Вечером 19 августа командир дивизии полковник Кузьма Дмитриевич Парфенов пригласил нас к себе. Пришли командиры стрелковых полков: 3-го — полковник Александр Семенович Левин, 8-го—полковник Иван Никифорович Панченко и 11-го — подполковник Семен Степанович Мищенко; замполиты — майор Николай Иванович Закатилов, подполковник Никифор Романович Шеладонов, майор Сергей Миронович Тимофеев.

Командир дивизии познакомил нас с окончательным планом прорыва вражеской обороны.

— Основной удар по врагу наносят 3-й и 8-й гвардейские полки. Им придается каждому по два артиллерийских и по два минометных полка. Кроме них на участке прорыва для разрушения вражеской обороны будет действовать артиллерийская дивизия прорыва: две бригады орудий большой мощности и дивизионы «Катюш». Задача пехоты: быстро форсировать Днестр и за огневым валом артиллерии взять вражеские укрепления. Основу обороны противника — высоту 140,0—берет 3-й гвардейский полк, 8-й гвардейский полк, не задерживаясь у высоты, ведет наступление на Александрены.

...Последняя ночь перед прорывом. Во всех подразделениях идет большая работа с личным составом. Мы, политработники, проводим заседания бюро партийных и комсомольских организаций, обсуждаем, кто какую конкретную задачу должен выполнять в часы прорыва. Рядом с огневой 8-й батареей (она находилась на прямой наводке, на берегу Днестра) — второй батальон 3-го гвардейского полка. Замполит батальона капитан Володя Грабченко, мой старый знакомый, проводит комсомольское собрание батальона. Читает проект резолюции: «Коммунисты и комсомольцы батальона выполнят свой долг перед Родиной. Они первыми ворвутся на господствующую высоту 140,0 и возьмут ее. Каждый понесет с собой красный флаг и водрузит этот флаг на высоте».

Комсорг полка лейтенант Борис Чувашкин с чудесной, по-юношески задорной улыбкой раздает комсомольцам комсомольские значки:

— Наденьте значок на гимнастерку. И передайте значки тем молодым парням, которые еще не оформили заявления в комсомол, но хотят идти в бой комсомольцами.

Здесь же, недалеко от наших позиций, стоят саперы. У них все готово к прорыву: с первыми же залпами артиллерии саперные подразделения начнут наводить понтонный мост для нас. Тут же и лодки для штурмовых групп.

На рассвете 20 августа я обошел все батареи, которые должны переправляться через Днестр вместе с пехотой. У нас также все готово. Во всех подразделениях проходят короткие митинги. Говорят солдаты и сержанты. Вот выступает перед бойцами парторг 8-й батареи старший сержант Григорий Трофимович Васин. Коренной уралец, в обычное время нетороплив, рассудителен, в бою упорен и смел.

— Товарищи! — говорит он. — Нам приказано прорвать оборону врага на западном берегу Днестра. Настала пора полностью очистить нашу землю от фашистской нечисти. Разрешите от вашего имени заверить командование: восьмая батарея с честью выполнит боевое задание. Что касается нас, коммунистов, то мы будем впереди, на самых ответственных участках сражения...

И вот в назначенный срок по всему Приднестровью прокатился орудийный грохот. Мы сидим на помосте, на самой вершине высоченного бука. Это наш наблюдательный пункт. Отсюда как на ладони видны село Талмазы и река Днестр. Над

Талмазами поднимается густое облако сине-черного дыма. Залпы орудий следуют беспрерывно, сливаясь в мощный гул. Медленно оседает высокая колокольня, поднимая вверх клубы белой пыли. По реке снуют лодки. Переправляются наши штурмовые отряды. Саперы тянут понтоны, наводят переправу.

По плану артиллерийского наступления мы должны были вести огонь по обороне противника 45 минут. Вскоре с передовых наблюдательных пунктов передали:

— Пехота бросилась к переправам.

Огромная мощь артиллерийского удара по противнику как бы воздействовала на бойцов. Готовясь к штурму вражеских позиций, наши солдаты запели гимн Советского Союза.

Командир 3-го гвардейского полка гвардии полковник Левин говорил:

— Это был такой моральный подъем, какого я еще не наблюдал в прошлых боях. И солдаты выразили всю силу нашего морального превосходства над врагом, запели гимн Родины. А затем, не дожидаясь конца артподготовки, ринулись к переправам. Всего несколько минут потребовалось бойцам, чтобы единым броском перемахнуть на тот берег и ворваться в Талмазы.

Наши радисты, бросившиеся к Талмазам вместе с первыми бойцами, передавали по всем рациям:

— Мы ворвались в Талмазы! Мы в Талмазах! Прекратить огонь по Талмазам!

Командир нашего полка подполковник Николай Васильевич Космачев, начальник штаба полка капитан Николай Максимович Фендриков кричат по всем телефонам:

— Стой! Стой! Батареям перенести огонь в глубину!

Но не так-то просто остановить сразу огонь такой махины из восьми артиллерийских полков, входящих в нашу артгруппу. Я передаю по телефонам замполитам дивизионов:

— Прекратите огонь по Талмазам. Перенесите огонь на высоту.

Минут через пять огонь по селу прекратился. Космачев спросил командиров дивизионов:

— Где вы находитесь?

— За Талмазами, — ответили командир 1-го дивизиона капитан Иван Степанович Березуев и командир 3-го дивизиона капитан Александр Моисеевич Коваль. — Выбрались к высоте 140,0...

Пехотинцы Левина, быстро форсировав Днестр, ворвались в село. Здесь их встретили гитлеровцы плотным огнем пулеметов. Как видно, в последний момент немецкое командование, не надеясь на румын, поставило в оборону свои части.

Командир 1-й роты старший лейтенант Алексей Иванович Гончаров повел своих солдат на штурм села. Бой был скоротечным.

— Вперед, гвардейцы, на штурм высоты! — скомандовал Гончаров. Из-за высоты гитлеровцы обстреляли роту минами. Гончаров упал. К нему подбежал командир первого взвода лейтенант Павел Лось. Гончаров был мертв. Заметив упавшего командира роты, рота смешалась и остановилась. Лейтенант Лось крикнул:

— Рота, слушай мою команду! Вперед, на штурм высоты!

Бойцы, почувствовав твердую волю нового командира, с удвоенной силой рванулись вперед.

Правее, во фланг противнику стала заходить 2-я рота. Командовал ею смелый и решительный старший лейтенант Малах Иванович Иванов. Пренебрегая опасностью, он шел впереди роты. Вражеская пуля сбила с его головы пилотку. Ветер трепал похожие на лен волосы.

На скатах высоты было несколько вражеских дзотов. Их огонь заставил залечь солдат 1-й роты. Лейтенант Лось с группой комсомольцев подполз к дзотам. Огнеметчик Тужаев послал в амбразурную струю огненной жидкости. Для верности Лось бросил в амбразуру гранату. Дзот замолчал.

Малах Иванов бежал к самой вершине высоты. Споткнулся. С трудом поднялся на ноги. Заметив это, сержант Тужаев подхватил Иванова. И вместе стали ползти к самой вершине, где все еще оборонялся враг. Правее всех вела наступление 4-я рота. Командовал ею молоденький лейтенант Миша Карпов. Он только что принял роту. Но повел ее в наступление как опытный командир. И солдаты 4-й роты первыми добрались до гребня высоты, ворвались в траншеи противника. Завязалась рукопашная схватка. Она длилась недолго, всего несколько минут. Но в этой схватке погиб молодой комроты Миша Карпов. Один из гитлеровцев, лежа в траншее и притворившись убитым, выстрелил ему в спину. Командование ротой принял на себя комсорг батальона младший лейтенант Сергей Парамонов.

— Комсомольцы, вперед за мной! — скомандовал он, увлекая за собой бойцов роты.

Командир роты старший лейтенант Малах Иванов, комсорг батальона младший лейтенант Сергей Парамонов и сержант Тужаев с группой комсомольцев закрепились на гребне высоты. Коммунист Тужаев вынул из-под гимнастерки красное полотнище, привязал его к древку и водрузил на высоте. Рядом с ним комсомольцы закрепили свои флажки. Весь гребень высоты заалел, как будто над ним расцвели маки.

Гитлеровцы вновь попытались отбить высоту, начали контратаку. Но к этому времени высоту занял уже весь 2-й батальон. Командир дивизии передал по рации командиру батальона капитану Федору Антоновичу Новикову:

— Молодец, Федя! Хвалю за смелость и умелое выполнение задачи. Передайте всему личному составу благодарность.

Комбат был общим любимцем в полку. В сорок первом году курсант подольских курсов Федор Новиков защищал мост у города Юхнов. Там было его первое крещение как будущего командира. В бою за Юхнов Новикова тяжело ранили. Подлечившись, получил назначение в нашу дивизию. Командовал взводом, ротой, а весной 1944 года батальоном. И в первом же бою показал себя зрелым командиром.

Контратака гитлеровцев была отбита. Пулеметчики батальона Павлуша Чернявский и рядовой Иван Близнюк огнем пулемета уничтожили больше взвода вражеских солдат. К этому времени подоспел и 1-й батальон. Гитлеровцы начали откатываться. Наши бойцы пошли в атаку. Снова завязалась рукопашная схватка. В этой схватке командир отделения и комсорг 6-й роты Степан Богданов уничтожил трех гитлеровцев. Его тяжело ранило. Бойцы подхватили своего командира, хотели отправить в тыл. Богданов приказал: «Идите вперед, там вы нужнее. Будьте первыми в бою. А меня подберут санитары». Ефрейтор Георгий Абулашвили повел отделение вперед. Он в этом бою уничтожил 5 вражеских солдат.

Высота 140,0 полностью очищена от противника. Этому способствовало и то, что наступавший справа 8-й гвардейский полк вырвался далеко вперед. Разведчики полка под командованием Вячеслава Князева вышли к деревне Поповка. Здесь они натолкнулись на новую полосу обороны, усиленную танками.

...Под вечер гитлеровцы снова перешли в контратаку. Три «тигра» выползли на бугор и обрушили яростный огонь. Пехотинцы рассыпались в цепь, начали окапываться.

Навстречу вражеским танкам, а их появилось уже больше десятка, мчатся наши батареи. Первая, четвертая, седьмая — я узнаю их по тому, как они разворачиваются для боя. Одна-две минуты, и вот по всему полю грохочут выстрелы.

Появляются и наши самоходки СУ-152. Они открывают огонь по «тиграм». Один сразу же вспыхивает ярким пламенем. Остальные скрываются за косогором...

Утром 21 августа в 18 километрах юго-западнее Талмаз части дивизии еще раз натолкнулись на хорошо организованную оборону противника. Два раза наши пехотинцы пытались выбить гитлеровцев с занимаемых позиций. И оба раза откатывались обратно. Гитлеровские штрафники офицерского батальона били из пулеметов умело, ловко маневрируя огнем.

Тогда мы поставили полк артиллерии на прямую наводку. Огонь тридцати шести орудий за полчаса смял всю вражескую оборону. Снова пехотинцы пошли в атаку. Первой ворвалась в траншеи врага 8-я рота под командой старшего лейтенанта Соковича. Гитлеровцы дрались до последнего, схватывались

врукопашную. Они не хотели сдаваться в плен. В этой схватке погиб старший лейтенант Сокович. Командование ротой принял на себя секретарь партбюро старший лейтенант Окороков. Он завершил бой.

Молдавские деревни как будто уснули в зелени. А на дорогах пыль. Она клубится вслед за колоннами наших войск. Навстречу идет большая группа румынских солдат. Усталые, запыленные, шагают они на восток. Румынский лейтенант поднимает руку, просит нас остановиться. Подходит к нам, щелкает каблуками высоких, с ремешками, сапог.

— Домну колонел-локотенент. Разрешите узнать, где есть русский плен?

В самом деле, где? О пунктах сбора пленных нас не информировали. Что же сказать этому «локотененту»? Машу рукой на восток.

— Там... В Бендерах...

Их старая армия развалилась. Румыны поняли всю глубину того, что сделали раньше, воюя против нас, и теперь готовы помогать нам в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Утром 21 августа на нашем участке в прорыв был введен 4-й гвардейский Краснознаменный Сталинградский механизированный корпус. Его танки и мотопехота с ходу овладели Фештелицей и повернули на юг — на Бородино—Тарутино. Этот корпус нам был хорошо известен. С ним мы шли бок о бок в целом ряде сражений: Миус-фронт, прорыв «линии Вотна» на реке Молочной, прорыв на правобережье Днепра в районе Апостолово. И повсюду солдаты и офицеры этого корпуса показывали образцы воинской доблести.

Отдавая должное гвардейцам мехкорпуса, и мы стремились, как говорят, не ударить лицом в грязь. Вот и сейчас, узнав о вводе корпуса в бой, командир дивизии полковник Парфенов тут же отдал приказ о выдвижении передовых отрядов.

— Артиллеристы берут с собой автоматчиков стрелковых полков. По роте на каждый дивизион, — распорядился он — и не отставать от танкистов и мотопехоты.

У нас в полку 36 боевых автомашин. На каждую машину взяли автоматчиков и разведчиков. Возглавили их отважные пехотные командиры — Алексей Хабаров и Вячеслав Князев. К вечеру 21 августа передовые отряды были на подступах к Бородино и Березино. Короткий бой, и передовые отряды заняли эти населенные пункты одновременно с танкистами и мотопехотой 4-го корпуса. Ночью вслед за танками передовые отряды вошли и в Тарутино.

Командир дивизии поставил перед передовыми отрядами новую задачу: овладеть переправами через реку Прут в районе села Стояновка Молдавская. Туда же устремилась часть сил и мехкорпуса.

Сводный отряд ушел вперед. Там находились боевые ко-

мандиры — Вячеслав Князев, лейтенант Ермолов, старшие сержанты Крохмаль, Ляпин, саперы сержанта Малыхина. О Вячеславе Князеве следует рассказать подробнее. 23 июня 1941 года молодой танкист Князев под Перемышлем получил первое боевое крещение, открыв счет подбитым вражеским машинам. В августе сорок первого его тяжело ранили. А после излечения он был направлен в нашу дивизию и стал разведчиком. В 1943 году он командует группой разведчиков 8-го гвардейского полка. Дивизионная газета «Боевой товарищ» 13 декабря 1943 года писала о нем: «Учитесь действовать так, как разведчики старшего сержанта Вячеслава Князева. На его счету уже 12 «языков», взятых во вражеском тылу». Вячеслав Князев стал офицером разведки, дерзким, умелым, способным решать любую задачу.

Мост через Прут был захвачен в результате смелого налета. Враг опомнился тогда, когда мост оказался в руках наших солдат. Гитлеровцы предприняли попытку вернуть мост и взорвать его. Старший сержант Крохмаль удачно расположил своих бойцов и умело организовал оборону. Гитлеровцы были встречены ураганным огнем пулеметов. Дважды враг пытался выбить наших бойцов и ворваться на мост, но с большими потерями откатывался назад.

А в это время Князев с группой лейтенанта Ермолова и отделением Ляпина переправились через реку и зашли гитлеровцам в тыл. Их удар был настолько стремительным, что большинство вражеских солдат сдалось в плен. Пока шел бой, саперы сержанта Малыхина осмотрели мост и разминировали его. Здесь отличились солдаты Тимофей Лось, Павлов и Магвеев. Отряд Князева удерживал мост до подхода основных сил дивизии.

Река Прут. Это граница, последний рубеж нашей Родины. Дальше идет чужая, неведомая нам земля. Она расстилается перед нами в жарком августовском мареве маленькими домиками, акациями и каштанами, повсюду видны полоски кукурузы и подсолнухов.

У моста я пересел в машину 3-го дивизиона. Медленно поднимаемся в гору. Впереди большая деревня. Останавливаемся на окраине, ждем, когда подтянутся остальные орудия. Справа от нас к деревне движется большая колонна солдат.

— Не нравится мне эта колонна, — говорит командир дивизиона капитан Александр Коваль.

Он долго смотрит в бинокль и вдруг отдает команду:

— Дивизион, к бою!

Передает бинокль мне:

— Гитлеровцы! Посмотрите! Какая-то часть их вырвалась из котла.

Мы знали, что пока враг будет обложен со всех сторон нашей пехотой, какая-то часть вражеских сил сумеет вырваться из окружения. Только «царица полей» может наглухо закрыть все щели котла.

Батарейцы быстро развернули орудия для боя. Автоматчики старшего лейтенанта Алексея Хабарова заняли оборону в кукурузном поле. Я невольно залюбовался действиями роты автоматчиков. Алтаец Алексей Хабаров, невысокого роста, круглолицый, с веселыми озорными глазами. Он быстро расставлял своих бойцов, умело организовывая прикрытие наших орудий.

Коваль бьет по гитлеровцам залпами. Колонна вражеских солдат развертывается для наступления. В их рядах часто вспыхивают разрывы снарядов. Их гораздо больше, чем я предполагал.

— Подошел еще один наш дивизион, — доложил Коваль. — Ну, теперь гитлеровцам не сдобровать!

И враг не выдержал нашего огня, бросился врассыпную, вниз по балке. Вскоре он скрылся в лесу. На самом хребте возвышенности появились вражеские автомашины, мчатся на полной скорости. Коваль бьет по машинам. Две из них сразу же вспыхивают огнем. Часть машин повернули обратно, но несколько все же прорвалось в деревню. Раздались автоматные очереди и взрывы ручных гранат. Оказывается, Хабаров успел послать группу автоматчиков, которые встретили плотным огнем вражеские машины. Только двум из них удалось пройти через деревню. Пятнадцать гитлеровцев были взяты в плен. Они рассказали о том, что их часть все же прорвалась из кишиневского котла, надеясь пробиться к своим. Встретить нас здесь они не ожидали.

Пока мы вели бой у переправы, первый дивизион, пройдя Прут, вырвался вперед. Заместитель командира дивизиона по строевой части капитан Александр Дьяченко ехал в головной машине 1-й батареи. Утомленный боями и беспрерывными маршами, Дьяченко подремывал.

Шофер неожиданно затормозил. Почти рядом с ними вдруг появился корпус «тридцатьчетверки». Откинулся люк, и из него появился подполковник.

— Хлопцы! — крикнул он. — Вы откуда? Не с 3-го ли Украинского?

— Так точно, товарищ подполковник! — весело откликнулся Дьяченко. Ну, а вы?

— Со 2-го!

Дьяченко выскочил из машины и лихо козырнул:

— С окружением немцев, значит?

— Выходит так, — засмеялся подполковник. — Куда путь держите?

— На Бухарест!

— Ого! Так нам по пути. Давай, жми за нами, капитан!

...Командир дивизии вызвал по радио командира полка и меня в деревню, которая располагалась перед нашей. Вот это да. А мы то думали, что обогнали всех. Оказывается, оперативная группа штаба дивизии специально выехала вперед, чтобы поставить новую задачу.

— В районе Яссы—Кишинев, — сказал Кузьма Дмитриевич Парфенов, — окружена группа немецких войск. Теперь ей уже не вырваться из котла.

И командир дивизии развернул карту:

— Дивизия получила задачу немедленно захватить Кэлэраши, Олтеницу и Джурджу. В Кэлэраши пойдет третий, в Олтеницу — восьмой, в Джурджу — одиннадцатый стрелковые полки. Ну, а вы со своими дивизионами и автоматчиками — вперед. Идите на полной скорости. Бой завязывайте только в том случае, если враг будет оказывать сопротивление.

...4 сентября 4-я гвардейская дивизия вышла к Дунаю и заняла Кэлэраши, Олтеницу и Джурджу. Я приехал в Джурджу со 2-м дивизионом.

На том берегу Дуная в голубой дымке чуть виднеется болгарский город Русе, город, о котором я знал с детства. Мой дед, тогда молодой матрос, участвовал в освободительной войне 1877—1878 годов, был в этом городе.

Мы знаем, что нас ждет братский болгарский народ, ждет, как своих освободителей. И мы пойдем в Болгарию, как только поступит приказ о форсировании реки Дунай...

4-я гвардейская Краснознаменная Апостолово-Венская стрелковая дивизия прошла славный боевой путь. Она участвовала в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии. Свыше 5 тысяч бойцов и командиров были награждены орденами и медалями, а четыре человека удостоены звания Героя Советского Союза.

Сейчас большинство ветеранов дивизии находятся на заслуженном отдыхе. Но они все такие же напористые гвардейцы, ведут большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодого поколения. Вячеслав Князев живет в городе Кишиневе. Он часто выступает в школах, участвует с ребятами в походах по боевому пути дивизии, помогает школьникам в создании музея. Коваль Александр Моисеевич за штурм Вены получил звание Героя Советского Союза. Сейчас он на пенсии, живет в городе Казани. Бывший командир автоматной роты Алексей Хабаров после войны вернулся в село Мехонское на Алтае, долгое время опять был кооператором. Но сказались фронтовые ранения. Сейчас Алексей Евстафьевич на пенсии. Бывший командир 1-го дивизиона Иван Степанович Березуев

работает в городе Омске прокурором одного из районов города. Командир дивизии генерал-майор в отставке Кузьма Дмитриевич Парфенов живет в подмосковье, в городе Солнечногорске. Почти каждый год он бывает в Молдавии, выступает перед молодежью с докладами о Великой Отечественной войне. Он был и гостем у пионеров и школьников Тарутина и Бородина. Да, не стареют душой ветераны, — как поется в одной замечательной песне, — ветераны второй мировой...

На бывшем Кицканском плацдарме

А. В. САЙДАКОВ,
бывший комсорг стрелкового батальона 1290-го полка 113-й дивизии

Весной 1944 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов полностью освободили правобережную Украину, вступили на 300-километровом участке в пределы северной Румынии, вышли на рубеж Яссы—Оргеев и далее по Днестру до Черного моря. Образовалась огромная дуга, названная «Кишиневским выступом».

Население освобожденных районов Молдавии оказывало воинам большую практическую помощь. В район села Суклея, где нашими саперами возводилась мостовая переправа через Днестр, пришло много добровольцев. Это позволило 24-му гвардейскому воздушно-десантному полку под командованием майора М. Я. Жеребцова с ходу форсировать Днестр и захватить плацдарм у Кицкан. У старинного монастыря воинов встречали хлебом-солью. Был захвачен плацдарм и у села Раскайцы.

В мае наступило затишье... Но человек, прошедший войну, знает, что это затишье всегда кажущееся. В дни такого затишья уходят во вражеский тыл разведчики. Идет охота за «языками». То и дело через линию фронта летают самолеты, снабженные фото- и кинокамерами. Вспыхивают ожесточенные схватки, именуемые разведкой боем. Постоянно прослушивают эфир радиопосты... Вот такое затишье и переживали оба Украинских фронта в последний месяц весны и в начале лета 1944 года.

Но фронт жил. Он только на время укрылся в земле, накапливая силы для нового удара по врагу.

Работали штабы, все готовились к наступлению. Все — от маршала до солдата. Учились жадно и нетерпеливо. Бойцы учились форсировать широкий Днестровский лиман. Овладевали искусством борьбы с танками. Пехотницы рыли окопы на правобережных плацдармах, вели ходы сообщения к минным полям противника. По первому сигналу эти окопы и ходы сообщения должны были стать штурмовыми траншеями.

Дорожники прокладывали на плацдармах сквозь трясину

плавней дорогу. Артиллерийские батареи нацеливались на оборону противника.

Сквозь густую пыль по ночам к линии фронта шли автомашины, тягачи. Сосредоточивали силы для нанесения удара. Но где же он будет нанесен!

...Кицканы, Кицканский монастырь. Он в самом центре нашего правобережного плацдарма. С его колокольни хорошо видны передний край и оборона противника. Генерал Шарохин, командовавший 37-й армией, приспособил его под свой НП.

Наступил август. Все чувствовали, что час наступления приближается. На плацдарме, площадью всего 75 квадратных километров, становилось все более тесно от моторов и стали. Никогда еще солдаты не видели такой плотной насыщенности техникой. Все чаще и чаще к политрукам подходили бойцы и командиры и, волнуясь, говорили: «Видно, скоро наступление. В бой хочу идти коммунистом».

Они знали, как нелегко быть солдатом. Они знали, что быть солдатом-коммунистом еще труднее. Коммунист должен первым подняться в атаку и тем приблизить победу.

Ночь 20 августа выдалась немного прохладной. На рассвете откуда-то с северо-запада докатился отголосок громового раската. Это 4 тысячи орудий и минометов 2-го Украинского фронта возвестили о начале великого наступления

Полтора часа сотрясалась земля и раскалывался воздух на участке прорыва, а затем стрелковые соединения 2-го Украинского фронта устремились вперед, вслед за танками непосредственной поддержки. Они двигались на юг и на юго-запад, нанося основной удар в направлении румынского города Хуши.

Ровно в 9.45 утра в наступление двинулся 3-й Украинский фронт. Две его армии — 37-я и 57-я — наносили главный удар с Кицканского плацдарма.

Поздним вечером штаб 2-го Украинского фронта отправил в Ставку Верховного Главнокомандующего донесение, в котором сообщил, что войска расширили прорыв до 45 километров, продвинулись в глубину на 40 километров.

Не менее стремительно двигались на запад армии 3-го Украинского фронта.

Оба фронта представляли собой как бы гигантские клещи: справа — 2-й Украинский фронт, слева — 3-й. Неумолимо двигались они навстречу друг другу, чтобы в районе Хуши сомкнуть кольцо.

Немцы пытались остановить наши войска. Они бросили в контратаку свежую танковую дивизию. После короткого, но ожесточенного боя осталась груда дымящегося металлолома.

23 августа был форсирован Днестровский лиман, а моряки Дунайской флотилии подошли к Дунаю.

В то время как главные силы 3-го Украинского фронта стремительно продвигались на запад к реке Прут, на встречу с

войсками 2-го Украинского фронта шли полки и дивизии прославленной в боях 5-й ударной армии генерала Берзарина. Пройдя с боями 40 километров, они начали сражение за столицу Молдавии.

Бои шли буквально за каждый метр земли, за каждый дом, улицу, квартал. К 4 часам утра 24 августа Кишинев был полностью очищен от захватчиков. Над городом после более чем трехлетней оккупации вновь развевалось Красное знамя.

...Редко где отыщешь сегодня на земле Молдавии следы военных лет. Воронки от бомб и снарядов, траншеи — эти чудовищные шрамы на теле земли заровнялись. В летнюю пору над ними шелестят фруктовые деревья и виноградные лозы, шумит пшеница. Пепелища городов и сел увидишь разве только на фотографии. Кицканский колхоз с полным основанием можно назвать садом в саду. До десяти тысяч тонн фруктов отправляет он ежегодно в промышленные центры и на консервные заводы республики.

С бывшего армейского НП, где сейчас Мемориал славы, яснее и четче видится то, чем гордятся сегодня в Кицканах. Гордятся зданием новой, пятой в селе, школы, Дворцом культуры, торгово-административным центром... А учитель Василий Шпак, конечно же, учениками. И нынешними, и теми, что сели за парты в 1946 году, когда он, Василий Шпак, освобождавший Кицканы, вернулся в полюбившееся село и, трудно привыкая к мирной тишине, впервые после долгого перерыва сказал:

— Здравствуйте, дети!

Сейчас те дети — взрослые люди.

И только Василий Михайлович, по известному учительскому праву, называет Васей инженера-механика Кравченко, Колей — офицера запаса Роговенко. И радуется тому, что крестьянские дети становятся инженерами, врачами, учителями.

Леонид Яковлевич Почтарь — агроном по многолетним насаждениям. И разъезжая по колхозным садам, порою, с особым чувством сворачивает в тот, где держала оборону, а потом шла в наступление рота лейтенанта Лени Почтаря, воевавшего под Кицканами в 44-м.

...Меняется облик села. Разглаживаются ленты дорог, вырастают новые дома, улицы.

А несколько раз в году люди идут к высотке, что стоит за селом, посреди молодого персикового сада, взбираются по крутым, покрытым травой склонам. И уходя, уносят в руке частицу священной земли — кормилицы своей и заступницы.

Так сражались моряки

И. И. АЗАРОВ,
вице-адмирал в отставке, бывший член Военного совета Черноморского флота

В ту горячую пору дни и ночи были практически неразделимы. Люди трудились изо всех сил, не зная отдыха. Готовилась одна из крупнейших сухопутных операций, в которой важная роль отводилась и морякам. Ударами авиации, артиллерии, высадкой тактических десантов Черноморский флот должен был поддерживать левый фланг 3-го Украинского фронта. Он также имел и другую задачу: наносить удары по кораблям противника в море и в базах, нарушать морские коммуникации врага между портами Румынии, Болгарии и по реке Дунай.

С 19 августа, согласно планам командования, морская авиация начала осуществлять массированные налеты на порты Румынии. За неделю было совершено 687 самолето-вылетов. В результате наши летчики потопили и повредили более 50 вражеских кораблей и вспомогательных судов.

Одновременно наносились бомбовые удары по сухопутным войскам противника, узлам его сопротивления. Самолеты флота обеспечивали действия Дунайской флотилии в гирле Дуная, прикрывали высадку десанта в районе Аккермана и Жебриян. В этих операциях принимали участие сотни боевых машин.

Авиация Черноморского флота в дни Ясско-Кишиневской операции полностью выполнила поставленные задачи. Заслуга в этом во многом принадлежит генерал-лейтенанту В. Ермаченкову. Опытный военный летчик и талантливый военачальник, он хорошо ориентировался в обстановке, умело командовал подчиненными.

Благодаря четкому взаимодействию авиация, подводные силы и торпедные катера флота успешно блокировали западное побережье Черного моря и наносили большой урон противнику. Для подводников, которыми командовали контр-адмирал П. И. Болтунов и капитан 1-го ранга М. Г. Соловьев, не было преград, они смело прорывались через минные заграждения, поставленные фашистами. В ночь на 23 августа подводная лодка «М-113», где командиром был капитан-лейтенант А. И. Волков, неожиданно для врага атаковала конвой, шед-

ший из Констанцы. Отважно действовал экипаж подводной лодки «Щ-115» (командир—капитан 3-го ранга А. П. Стрижак). Более десяти раз проходили моряки по узким проходам между минными полями, не раз слышали скрежет минрепа, но все обходилось благополучно. В эти дни подводники записали на свой боевой счет потопленные вражеский транспорт и крупную шхуну. Три транспорта противника пустила на дно подводная лодка «Щ-209» (командир — капитан-лейтенант Н. В. Суходольский).

За время операции Черноморский флот не потерял ни одной лодки, хотя подводники действовали в сложных условиях. Особенно отличились экипажи «М-111», Краснознаменной «С-31», гвардейской лодки «С-33» под командованием капитан-лейтенантов М. И. Хомякова, Н. П. Бедорукова, В. И. Матвеева.

Важное значение для разгрома врага и развития наступления имело форсирование Днестровского лимана. Подготовка к нему велась тщательно и скрытно. Днем на берегу лимана и Днестра замирала жизнь. А ночью проходили тренировки, учения, отрабатывались все элементы операции. Морские пехотинцы — участники боев на побережье Черного и Азовского морей — делились боевым опытом с новичками.

Предстояло преодолеть водную преграду шириной в 10—11 километров. К высадке готовились части из 46-й армии: группа в составе 83-й и 255-й бригад морской пехоты, батальона амфибий, мотоциклетного полка и 369-го Керченского батальона морской пехоты Дунайской флотилии.

По плану высадка намечалась на 21 августа. Все было готово. Части первого эшелона и плавсредства сосредоточены вблизи пунктов посадки и замаскированы. Получила задачу и группа артиллерийского обеспечения с приданным артдивизионом береговой обороны Одесской морской базы.

Созданы были две десантные группы. Их возглавляли капитан 3-го ранга А. В. Шальнов, смелый и инициативный командир, и капитан-лейтенант Л. П. Потапов.

В предутренние часы бронекатера прорвались на простор лимана и прямой наводкой открыли огонь по огневым точкам гитлеровцев. У Аккермана, под прикрытием дымовой завесы, моряки подошли на короткую дистанцию и несколькими выстрелами подавили вражескую батарею.

Удачно провел высадку передовой отряд группы Шальнова. Поддержанные нашей авиацией и артиллерией, десантники быстро сломили сопротивление врага.

В районе Шабо развернулось ожесточенное сражение. В этом бою погиб смертью храбрых командир одной из штурмовых групп старший лейтенант К. И. Бутвин. Его заместитель по политчасти старший лейтенант К. Н. Бабкин взял на себя командование и вместе с подчиненными успешно удерживал плацдарм до прихода подкрепления.

К исходу 22 августа войска, форсировавшие Днестровский лиман, овладели Аккерманом и западным побережьем на фронте до 40 километров и глубиной 15 километров, продолжая преследовать отступающие части противника. Началась переправа на плацдарм специальной группы 46-й армии.

Развивая успех, десантники высадились затем в Жебриянах, чтобы не допустить отхода противника к переправам Вилково. Складывалась благоприятная обстановка для дальнейшего наступления...

Характерной чертой Ясско-Кишиневской операции было четкое и гибкое взаимодействие сил 3-го Украинского фронта и моряков. Личный состав Черноморского флота, в который входила и Дунайская флотилия, с честью выполнил все задания командования и тем самым активно способствовал скорейшему изгнанию фашистской нечисти с молдавской земли.

На дунайских фарватерах

А. В. СВЕРДЛОВ,
капитан 1-го ранга в отставке, бывший начальник штаба Краснознаменной орденов Нахимова и Кутузова Дунайской военной флотилии

Директиву Ставки об участии военно-морских сил в окружении и полном уничтожении вражеской группировки «Южная Украина» моряки встретили с огромным воодушевлением. Сразу развернулась напряженная подготовка к боевым действиям. Командиры и политработники знакомили личный состав с предстоящими задачами, проводили напряженные учения, занятия.

Боевое ядро воссозданной к тому времени Дунайской военной флотилии, которой командовал контр-адмирал С. Г. Горшков (ныне адмирал Флота Советского Союза, главнокомандующий Военно-Морским флотом СССР), составляли моряки-азовцы, обладавшие большим военным опытом. Многие из них проявили отличную выучку, моральную стойкость и бесстрашие еще при высадке десантов под Темрюком, Таганрогом, Мариуполем и Николаевом. Только в батальоне майора Ф. Е. Котанова 67 бойцов и командиров были удостоены звания Героя Советского Союза.

Командование 3-го Украинского фронта, с которым мы поддерживали связь в ходе боев на Приазовье, всегда с особым вниманием относилось к морякам, умело учитывало боевые возможности флотилии. Так было и на этот раз. Нам поручили содействовать левому флангу фронта в прорыве вражеской обороны, окружении и уничтожении Аккерманской группировки с дальнейшим прорывом в Дунай.

Задача была не из легких, поэтому тщательно готовились к операции. Широко развернули партийно-политическую работу, регулярно выпускали листовки, памятки, которые поднимали боевой дух моряков. В канун Ясско-Кишиневской операции вышло обращение Военного совета флотилии к воинам-дунайцам. В нем, в частности, говорилось:

«Товарищи краснофлотцы, старшины и офицеры! Пробил торжественный час! В развернувшихся боях покажите всему советскому народу не только свою беззаветную преданность Родине, удаль и отвагу, но и присущее вам, морякам, совершенное знание своего оружия и техники и тактическое мастерство...

Дунайцы! Устремляйтесь вперед, помните, что перед вами жестокий и коварный враг. В эти минуты думайте о чести Родины, о сожженных заживо, задушенных, повешенных и расстрелянных советских людях!

Дунайцы! Вы ждали этого часа, часа наступления, справедливой мести врагу. Он наступил. Вперед! Смелее захватывайте плацдарм. Окружайте и уничтожайте врага, если он не сдается в плен... Вперед, моряки! Вас ждет истерзанная врагом Советская Молдавия!»

И когда начались боевые действия, моряки не подвели. В ночь на 22 августа морские пехотинцы и армейские части успешно форсировали Днестровский лиман и высадились на территории, занятой врагом. Сотни катеров, паромов и других плавсредств были использованы в операции. Бригада речных кораблей под командованием капитана 2-го ранга П. П. Давыдова метко подавляла огневые точки противника. В ход была пущена и береговая артиллерия, которая обстреливала позиции гитлеровцев и не давала им возможности перегруппировывать силы. Выполняя задачу, отряд кораблей во главе с Героем Советского Союза старшим лейтенантом В. И. Великим прорвался в лиман и огнем поддержал десантников. В результате ночного боя наши воины сделали брешь в обороне врага и закрепились на плацдарме.

Родина по достоинству оценила героизм и мужество десантников, высаживавшихся в первом эшелоне. Командирам рот 83-й бригады морской пехоты капитану И. С. Ельцову и старшему лейтенанту Н. В. Терещенко было присвоено звание Героя Советского Союза. Кавалерами ордена Красного Знамени стали капитан-лейтенанты Л. П. Потапов, Н. А. Решетов, В. А. Бориков, Г. К. Чепижный.

Развивая наступление, начатое форсированием Днестровского лимана, наши войска освободили Аккерман. В честь этого события был издан приказ Верховного Главнокомандующего, в котором наряду с армейскими подразделениями отмечались умелые действия моряков Дунайской военной флотилии.

В ночь на 24 августа батальон морской пехоты под командованием Героя Советского Союза майора Ф. Е. Котанова в ожесточенном бою на косе Кундук остановил гитлеровское соединение, пытавшееся пробиться к Дунаю. Поддерживаемые огнем бронекатеров и ударами морской авиации, пехотинцы заставили противника сложить оружие. В это время 4-я бригада речных кораблей отыскала фарватер для входа в Очаковское гирло Дуная и прорвалась в Вилково, где разрушила вражескую переправу и высадила десант.

В бою с вражескими мониторами отличился личный состав отряда бронекатеров во главе с Героем Советского Союза стар-

шим лейтенантом К. И. Воробьевым. Моряки уничтожили несколько кораблей врага и подошли к Измаилу.

В память о славных подвигах моряков Краснознаменной орденов Нахимова и Кутузова Дунайской военной флотилии в годы войны на высоком пьедестале в Измаиле установлен бронекатер. На нем начертаны слова: «Вечная память героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины, спасшим мир от фашистского порабощения. 1941—1945 гг.»

Гвардии сержант...

И. Е. СЕРЕДА,
Герой Советского Союза

Шел апрель тысяча девятьсот сорок второго года.

— Скажите матери, чтоб ждала. Скоро вернусь! — попросил Андрей соседских ребят и направился в военкомат.

Если б знал Андрей Петрович, что ни через день, ни через неделю, ни через месяц он не вернется... Как часто приходилось в те годы слышать неосторожные слова, вроде: «Я вернусь» или «Я скоро!...» «Я вернусь...» — говорил отец дочери и исчезал навсегда в дыму и грохоте атак. «Я — скоро!» — говорил парень девушке и где-то в далеком Заполярье, обвешанный гранатами, бросался под меченный крестами танк, чтобы не пропустить его к Мурманску.

Под Воронежом Юсин получил первое боевое крещение. Вышел он из боя без единой царапины, но война сразу перестала быть для него «приключением» — смертное дыхание ее опалило душу.

Нельзя сказать, что до этого боя Юсин ничего не видел. Он видел, как дрались, отступая, наши части. Видел самолет-разведчик, обстрелявший войска. Видел раненых. Но все же он был очевидцем, свидетелем, а не участником. Теперь он не только видел войну — он ее знал. Когда его полк разворачивался в боевые порядки, вместе со всеми занял свое место в строю не наивный парень, а боец, уже понимающий что к чему.

Шли дожди. Осенние, долгие. Им, казалось, не будет конца. В траншеях, как ни пытались отводить воду, роя канавки, стоки, все равно всегда было по колено. Случалось так, что солдат, заснувший в своей норке, выкопанной в стенке траншеи, просыпался от того, что вода заливала его с головой. Захлебываясь и чертыхаясь, он выбирался из укрытия и принимался каской или котелком отчерпывать проклятую воду, которая снова и снова просачивалась из траншеи. Работа, конечно, бесполезная, но таким образом хоть немного согревались. Все с нетерпением ждали наступления, чтобы выбраться наконец из этих вечно хлюпающих траншей, хотя и знали, что и по ту сторону линии фронта идут такие же бесконечные, серые, раскиселившие землю дожди.

— Может, потому и рванули мы так, когда получили приказ, — вспоминает Андрей Петрович. — Хоть куда-нибудь, только бы из этой осточертевшей хляби вырваться! Хуже, чем здесь, думалось, и быть не может... Оказалось, может... Прорвались мы по линии железной дороги да по шоссе, километра так в четыре «дырочку» сделали в ширину, вышли к железнодорожной станции. А на высотках — слева и справа — еще фрицы сидят, вся полоса простреливается насквозь...

— Мешок... — говорю я.

— Э, нет, — смеется Юсин, — это у тех, кто драпал, «мешком» называлось, а у нас это именовалось «плацдармом». Вот на этом-то «плацдарме» мы и хватанули лиха: траншеи — наскоро вырытые, воды в них еще больше, чем в старых. А высунуться из них днем нельзя — сразу пулю получишь. Местность вся ходами сообщения и траншеями изрезана: одна на другую похожи. Куда пойдешь? Пошлют, скажем, с донесением, — обратно возвращаться, так пока свою траншейку найдешь, десять раз заблудишься. Ну и немец блуждал тоже: такие встречи бывали!

Он задумывается, припоминая, а я представляю себе, каково им было на этом пятачке...

Весной сорок третьего Юсин, будучи уже младшим сержантом в разведке, воевал на Северном Донце.

— На задание все больше ночью ходили, да днем и пройти-то было невозможно — на плоской и голой земле негде было укрыться. Вот и тогда поговорили, покурили и пошли. Перед самой передовой остановились и стали ждать. За время пребывания на фронте уже накопился некоторый опыт: конечно же, передовая была пристреляна намертво. Ночами, с немецкой пунктуальностью, противник всаживал в нейтральную полосу снаряд за снарядом: через каждые десять минут — снаряд. Этой бюргерской аккуратностью и пользовались наши командиры, идущие с нами в разведку. Они подползали к передовой и ждали. Снаряд разрывался — и сразу ребята устремлялись на нейтральную полосу: мчались во всю прыть, чтобы успеть проскочить до следующего снаряда! Слышался нарастающий характерный шелест и-ах-х... — очередной снаряд рушился на нейтральную, и снова сквозь не успевшие осесть ошметки земли, гарь и дым, пригнувшись к земле, бежали ребята, используя коротенький перерыв... Вот так мы и преодолели нейтральную полосу, удачно проникли в тыл, добыли «языка».

Перед рассветом с Северского Донца наполз туман — низкий, стелющийся по земле. Под его прикрытием подошли вплотную к нейтральной полосе. Часто и нервно рассыпались слепые пулеметные очереди. Юсин выдвинулся чуть вперед, высматривая, не остался ли какой-нибудь «забитый» немец. Туман осел, стал плотнее, ниже. Юсин выпрямился, чтобы осмотреться, и

голова его оказалась над уровнем дымящейся, качающейся белой мглы. И в этой белой мгле прямо перед собой он различил знакомые очертания немецкой каски. Очередь из автомата, и фашист плавно осел в туман.

Свою группу Юсин настиг на околице села. Разведчики остановились возле колодца, окруженного толпой женщин и стариков. Они поддерживали ослабевшую полураздетую окровавленную женщину. Было очень тихо. У сруба колодца лежал мальчик. С бескровным лицом, застывшими посиневшими губами. Лежал он вверх лицом, широко разбросав руки, точно в последний миг своей короткой жизни хотел обнять весь мир.

И Юсин сразу стал старше своих лет, руки крепче сжимали автомат.

Вместе с 37-й армией, в составе 181-го гвардейского стрелкового полка, 61-й гвардейской дивизии командиром отделения разведки пришел Андрей Петрович Юсин сюда, в Молдавию, в сорок четвертом году.

Закрепились, вгрызлись в землю в районе села Копанка, рядом с проходившим заливом Днестра.

— Гитлеровцы построили там, вокруг нашего плацдарма, глубоко эшелонированные оборонительные позиции. Кромешная тьма. И шквал огня с обеих сторон. Крики, ползущие люди, ругань, глухие удары. Вдруг я почувствовал тяжелый удар в спину. Автомат выпал из рук. Повернулся набок, но в темноте уже не увидел оружия. По контурам каски понял, что меня атаковал из-за спины фашист. Единственным оружием остался теперь у меня штык разведчика. Я схватил за ствол автомат немца, рванул в сторону и ударом штыка свалил его с ног. Когда стало тише, старшина Мальков собрал группу разведчиков и повел вперед. Только ракеты освещали черневшие перед нами боевые машины и вражеских солдат, которые двигались в стороне по дороге. Через наши головы пронеслись снаряды, просвистели автоматные очереди. Рядом со мной старшина Мальков приподнялся на мгновенье, осколок сразил его. Пришлось возглавить группу. Разведка продолжалась, когда я почувствовал, что какая-то сила оторвала меня от земли и высоко подняла вверх. Последнее, что я помнил, — желтая вспышка...

Он пришел в себя оттого, что по нему пробегали бойцы, устремившиеся в атаку. Он лежал вместе с убитыми немцами — неподвижный... Теперь даже боль воспринималась, будто нечто постороннее: она пробивалась в сознание словно сквозь вату... Санитар дал ему попить из своей вечно неиссякающей фляжки.

Очнулся Юсин на операционном столе. Очнулся от собственного крика. Принесли его потом в палату. А «палата» — одно название: не то сарай, не то амбар. Лежат на соломе раненые, и двигают их по кругу от одной двери до другой. Кому жить осталось немного, клали у тех — «на вынос» — дверей. А

раненые прибывали и прибывали. И их двигали по кругу. Так добрался до «той» двери и Юсин. Он пролежал сутки, вторые. На третьи сутки врач отдал приказ санитарам, и понесли Юсина от «той» двери в обратном направлении. Так отступила смерть и на этот раз. Когда выяснилось, что помирать он не собирается, его отправили в госпиталь. Жажда жизни прибавила ему сил.

Да, война не выбирала время для сражений. И все же, несмотря на потери, наши разведчики смогли выполнить задание в этой ревущей, клокочущей тьме, доставить «языка».

А утром двадцатого августа сорок четвертого войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, прорвав оборону врага, двинулись вперед, освобождая молдавскую землю от фашистских захватчиков.

За этот бой все разведчики, участвовавшие в операции, были награждены орденами. Старшина Мальков — орденом Красного Знамени, посмертно. Андрей Петрович Юсин получил орден Славы III степени.

В госпитале началось выздоровление. Конечно, шло оно не настолько гладко, как хотелось бы. И Юсин затосковал. И сбежал с госпиталя. Сбежал на фронт. Уже бои шли далеко в Румынии. Вместе с родным полком прошел дорогами Болгарии. В Югославии гвардии сержанта Юсина настиг приказ: выехать на учебу.

Тяжело было ему расставаться с любимым полком. Какая там, думалось, учеба, когда до Белграда рукой подать и когда уже вырисовывается «берлинское направление».

— Кицканский плацдарм не забывается, — Андрей Петрович протянул мне шкатулку. Открыл — ржавые осколки.

— Оттуда?

— Как-то, в очередной раз будучи в Кицканах, собрал... Осколки в земле. Даже в колокольне, которая служила в войну наблюдательным пунктом. Они не ноют так, как в теле, но о многом напоминают. И поэтому, наверное, кто бывает в тех местах, обязательно приезжает к обелиску близ Кицкан. Потому что война не только памятна для ветеранов. Она в крови тех, кто ее пережил ребенком, кто родился после Победы.

Я тоже стоял у памятника, высоко взметнувшегося над землей. А рядом могилы, могилы... Русские, украинские, белорусские, молдавские имена и фамилии... И с пожухлой травы падают на землю чистые, как слезы, капли...

Невыплаканные слезы войны.

Работнику Энергосетей в Комрате Андрею Петровичу Юсину молдавская земля по-своему дорога. Здесь он воевал, пролил свою кровь. Здесь, в Молдавии, и остался жить северянин Юсин.

На Варницком плацдарме

Шел сорок четвертый год. Как он был не похож на предыдущие фронтовые годы! Сокрушительным разгромом немецко-фашистских армий завершили советские чудо-богатыри Сталинградскую эпопею. От берегов Волги и Дона покатились на запад битые гитлеровские вояки.

Победоносным маршем шел на запад батальон капитана Силенкова, освобождая от врага города и села. Враг оставлял выжженную, залитую кровью землю. На месте утопающих в яблоневых садах домов сиротливо торчали остовы печных труб. Они, точно обугленные руки, поднимались к небу, взывая к мщению, к расплате с врагом.

— Глядите и запоминайте, — говорил коммунист Силенков своим бойцам, показывая на трупы замученных фашистами стариков, женщин и детей. — Не знайте пощады к врагу. Пусть не остывает в вас благородная ярость, пока он держит в руках оружие и топчет фашистским сапогом нашу священную землю...

Батальон шел по длинным фронтовым дорогам. И когда ему пришлось держать новый экзамен на Варницком плацдарме в ночь с 11 на 12 апреля сорок четвертого, командование не сомневалось: там, где наступают силенковцы, будет успех.

И Василий Корнеевич снова вспоминает ту атаку. И хотя далеко то время, он и сейчас рассказывает о тех днях, не упуская подробностей.

Апрельская ночь 1944 года над Днестром. Река разлилась. И казалось, что противоположный берег ее у самого села Варница. Холодной была черная вода. Из деревни, с крыши старенькой церквушки, бил пулемет. Три домика безымянного хуторка бойцы захватили сразу. Вот беззвучно ткнулся в песок плот, на котором находился командир батальона. Бойцы исчезли в темноте. Вслед за ним причалили к берегу две лодки. Сто сорок человек пересекли в эту темную весеннюю ночь черту, за которой быть героем становилось жизненной необходимостью.

Страшен ночной бой в траншеях, где только вспышка гранаты может осветить лицо товарища. В учебнике по тактике такой бой называют скоротечным. Может быть потому, что каждый, кому довелось пережить его, становится старше на десяток лет.

Преследуя гитлеровцев, бойцы вырвались к селу Варница. Победа полная. Так мог бы подумать кто угодно, но только не эти сто сорок, которые жесткий механизм войны знали лучше, чем хороший слесарь свой верстак. И поэтому никто не удивился, когда капитан приказал окапываться на буграх под воздетыми руками ветряной мельницы, как никто не удивился и несколько часов назад, когда он лично проверил, у каждого ли бойца при себе саперная лопата

Пятнадцать атак уже отбили силенковцы. Несколько гитлеровских бронетранспортеров догорало у подножия высоток. Но все меньше оставалось в живых защитников рубежа, и уже последние диски вставлялись в автоматы. И били автоматы, захлестывая яростные атаки фашистов.

Почти двое суток они удерживали этот клочок советской земли на берегу Днестра. С каждым часом их все меньше и меньше. Но у оставшихся силы словно удесятерялись. Они били фашистов их же оружием, и те ничего не могли поделать с горсткой советских солдат во главе с Силенковым.

Наспех сделав перевязки, раненые продолжали стрелять. Фашисты пошли в новую атаку уже не скрываясь, во весь рост, но были отброшены назад. И так весь день.

В короткие минуты передышек наши бойцы, как кроты, все глубже и глубже вгрызались в землю. Смерть переходила от окопа к окопу. Пятачок уменьшался, дымился и тлел. И все же небольшая горстка продолжала оставаться воинским подразделением, которое объединяло одно неумолимое стремление — выстоять! Но силы были явно не равны. 21 апреля бойцы Силенкова снова пошли в атаку. Нужно было отрезать шоссе и железную дорогу, ведущую на Галац. В случае удачи 17 000 немцев остались бы изолированными в Бендерах.

С верхушки церкви разрывным снарядом фашистский снайпер попал в командира. Поплыл куда-то разлапистый орех, и нельзя было уцепиться за землю.

Врач Мария Ивановна Тузикова сделала, казалось бы, невозможное. Она отдала комбату свою кровь и оперировала его.

— Вот там, возле того садика, я переполз к железной дороге. Скатился с холма, — Силенков размахивает руками. Одной резко, другой помягче, эта ранена.

Когда Василий Корнеевич рассказывает, у него наливаются кровью глаза, он начинает кричать, как-будто хочет перекричать вражеский пулемет и все это страшное разноголосье боя.

— Вот здесь должна быть моя могила, — показал мне комбат Василий Корнеевич Силенков.

Первый раз я увидел Василия Силенкова в начале мая 1970 года. С «Голубым десантом» мы, участники боев за освобождение Молдавии от фашистских захватчиков, плыли по Днестру, по местам боевых сражений. В небольших амфибиях мы были рядом: пехотинцы, саперы, танкисты, летчики. На груди каждого горели боевые ордена. И мне подумалось: какие разные у нас подвиги, но совершены они во имя одного — безграничной любви к Родине, верности партии и народу.

...Недавно я побывал в Рышканах. Встретился с Василием Корнеевичем. Инвалид войны работает директором рынка.

В райкоме комсомола мне рассказали о той большой работе, которую проводит ветеран войны Силенков с молодежью Рышканского района.

И глядя на него, отчетливо представляешь себе боевого командира батальона, сумевшего выстоять на Варницком плацдарме, сумевшего сделать, казалось бы, невозможное.

Подвиг у Шерпен

Я ни разу прежде не бывал в Шерпенах. Никогда не видел этого молдавского села. Но закрываю глаза, и мысленно представляю незнакомое селение. Вот косогор, мелколесье, синяя лента Днестра...

Ни разу не встречал я и старшего сержанта Дмитрия Крижановского, не слышал его молодого голоса, не ощущал тепла ладони. Видел на крошечной, довоенных лет фотографии. Смотрит в упор задумчивый чернобровый парнишка, на голове простенькая кепочка, ворот рубашки — поверх пиджака. Он такой, какими были тогдашние, предвоенные мальчишки, сплошь жизнелюбы-мечтатели, грезившие огненным небом Испании и Халхин-Гола, готовые к труду.

А их ждал сорок первый...

Вместе с однополчанами Дмитрий Крижановский штурмовал предгорья Кавказа, сражался под Николаевом, гнал фашистов из Одессы. А в минуты фронтового затишья растягивал меха видавшей виды гармоники, и звучали среди лесистых далей тревожащие солдатское сердце слова песни:

С берез неслышен, невесом
Слетает желтый лист..

Четвертое фронтовое лето пришло на молдавскую землю с извечно сизыми прохладными росами. А по узким проселочным дорогам тянулись забрызганные грязью танки, шагали стрелковы роты. У разбросанного вдоль Днестра села фронт лег сплошными вражескими дзотами: фашисты еще надеялись остановить продвижение советских войск.

Дивизия подошла к Шерпенам берегом Днестра и заняла оборону. Обстановка была неясная, поэтому требовался «язык». Но фашисты вели себя осторожно, особенно ночью. Несколько «поисков» окончились безрезультатно. И тогда приняли решение захватить пленного днем. Подобный замысел, кажется, не имел прецедента в активе боевых дел разведчиков.

— Многие командиры не верили, когда им рассказывали об этом случае, — говорил мне полковник в отставке И. К. Свиридов.

Но здесь был свой рассчет: противник сильно измотался, ослабил наблюдение. Было замечено, что с наступлением рассвета, к раздаче завтрака, траншеи словно вымирают, и лишь у пулеметов копошатся отдельные фигуры.

Широкая лесная поляна, заросшая высокой травой и мел-

ким кустарником, отделяла разведчиков от врага. До вражеской траншеи не более 150—180 метров. Тщательно замаскировавшись в траве и кустарнике, разведчики дождались утра, и когда фашисты отправились за завтраком, бойцы стремительным броском овладели немецкой траншеей. Умело и четко руководил подчиненными Дмитрий Крижановский. Пленный был взят, и командир дал сигнал к отходу.

Вдруг с юго-восточной окраины Шерпен яростно и дробно застрочил вражеский пулемет и прижал разведчиков к земле. Гитлеровцы пришли в себя, из траншей уже доносились голоса команд, крики. Медлить было нельзя — решалась судьба разведгруппы. Израсходовав патроны, бросив последнюю гранату, коммунист Крижановский ринулся на фашистский пулемет, к неистово бившей огнем амбразуре. В тот же миг полоснула храбреца огненная трасса, и застыл воин у огнедышащей амбразуры вражеского дзота. Пожертвовав жизнью, он спас товарищей и обеспечил успех операции. За этот подвиг старший сержант Дмитрий Крижановский посмертно награжден орденом Ленина.

С наступлением темноты товарищи вынесли тело отважного разведчика из зоны огня. Командир взвода Виктор Бойченко вынул из левого кармана гимнастерки Дмитрия маленькую книжечку — партийный билет. Свежая кровь обагрила лаконичные строчки: родился в 1924... Первый партийный взнос за май сорок четвертого, последний — за июль сорок четвертого...

Пришел сюда воин с Кировоградщины, где теплые весны расцветают розовым яблоневым цветом, а летом висят над тучными пшеничными полями жаворонки. На этой степной земле проходило Митино детство.

Перед самой войной выучился на шахтера. Познал парнишка радости труда. Когда пришел суровый час, взял в руки оружие. Первые боевые награды: медаль «За отвагу», ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени...

Хоронили Дмитрия с воинскими почестями в братской могиле села Буторы. Постояли бойцы у свежей могилы, дали прощальный залп и двинулись дальше. Форсировала дивизия Вислу и Одер, Шпрее и Эльбу.

Память о Дмитрии неистребима в сердцах боевых друзей, однополчан: бывшего начальника штаба дивизии кишиневца И. К. Свиридова, в прошлом командира взвода Героя Советского Союза Виктора Кузьмича Бойченко, полных кавалеров ордена Славы бывшего комсорга роты Сергея Токарева, Ахмеда Сулейманова. Все они, люди разных национальностей, вместе с Крижановским спасали Родину от фашистского порабощения.

Приказом Министра обороны СССР старший сержант Дмитрий Крижановский зачислен навечно в списки части, в которой он служил. Каждый день на вечерней поверке первым называют его имя, ставшее символом доблести и славы.

В небе над Молдавией

Где-то здесь на границе летного поля был тот, наспех сделанный капонир, в котором стоял мой самолет. Сдерживая биение сердца, возвращаюсь в прошлое, медленно шагая по зеленой траве бывшего фронтового аэродрома, что был за городом Бельцы. Справа, немного в стороне, тогда стояли уцелевшие дома, где мы расположились на временное жилье. Слева, рядом с маленьким курганом, была землянка нашего КП эскадрильи.

В обычный фронтовой день марта, когда солнце пробило густую завесу облаков, шестерка наших истребителей вылетела на боевое задание. Самолеты едва успели скрыться за ближними холмами, как на большой высоте над Бельцами появился немецкий разведчик-бомбардировщик.

— Быстро в воздух, — приказал мне командир полка Герой Советского Союза подполковник Н. И. Ольховский.

Минута — и самолет круто устремляется туда, куда ушел фашистский стервятник. Высота увеличивается, стрелка прибора отсчитывает пятую тысячу метров. Подниматься без кислородного прибора становится все труднее. Оставляя след инверсии, вражеский самолет медленно набирает высоту. Надо и мне подниматься выше. Дышать стало еще труднее, холодные капли пота выступили на лбу. Враг близко, но чтобы его атаковать, нужно подняться еще выше. Не колеблясь, направляю самолет наперерез фашисту. Цель приближается, но с каждым метром высоты силы мои иссякают. Не хватает воздуха, частое биение сердца тупыми ударами отдается в висках. Даже мощный гул мотора кажется каким-то отдаленным.

Я уже не видел ни голубизны неба над собой, ни кисейной пелены облаков, раскинувшихся внизу; только силуэт вражеской машины маячил перед глазами. Порой она расплывалась в темные круги, терялась, и тогда я на мгновение закрывал отяжелевшие веки. Но вот самолет с паучьей свастикой передо мной. Красно-зеленая трасса цепочкой летит к моему истребителю. «Зацепил», — промелькнуло в голове. Последним усилием совмещаю перекрестье прицела с самолетом врага и нажимаю на кнопку пушек: длинная очередь впивается во вражескую машину, и «юнкерс» летит вниз, оставляя дымный след.

Это только один эпизод. А сколько их было в те весенние дни жарких боев с фашистскими стервятниками! Я снова стою на косогоре и, словно это происходит сейчас, вижу другую картину боя.

...Откуда-то из-за холмов появилась группа «мессершмиттов». Незадолго перед этим они сожгли машину, на которой летал наш летчик, ныне дважды Герой Советского Союза К. Евстигнеев, и убили авиамеханика Василия Соломатина из эскадрильи ныне трижды Героя Советского Союза Ивана Ко-

жедуба. Вечером мы похоронили Васю, поклялись отомстить за него врагу.

И вот зеленая ракета рассекает мартовское небо. Восьмерка наших истребителей взлетает в пасмурную весеннюю даль и берет курс на запад. Лавируя между разрывами зенитных снарядов, краснозвездные машины во главе со своим командиром Героем Советского Союза Алексеем Амелиным обрушиваются на появившиеся самолеты врага. Уже в первой атаке сбивает вражеский самолет Герой Советского Союза Борис Жигуленков. Затем еще два «мессершмитта» падают на землю от метких пуль и снарядов летчиков Павла Брызгалова и Василия Мухина.

Передо мной будто заново проходит та трудная, горестная, но вместе с тем и героическая пора нашей молодости. Это не просто слова. Это правда, что былое по сей день живет рядом с нами. В каждый праздник Победы мне кажется, что вот откроется дверь моей квартиры и присядет к праздничному столу незабвенный друг и товарищ Женя Гукалин. Но Женя никогда не придет ко мне. Никогда я не встречусь и с боевыми друзьями, летчиками-истребителями Героями Советского Союза Федором Семеновым, Борисом Жигуленковым, Виктором Гришиным, братьями Иваном и Александром Колесниковыми. Они, как и миллионы других советских людей, отдали в суровое время войны самое дорогое — жизнь — за счастье и свободу Родины.

Вспоминаю бои за освобождение Молдавии и города Бельцы от фашистских оккупантов, и передо мной встают дорогие сердцу имена боевых друзей-летчиков, которые не вернулись с войны. Они ушли в свой бесконечный полет, завоевав для нас счастье свободной жизни.

...Ветер носил над землей смрадные дымные облака. Горели города и села. Горела земля. Что-то жуткое виделось в происходящем.

Все чаще не успевают рассеиваться возле самолета облачка разрывов, сгущаются, грозя накрыть и уничтожить. Женя сейчас, пожалуй, даже спокойнее, чем в первые боевые вылеты на бомбардировщике. Некогда волноваться! Надо хорошо пилотировать самолет, строго соблюдать строй в групповом полете.

Женя слышит в наушниках шлемофона голос ведущего:

— Впереди «юнкерсы»!

Вся группа «лавочкиных» устремляется на врага. Похоже, что в стремительном своем порыве они решили пронзить вражеские бомбардировщики.

— Атакую, Женя, прикрой! — слышится по радио голос ведущего.

— Вас понял! — ответил Гукалин и в тот же миг увидел,

как из-за облаков вывалились два «мессера», пикируя на ведущего.

Женя взял ручку управления на себя. Машина рванулась вверх, устремилась на вражеский истребитель. «Мессершмитт», увлекшись атакой, несся на командира и, казалось, вот-вот откроет огонь...

Но враг опоздал на мгновение. Машина Гукалина была рядом с «мессером», и Женя нажал на кнопку пушек. Как подбитая птица, вражеский истребитель клюнул носом и, оставляя за собой огненный шлейф, врезался в землю...

— Молодец, Женя! Так и бей их! — послышался голос командира.

А может, это только показалось Гукалину? Может быть, никто и не говорил этого? Главное — сбил самолет, уже летая на истребителе.

Снова жаркие бои — над пылающей Курской дугой, в небе над Украиной. Все длиннее становился ряд звездочек на фюзеляже Жениного истребителя. Их уже было восемь — восемь сбитых самолетов противника.

Когда войска 2-го Украинского фронта форсировали Днепр, Гукалин в группе, которую вел Иван Кожедуб, вылетел на прикрытие переправы через реку. Истребители набрали высоту и, внимательно наблюдая за воздушной обстановкой, патрулировали над переправой. Прошло более тридцати минут, а врага не было. «Лавочкины» уже собирались уходить на свой аэродром, когда внезапно со станции наведения по радио поступила команда:

— На подходе к переправе «юнкерсы»! Атакуйте!

Женя увидел на фоне неба черные силуэты «Ю-88». Самолеты четким строем шли к Днепру. Их охраняли истребители. Кожедуб принял решение:

— Атакуем!

Переведя самолет в пике, Женя пошел в лобовую атаку. С бешеной скоростью самолеты неслись друг на друга. Женя нажал на кнопку пушек. Снаряды врезались в обшивку «юнкерса», разрывая ее. Голубые языки пламени лизнули фюзеляж. Строй вражеских машин нарушился. Разворачиваясь, «юнкерсы» сбрасывали бомбы на свои войска. Переправа через Днепр продолжала работать.

Но Женя не видел всего этого. Снаряд ударил в кабину. Сильная боль обожгла тело, в глазах потемнело. Женя начал терять сознание. Напрягая волю, летчик собрался с силами, перетянул самолет через Днепр и совершил вынужденную посадку на своей территории.

Когда врачи немного подлечили Гукалина, он вернулся на фронт, в свой родной полк. Медицинская комиссия запретила ему летать. Но Женя по-прежнему был предан небу. Он снова пошел в небо. Вначале на связном самолете «У-2», а позже,

когда аэродром находился в Бельцах, пересел на истребитель.

Судьба отмерила ему еще несколько месяцев жизни, ставших для него неимоверным испытанием воли. И он выдержал это испытание мужества. Подумайте: как тяжело было Жене летать на истребителе и сражаться с врагом без кисти левой руки.

Жаркие воздушные бои в небе Молдавии, Венгрии. И однажды, над венгерской землей, вражеская сила вновь преградила путь в небо, вновь хотела обрезать крылья, лишить движения, скорости полета.

Он сделал в этом бою все, что мог. Защитил своих боевых друзей от врага. А для самого себя у него не хватило одного — единственного шага в сторону от опасности...

Звезда героя

Летчики — открытый, душевный и уж совсем не суеверный народ. А вот, попробуй, сфотографируй его перед вылетом — чего доброго, такое услышишь... Или, к примеру, «чертова дюжина». Редко встретишь самолет с этим номером. Я знаю отважного летчика, который приказал своему механику число 13 переделать на 93. Раньше по понедельникам ни о каких полетах и речи быть не могло. Ну а брился перед заданием разве только нигилист какой.

Случилось же так, что прибывший на фронт летом 1942 года молодой летчик Алексей Красилов первый свой боевой вылет сделал в понедельник. И побрился перед полетом. И сфотографировался для личного дела. И номер на его штурмовике был 13. И вот: сел в кабину «Ильюшина» и полетел на штурмовку живой силы и техники врага.

Аэродром в тот день окутывала какая-то необычная тишина, словно фронт отодвинулся на сотни километров. На самом же деле война была рядом: до переднего края рукой подать. В назначенное время самолеты поднялись в воздух. Перед линией фронта командир приказал быть особенно бдительным: передний край гитлеровцев насыщен зенитной артиллерией. Вот черные шапки разрывов появились слева от восьмерки штурмовиков. Дымом обволокло самолеты. Огненная завеса встала на пути машины Красилова. Командир группы приказывает увеличить высоту. Четко выдерживая боевой порядок, «Ильюшины» благополучно прошли линию фронта. Алексей посмотрел на часы. Там, где на карте обозначен район штурмовки, он увидел в серой дымке, окутавшей землю, огненные островки.

— Цель впереди! — передал командир ведомым и приказал прибавить скорость. По мере приближения к цели Алексей

крепче сжимал штурвал своей боевой машины, зорче всматривался вперед, стараясь лучше разглядеть объект штурмовки.

— Атака! — последовала команда. Но не успели штурмовики перейти в пикирование, как заговорили зенитные батареи. Однако было уже поздно. Звено самолетов обрушилось на зенитные установки. А в это время другие штурмовики расстреливали врага. С первого захода командир огнем своих снарядов поджег две машины. Не отставал от командира и Алексей Красилов. После его штурмовок загорались вражеские машины, взрывались склады, пылали цистерны с горючим.

Самолеты возвратились на аэродром. Алексея окружили товарищи, молодые летчики, прибывшие вместе с ним на фронт. Кто-то спросил:

— Скажи по совести, страх был?

— Какой там страх? Руки тряслись от храбрости,— отшучивался Алексей.

А действительно было страшно. Страшно смотреть с высоты полета на эту землю, которая год назад улыбалась цветущими садами и веселыми белыми хатами, а теперь содрогалась от взрывов, тяжело дышала дымом и огнем. И сжималось сердце, когда он видел на дорогах стариков и детей, скошенных очередями вражеских самолетов...

Так вот и летал на штурмовике, прозванном немцами «черной смертью», Алексей Красилов. Подвиг впитывает в себя много слагаемых, и трудно определить его начало. Может быть, истоки его относятся к памятным событиям первой пятилетки. Беспокойные, кипучие годы юности! В комсомоле Леша Красилов прошел первую школу жизни и борьбы, навсегда связав свою судьбу с судьбой Родины.

Родился Алексей в Сибири, неподалеку от города Курган, в селе Горохово. Нежности да ласки в детстве ему досталось немного: улыбнется утром солнце, пригреет, вечером ветерок приголубит. А все, чего не было у парнишки, находил он в книгах. Однако подрос парень и задумался о месте в жизни. Начал со счетовода в конторе заготзерно. Потом переехал в Челябинск, стал работать электриком на заводе имени Орджоникидзе. Мечтал Леша стать инженером, но случилось так, что судьба перепутала его планы.

Как-то после работы в цех вошел мужчина в кожанке, представился ребятам и предложил желающим поступить в аэроклуб. Леша записался так, на всякий случай. С того дня все колесом и пошло: работа, тренировки в спортзале, лекции по авиации. Но время берет свое. Позади теоретические занятия, наземная подготовка. Ребята приступили к полетам. В один из обычных летних дней вылетел самостоятельно на самолете «У-2» и Леша Красилов. Вернулся на завод в огромном комбинезоне. С этого дня и определилась вся его дальнейшая жизнь.

Девятнадцатилетним юношей пришел Алексей Красилов в

армию. Это было летом 1940 года. Мир жил тревожными событиями развязанной гитлеровцами второй мировой войны. Советские люди готовились к защите своего Отечества. Война застигла Алексея курсантом. В далеком тыловом городе познавал он тайны мастерства боевого летчика. Сколько нужно было выдержки, чтобы в тревожные месяцы первого фронтового года сдерживать свой юношеский пыл, чтобы не убежать из школы на фронт...

Более ста семидесяти раз вылетал на боевые задания летчик-шурмовик Алексей Красилов. Сажал подбитую машину на нейтральную полосу, в густом тумане чутьем угадывал аэродром и удачно приземлялся. Смерть часто цеплялась за крылья его самолета.

Сохранились у Алексея Павловича «летные книжки» летчика—небольшие, похожие на блокноты, с пожелтевшими листами. Если б заговорили сейчас, спустя более четверти века строчки, занесенные сюда рукой полкового писаря, то ожившие странички наполнили бы рокотом небо, заметался бы по просторам голубого пятого океана рой огненных шмелей — трассирующих пуль и снарядов, и застонала бы, содрогаясь от взрывов, земля. День за днем встала бы огненная летопись одной жизни — жизни Алексея Красилова.

Серый рассвет уже заглянул в тусклое окошко землянки. Летчики быстро собрались и поспешили к своим самолетам. Вскоре шестерка «Илов» поднялась с полевого аэродрома. В сомкнутом строю она пробилась сквозь огненный заслон фашистов и пересекла линию фронта.

Чернела под плоскостями земля. Кое-где зеленел лес. Замелькали внизу деревушки, занятые врагом. Прямо по курсу, где кончался небольшой лес, показалось село Зубово. За селом забитый самолетами аэродром врага.

— Как себя чувствуешь, Хамра? — обратился Красилов к воздушному стрелку. — Не зябнешь?

— Маленько знобит...

— Сейчас погреемся. Видишь, сколько самолетов стоит.

И тут же Красилов услышал команду ведущего группы:

— Приготовиться!

Шестерка резко пошла на снижение. И вот они, секунды, разорванные огнем и металлом. Пламя заметалось по цистернам с бензином, вспыхнули самолеты, задымились приаэродромные постройки.

— А ну, еще разок долбанем! — услышал Алексей голос ведущего.

Машины развернулись и пошли на новый заход.

— Что, гады, не нравится? — прокричал Хамра Чакрыев. — Это вам не «рус-фанер»!

А когда выходили из штурмовки, откуда-то бешено огрызнулись уцелевшие вражеские зенитки. Шестерка «Илов» набирала высоту и ложилась на обратный курс...

Алексей не сразу понял, что произошло. Словно в лихорадке, затряслась машина. Все-таки попал снаряд вражеской зенитки. Горит она или нет? И почему эта сумасшедшая тряска? Значит, поврежден винт. Наверное, отбита лопасть. Надо быстрей набирать высоту и сколько хватит сил тянуть к аэродрому.

Лобовое стекло забило маслом. От вибрации разорван бензопровод. Горючее расползается по машине, пропитывая ее, словно факел. Одна искра, всего одна искра... и взрыв бросит на землю горящие обломки. Надо сейчас же выключить мотор. Рука тянется, чтобы погасить пламя в ревущих цилиндрах. Нет, нет.., еще секунду, две... только бы перетянуть через линию фронта.

Слева, ему показалось, совсем рядом у борта выросла ослепительная вспышка взрыва. Потом справа и сверху. Еще немного, еще... он открыл фонарь. Остались позади захлебывающиеся злобой зенитки. Но смерть не отстала, она здесь, с ним: каждое мгновение самолет может вспыхнуть. Машина, будто проваливаясь в яму, теряет высоту. Внизу до самого горизонта громоздится лес, бушует зеленым пламенем сосен, белеет стволами берез. А неудержимая сила прижимает машину к земле.

— Хамра! Слышишь? — Кричит Красилов по радио. — Лес кругом, врежемся!

Стрелок молчит. Убит или не слышит?

Огромной зелено-бурой глыбой навстречу шла земля... Подсохшая, она отдавала испариной. Запах цветов смешивался с настоем хвои. Дурман леса не мог осилить едкий запах бензина. Янтарными слезами стекал он с металла. Порой красные капли падали рядом на землю — это была кровь...

В полку за помин Алексея Красилова и Хамры Чакрыева была выпита скупая солдатская норма спирта: лесной бурелом — не посадочная полоса на аэродроме. Когда же нашли на просеке не обломки, а изрядно помятую, но в общем-то целую машину — удивились. Удивление было еще большим и радостным, когда вытащили летчиков. «Живы, черти... Подправим и вас, и машину!..»

Время врачует раны, но стереть следы их зачастую бессильно. Контузия и сейчас напоминает Алексею Павловичу о приземлении на той лесной просеке.

Он среднего роста. Ничего богатырского в нем как-будто бы и нет... Из-под нависших бровей поблескивают глаза с этакой хитринкой человека, повидавшего многое, но неунывающего.

За окном неяркий день. Мы в комнате вдвоем. На столе старая, потрепанная, военных лет карта. Кружочками на ней

помечено, где бывал в войну Алексей Павлович, где базировался полк. Еще я насчитал четыре маленьких черных крестика. Они протянулись невеселой цепочкой от русского Ржева и до чехословацкого Брно.

— Четыре раза сбивали. Случалось, до сотни пробоин привозил. Продырявят, как решето, только рули работают, да мотор еще тянет,— рассказывает хрипловатым голосом Красилов и что-то ищет на карте. — Да, первый раз вот здесь меня чуть не сграбастала безносая — в районе Зубцово. Вот,— показывает он,— подо Ржевом.

Алексей Павлович замолчал, улыбнулся: — Даже сейчас в горле пересыхает при воспоминании... Но слушай... Служил в нашем полку Могильчак Иван Лазаревич. Героя Советского Союза на Днепре получил. Смелый, как черт. Стояли мы на аэродроме Толаконное, под Белгородом. — Лукавая улыбка пробежала по лицу Алексея Павловича. — Кстати, ваш полк тогда прикрывал нас. Вылетели мы на боевое задание. День был солнечный. Быстро дошли до цели. Разворачиваемся, бомбим. Зенитки щупают нас, но никого не достают. Пора и обратно. Тут Ивана Лазаревича и задело. Крыло подбило. Как он ни старался, а все-таки машина у него в воздухе перевернулась. Идет колесами вверх, кабиной к земле. Сбил верхушки деревьев и почти рухнул на лесную поляну. Подбегаем, думаем, от него мокрое место осталось, а он голос подает: «Братцы, помогите!..» Мы опешили: с того света говорит. Стрелок тоже свой голос подает... И все-таки смерть подстерегла Ивана Лазаревича. Под Винницей погиб Могильчак. — Алексей Павлович долго молчит, переживая в себе самом давнее, но больное.

А война шла — ревела стальными глотками орудий. И снова по боевой тревоге поднимался в воздух Алексей Красилов. Место Хамры Чакрыева занял стрелок Иван Иванович Киров, позже Николай Булдаков.

Часто в бою, крыло в крыло, шли машины Красилова и Героев Советского Союза Анатолия Казакова, Сергея Бесчастного, Григория Денисенко. Был жив и метко слал реактивные снаряды «выходец с того света» Григорий Прощаев. Сбитые, горевшие, «пропавшие без вести» взмывали в небо!

— Крылья у вас орлиные,— не раз восхищался командир корпуса Н. П. Каманин.

Разгромив фашистов под Корсунь-Шевченковским, наши войска устремились дальше на запад, освобождать из-под фашистской неволи молдавский народ.

Это был поистине небывалый поход. Пехота двигалась по колено в грязи. Танки погружались в месиво из грязи и снега по самые днища. Грязь захлестывала лафеты орудий. Но люди шли и шли, не давая возможности врагу закрепиться на промежуточных рубежах.

Топливо для танков и самолетов доставлялось транспортной авиацией. Артиллерия снабжалась методом эстафеты. Пехотинцы несли на своих плечах снаряды. Воинам помогали мирные жители, освобожденные от фашистов.

— Помню такую картину,— рассказывает Алексей Павлович. — По тропинке, протянутой рядом с дорогой, гуськом идет большая группа крестьян — старики, пожилые женщины, девушки. Под тяжестью груза ступают медленно. У одних он в мешках наподобие рюкзаков, у других мешки перекинуты через плечо так, что одна часть груза оказывается спереди, а другая — за спиной, третьи несут поклажу просто в руках, как носят грудных детей... Рядом с нами остановился старик в пиджаке и шапке, сдвинутой на затылок. Лицо, сильно загоревшее на весеннем ветру, покрыто потом. Старик осторожно опустил на землю мешок. «Нет ли махорочки, сынки? Соскучился по нашей махорке». И взяв из рук одного из нас протянутый кисет, принялся вертеть козью ножку, которой доброму курильщику хватило бы на полчаса.

«Устал, мош Георгий?» — окликнула старика шедшая недалеко от него девушка.

«Догоню. Дай покурить со своими»,— ответил старик. Сделав несколько затяжек, он погасил папиросу, спрятал ее за отворот шапки. «Помогите, сынки,— попросил дед, берясь за мешок. — Надо отнести Гитлеру закуску». И пошел, теряясь в людском потоке...

...В майские ночи вставало над Прагой зарево победы. Багряно-торжественные отблески его несла на крыльях машина Алексея Красилова, несли орлиные крылья прославленного авиаполка.

Представляя Красилова к награждению, командование 235-го штурмового авиационного полка писало: «...Под его ударами горели танки, автомашины, сотни немецких солдат остались навсегда на нашей земле, меченные пулями мастера штурмового удара. Участвуя в боях за Ржев, Белгород, Киев, Проскуров, Броды, Львов, Клуж, Дебрецен, Будапешт, старший лейтенант Красилов, непрерывно совершенствуя свое боевое мастерство, приобрел опыт тактически грамотного, волевого и мужественного командира. Вывод: За героизм и мужество, проведенные 157 успешных боевых вылетов, за уничтожение живой силы и техники противника, за личное умение вождения групп на боевые задания, не имея при этом неточного выхода на цель или удара по своим войскам, и за два лично сбитых самолета противника — достоин правительственной награды, присвоения звания Героя Советского Союза».

Уже более двух часов сидим мы в новой квартире высотного дома по проспекту Энгельса в Кишиневе, вспоминая суровые годы минувшей войны.

О послевоенной жизни Герой Советского Союза подполков-

ник запаса Красилов рассказывает скупо, да я и сам знаю ее хорошо. Уже немолодым закончил он Кишиневский политехнический институт, экономический факультет. Сейчас работает в одном из научно-исследовательских институтов столицы Молдавии. Преподает гражданскую оборону.

Не только в Кишиневе, но и в районах республики можно встретить человека, беседующего то с молодыми колхозниками, то с пионерами и школьниками. Своими рассказами Алексей Павлович пробуждает в детях, молодежи жажду прекрасного, учит их достойно продолжать традиции героев минувшей войны.

И молодежь отвечает герою-ветерану любовью и желанием идти дорогой отцов.

Незримый фронт

Н. С. САЗЫКИН,
доктор экономических наук,
бывший народный комиссар государственной безопасности Молдавской ССР

1. Предвоенная обстановка

Располагали ли мы какими-либо сведениями о военной подготовке во вражеском лагере, о готовившейся авантюре? Да, кое-какую информацию мы получали. В официальной печати перед войной все чаще и чаще появлялись статьи, в которых указывалось, что правящие круги буржуазной Румынии находят контакты с заправилами фашистской Германии в области политики, идеологии и экономики. Аналогичные сведения поступали и по другим каналам. Из Германии в Румынию прибывали воинские подразделения, сосредоточиваясь в важных стратегических районах страны. С наступлением весны 1941 года немецких войск стало прибывать еще больше, и к лету их количество достигло 10 дивизий. Из опроса задержанных нарушителей границы, а также из других источников было выяснено, что в румынской армии появились немецкие инструкторы и наставники, обучавшие солдат и офицеров пользоваться немецким оружием, а также тактике ведения современной войны. Усилился поток донесений о том, что по ту сторону границы ведется соответствующая подготовка настроения солдат и пограничного населения с учетом возможного в ближайшем будущем начала военных действий против СССР.

С наступлением теплой весенней погоды начался форсированный ремонт шоссейных и других дорог, ведущих к границе, ремонтировались и укреплялись дорожные мосты с тем, чтобы они могли выдержать тяжелые орудия и танки, строились аэродромы и посадочные площадки, подготавливались военные склады, сооружалась вторая колея железнодорожной линии. Заметно активизировалась заброска на территорию Молдавии вражеской агентуры, перед которой ставилась задача выявлять численность советских войск в междуречье Прута и Днестра, места размещения военных казарм и штабов воинских частей, номера соединений, чем они вооружены, фамилии и характеристики командиров и политработников.

Формально заброску вела румынская военная разведка, но по характеру требуемых сведений и инструктажу, который да-

вался вражеским агентам, легко было обнаружить немецкий почерк. Было совершенно ясно, что немецкие разведывательные органы используют румынскую разведку для маскировки своей вражеской деятельности против СССР. Прибывшие на территорию Румынии немцы были не популярны среди местного населения, жители пограничных районов отказывались в какой-либо форме сотрудничать с ними, и лишь продажная румынская разведка так же, как и правители тогдашней Румынии, охотно шла на такую грязную сделку.

Подобная форма деятельности вражеской разведки не была новой.

Заброшенные шпионы быстро обезвреживались. Массовая переброска их на территорию Молдавии не находила благоприятной почвы для оседания на постоянное жительство и ведения подрывной деятельности. Население пограничных районов Молдавии активно помогало пограничникам задерживать нарушителей границы и разоблачать их коварные замыслы. Та же незначительная часть диверсантов, шпионов, которой удавалось проникнуть в более отдаленные от границы населенные пункты, успешно задерживалась молдавскими патриотами при попытках сбора шпионских сведений о советских воинских частях.

У молдавского населения городов и сел была свежа в памяти и жестокая деятельность румынской сигуранцы в оккупированной Бессарабии. Двадцатидвухлетняя оккупация сопровождалась карательными экспедициями и массовыми репрессиями трудящихся. При уходе с территории Молдавии сигуранца пыталась организовать на оставленной территории антисоветское подполье, но ей это не удалось, так как трудовой народ давно ждал своего освобождения и приход Красной Армии-освободительницы вылился во всенародное ликование населения городов и сел Молдавии. Не нашлось отщепенцев, которые бы согласились работать на сигуранцу.

В то время наряду с сигуранцей на территории Молдавии работали другие вражеские разведки иностранных государств, которым удалось привезти извне отъявленных головорезов, но и они не могли развернуть свою черную деятельность — их не поддержало население. Так, на территорию Бессарабии за несколько дней до ее освобождения (28 июня 1940 г.) были брошены группы шпионов антисоветской белогвардейской организации, так называемого «Национального трудового союза нового поколения» (НТСНП), действовавшего в ряде стран Западной Европы. Эта весьма активная антисоветская организация была достаточно хорошо известна. Мы тогда знали, что НТСНП финансировалась разведками других стран, особенно фашистской Германии. Вражеские агенты в Кишиневе и других городах Молдавии получили задание: остаться на постоянное жительство в Молдавии, поступить на работу, войти в доверие к со-

ветским и общественным организациям и создать вокруг себя группу предателей, которым можно было бы поручить вести подрывную шпионскую и диверсионную деятельность. Оставленные шпионы НТСНП прошли в иностранных школах специальную подготовку, обучившись военному делу, методам конспирации и совершению диверсий и террора. Они были снабжены поддельными паспортами, бланками и печатями различных советских учреждений, большими суммами советских денег, портативными радиостанциями, шифрами и кодами для связи. При себе имели оружие и другие средства борьбы. Но очень опасная группа шпионов и диверсантов была быстро обезврежена благодаря бдительности и патриотизму молдавского народа.

Пойманные с поличным агенты НТСНП рассказали, что они не ожидали, что им придется с таким трудом работать в Молдавии, которая только что была освобождена от оккупации буржуазной Румынии. Они не предполагали, что не встретят здесь своих единомышленников, с которыми собирались длительно и активно вести антисоветскую подрывную деятельность. Их потрясла торжественная встреча, которую организовал молдавский народ воинам-освободителям Красной Армии. Они видели, что сбывались чаяния молдавского народа: крестьяне получали бесплатно землю на вечное пользование, а в городах возрождалась промышленность и ликвидировалась безработица — страшный бич рабочего класса капиталистических стран. Все это явно противоречило тем лекциям, которые им читались в шпионско-диверсионной школе о советской действительности. Их уверяли, что молдавский народ не согласится устанавливать Советскую власть. Их убеждали, что молдаване встретят мероприятия Советской власти враждебно и что это будет той почвой, на которой они будут вести шпионскую диверсионную работу.

Среди заброшенных агентов НТСНП были и такие, которые добровольно являлись в советские органы и сдавали оружие, врученные им деньги, взрывчатку, портативные радиостанции, шифры, коды для связи со шпионским центром, который находился за рубежом. Явившимся и раскаявшимся в своих поступках была предоставлена возможность работать в Молдавии и честным трудом доказать свою преданность советскому народу.

Весной 1941 года руководство НТСНП вторично забросило большую группу агентов на территорию Молдавии. Они также прошли за рубежом специальное обучение, но получили несколько иное задание. Им приказали не задерживаться в Молдавии, а проникнуть в центральные районы России и в Москву с целью организации там шпионской диверсионной и террористической деятельности. И эта вражеская агентура была обезврежена. Часть шпионов была задержана сразу же на терри-

рии Молдавии, остальные в пути к своим пунктам назначения. При задержании у них были изъяты: оружие, большие суммы советских денег, портативные радиостанции, шифры и коды для связи со шпионским центром, находящимся за рубежом.

Если до второй мировой войны НТСНП еще как-то скрывал свою причастность к немецкому фашизму и его шпионско-диверсионным органам, то во время войны открыто перешел на службу к карательным органам немецких оккупационных войск, руководители разведки (Околович и др.) официально работали в гестапо на оккупированной территории.

По мере приближения лета 1941 года количество задержанных вражеских шпионов возрастало. Все они должны были выполнять аналогичные подрывные задания. Но один из них обратил на себя особое внимание. Он был задержан в апреле 1941 года и при аресте заявил, что прибыл на территорию Молдавии из Румынии, переплыв Прут. Получил задание и специальный инструктаж для сбора военных сведений. У него была отобрана антисоветская литература и листовки, которые он должен был распространить в Кишиневе, ну и как обычно, при нем было оружие и много денег. Задержанный сообщил, что слышал от румынских офицеров, а те, в свою очередь, от немецких инструкторов, находящихся в их части, что якобы скоро будет война с Россией и что они называли возможную дату начала действий — 15 мая 1941 года. Шпион сообщил, что получил задание обезглавить руководство Молдавии. Показания его вызвали сомнение, но важность их обязывала внимательно во всем разобраться. Провели контрольные допросы, на которых шпион настаивал на правдивости своего заявления. Беседовал с ним и я. В пределах возможного пытались проверить его заявление. И хотя оставалось кое-какое сомнение, тем не менее были приняты меры по безопасности руководителей Молдавии и сообщено о возможном нападении фашистской Германии 15 мая 1941 года.

Переброска шпионов на территорию Молдавии росла, и редким был день, когда не задерживались бы лазутчики и диверсанты на границе или на территории республики.

Четкая и безукоризненная служба пограничников Молдавии и самоотверженная работа чекистов вовремя пресекали вражескую деятельность иностранных разведок. Этому также, как отмечалось выше, способствовала бдительность жителей городов и сел Молдавии.

В начале лета 1941 года напряженность еще больше возросла, так как по ту сторону границы заметно готовились к войне. Заминированные на румынской стороне мосты через Прут были разминированы, убрана была и взрывчатка, висевшая под опорами мостов.

В субботу 21 июня как обычно рабочий день закончился поздно вечером. Никто, разумеется, не предполагал, что это последний мирный день нашей Родины.

Далеко за полночь верстался воскресный номер газеты «Советская Молдавия», на первой странице которой была большая подборка мирной корреспонденции из Кишинева, Тирасполя, Рыбницы, Кагула о социалистическом соревновании в честь годовщины освобождения Бессарабии. В этой части Советской Молдавии полным ходом восстанавливалась промышленность, сельское хозяйство, железнодорожный транспорт, связь и другие отрасли народного хозяйства, которые были оставлены буржуазной Румынией в плачевном состоянии. Быстро поднималось благосостояние трудящихся Молдавии. Все мечтали только о мирной жизни.

2. Начало войны

В 3 часа прибывший ко мне дежурный доложил, что начальник пограничного округа генерал Никольский просил немедленно передать, что государственная граница на всем протяжении Молдавской ССР нарушена. Через несколько минут немецкие самолеты уже сбрасывали бомбы на мирное население. Одновременно подвергались налету кишиневские аэродромы, вокзал и склады с горючим и другие объекты. Однако внезапность бомбового удара военного успеха не имела. Бомбы были разбросаны беспорядочно, не причинив ущерба.

Прибыв в Наркомат, я тут же попытался позвонить по телефону ВЧ в Москву и доложить о военном нападении на Молдавскую ССР. Несмотря на мои настойчивые требования, связаться не мог — мне все время отвечали, что связь прервана в районе Киева. Наконец обходными каналами ВЧ мне удалось на короткое время связаться с Москвой. Зная, что члены правительства обычно работали до утра, звоню по служебному телефону в один адрес, а затем в другой, мне отвечают дежурные, что их нет, они дома. Звоню на квартиру, мне отвечают и в первом, и во втором случаях: вызваны в ЦК.

Этот ответ как-то успокоил: значит, в Москве знают о случившемся, если вызваны в ЦК в такой поздний час. На этом связь с Москвой прекратилась, и не оставалось другого выхода, как дать закрытую телеграмму о случившемся с грифом немедленно.

Связался по телефонну с пограничным округом и просил доложить обстановку, но по телефону ответили, что генерал Никольский переместился в специально оборудованный командный пункт и оттуда руководит пограничными заставами. Когда связался с командным пунктом, генерал Никольский доложил, что связь с заставами эпизодическая, так как все заставы ведут неравный бой. Зная малочисленность пограничников и ограниченность у них средств обороны, я позвонил командиру механизированного корпуса, штаб которого разме-

щался в Кишиневе, и просил немедленно оказать военную помощь пограничникам. Близость Кишинева от границы давала возможность противнику на танках и автомашинах прорваться в Кишинев, посеять панику и причинить огромные потери и разрушения. Командир корпуса ответил, что он не может оказать помощь пограничникам, так как не имеет приказа от командующего Одесским военным округом. Связываюсь по прямому проводу ВЧ с командующим Одесским округом и, доложив о тяжелом положении пограничников и угрозе внезапного захвата Кишинева, прошу немедленно оказать помощь пограничникам. Командующий ответил, что он этого сделать не может, так как, возможно, это еще не война, а лишь пограничный конфликт, и втягивать регулярные войска в бой он не имеет права. В течение утра по этому вопросу несколько раз разговаривал с командующим военным округом, прося о помощи, но безрезультатно.

В 6 часов утра позвонил руководству ЦК КПМ и просил срочно созвать бюро и обсудить создавшуюся обстановку. Мне ответили, что руководство ЦК этот вопрос уже обсудило и принимаются экстренные меры.

Положение было неясным до тех пор, пока в 12 часов дня по радио не выступил Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов и сообщил о вероломном и внезапном нападении фашистской Германии на СССР. С этого момента к границе Молдавии стали выдвигаться войска, в том числе механизированный корпус, расположенный в Кишиневе.

Все утро и день над Кишиневом шли воздушные бои. Это доблестные соколы авиационной дивизии под командованием генерал-майора А. С. Осипенко, размещавшейся на территории Молдавии, вели неравный бой с противником. Об этом прославленном генерале следует рассказать подробней. Он прибыл в Кишинев вскоре после освобождения Бессарабии от румынских оккупантов. До этого он сражался в Испании, сделал там более двухсот боевых вылетов, одновременно он обучал боевому мастерству испанских летчиков. За смелость и отвагу в Испании он был удостоен звания Героя Советского Союза. Теперь он командовал авиационной дивизией. Трудящиеся Молдавии высоко оценили боевое мастерство и патриотизм генерала А. С. Осипенко, избрав его депутатом Верховного Совета СССР. Командирский опыт и смекалка и на этот раз не изменили ему. За день до начала войны он, взвесив обстановку, создавшуюся на границе, принял предусмотрительные меры, чтобы враг не застал его летчиков врасплох. Поздно вечером накануне войны он перевел все свои боевые самолеты с основных аэродромов на запасные, заранее подготовленные им на случай войны. В то ранее утро немецкая авиация прилетела бомбить основные аэродромы, о запасных же

противник ничего не знал. И летчики Осипенко смогли достойно встретить вражеских стервятников.

По окончании первого дня войны, когда уже стемнело, мы выехали на командный пункт генерала А. С. Осипенко. Он размещался на окраине Кишинева, в тенистом саду. А. С. Осипенко и его помощников мы встретили нерадостными, так как в течение дня в неравных боях они потеряли много боевых товарищей. Обсудили итоги дня, спросили, почему в воздушных боях принимали участие не только новые, но и устаревшие самолеты. На это А. С. Осипенко ответил, что весной 1941 года в его дивизию стали прибывать новые для того времени самолеты МИГи. По мере их поступления шло обучение. Личный состав обучался летать на новых машинах, но так как дивизия полностью не успела заменить старые самолеты, он вынужден был выпускать в бой и устаревшие типа «Чайка», боевые и летные качества которых уступали немецким самолетам.

В первый день войны была получена подробная директива о порядке эвакуации служебных документов и ценного имущества с указанием пунктов назначения. Давалось указание эвакуировать промышленное оборудование и помешать врагу восстановить промышленность. В этой же директиве предлагалось приступить к организации подполья и партизанских отрядов с задачей не давать врагу покоя на занятой территории ни днем, ни ночью.

Получив эту директиву, мы приступили к организации подпольных групп и партизанских отрядов. Все оставшиеся в нашем распоряжении дни (сколько их будет, мы не знали) посвятили этой работе. Работали столько, сколько могли, многие совсем не уходили на отдых. Одним из активных организаторов этой боевой работы был И. Л. Мордовец — заместитель народного комиссара внутренних дел. Этот неутомимый и храбрый человек заслуживает самых теплых слов благодарности.

Через 10 дней работа была закончена и можно было подвести некоторые итоги, а они были немалыми. Тактика организации подполья и особенно партизанских отрядов исходила из природных особенностей Молдавии. Нельзя было не учитывать, что в междуречье Прута и Днестра было мало лесов и гор, что могло осложнить тактические действия партизан в тылу врага. Исходя из этого формировались небольшие по численности партизанские отряды и подпольные отряды, снабженные средствами связи. Со всеми участниками подполья и партизанами в течение нескольких дней было проведено индивидуальное специальное обучение приемам работы в тылу.

В каждом уезде было сформировано по два-три партизанских отряда и несколько подпольных групп. Большое внимание при организации деятельности в тылу врага отводилось индивидуальной борьбе. Этим бойцам невидимого фронта давались различные задания, исходя из их способностей и воз-

можностей. Особая роль отводилась женщинам. Все они получали индивидуальный инструктаж, и им были выданы необходимые средства борьбы.

Недостатка в кадрах при комплектовании бойцов незримого фронта не было. Множество трудящихся обращалось в советские и партийные организации, предлагая свои услуги в борьбе с немецкими захватчиками. Почти во всех случаях их просьба удовлетворялась. Им было роздано все имевшееся в нашем распоряжении на складах оружие и другие средства борьбы.

Одновременно в Кишиневе работала специальная группа саперов-подрывников, в задачу которых входила организация ловушек для противника. В оставляемых государственных и общественных помещениях минировались отдельные привлекательные предметы: тот, кто коснется их, будет убит или ранен. Это делалось с учетом грабительских и мародерских нравов немецких фашистов. Работа по заминированию была закончена своевременно.

С первых дней войны большая работа была проведена ЦК КП по перестройке всей партийной и государственной работы на военный лад. Были эвакуированы все ценности, промышленные предприятия, в глубокий тыл отправлены сельскохозяйственный инвентарь, тракторы и другие сельскохозяйственные машины, скот, вывезена коллекция вин и т. д.

В это время в ЦК КП Молдавии создалось боевое ядро в составе секретарей ЦК Сологора, Зеленчука, Председателя Президиума Верховного Совета МССР Бровко, председателя Совета народных комиссаров МССР Константинова и его заместителя Рудя, члена ЦК КПМ Мордовца, которые за короткое время организованно, четко и в срок проделали эту титаническую работу. В уездах эту деятельность возглавили секретари партийных комитетов и председатели исполкомов Советов депутатов трудящихся.

Особо следует отметить патриотизм, беззаветную преданность Отчизне всего населения Молдавской ССР, которые проявились в это тяжелое для республики время. С первого дня войны, несмотря на внезапность фашистского нападения, не было отмечено ни одного случая паники и отчаяния. Наоборот, все население сплотилось вокруг ЦК КПМ и правительства республики для защиты Родины от нашествия коричневой чумы. Мужчины призывных возрастов организованно и дружно явились на призывные пункты, чтобы вступить в ряды Красной Армии и стать на защиту Страны Советов.

Молдаване показали себя подлинными патриотами своего Отечества. Многие ушли вместе с коммунистами и комсомольцами в истребительные батальоны, организованные в то время для борьбы с вражескими парашютистами и немецкими лазутчиками, а в случае необходимости вливались в регулярные

части родной Красной Армии. Душой патриотических начинаний в республике была молодежь во главе с ЦК комсомола Молдавии. Благодаря сплоченности молдавского народа и его помощи фронту Кишинев, несмотря на близость к границе, в неравной борьбе с противником успешно оборонялся гораздо дольше, чем рассчитывал враг. Только необходимость выравнивания линии фронта и переброска некоторых воинских частей по приказу командования на другие участки заставила наши части оставить Кишинев 15 июля. Кишинев был оставлен, но борьба за освобождение Молдавии и других оккупиррованных врагом территорий продолжалась, отпор фашистским захватчикам усиливался день ото дня.

Партизаны в боях за освобождение Молдавии

Д. Д. ЕЛИН,
бывший командир партизанского отряда им. Ворошилова

Никогда не померкнет слава советского народа, совершившего героический подвиг в годы Великой Отечественной войны. Четыре длинных, мучительных года наш народ бился с жестоким и сильным врагом, защищая свою социалистическую Родину и все прогрессивное человечество. «В этой войне, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 30-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — решалась судьба первого в мире социалистического государства, будущего мировой цивилизации, прогресса и демократии».

Победил новый мир — мир социализма.

И чем дальше уходит в прошлое героическое время Великой Отечественной войны, тем величественнее встает бессмертный подвиг советского народа, отстоявшего в борьбе с фашизмом свободу и независимость Родины, спасшего человечество от угрозы гитлеровского порабощения.

Вместе с Советскими Вооруженными Силами победу ковали советские партизаны. «В массовом партизанском движении, — говорится в указанном постановлении ЦК КПСС, — охватившем всю оккупированную территорию, ярко проявился горячий патриотизм советских людей».

Партизанская борьба — одна из славных страниц истории Великой Отечественной войны Советского Союза. Ее организатором и руководителем была Коммунистическая партия. Партия разработала развернутую программу всенародной борьбы в тылу фашистских захватчиков, вооружила ею миллионы советских людей, оказавшихся на оккупированной врагом территории, указала пути и способы народной борьбы, создала стройную систему руководства этой борьбой, поставила во главе ее коммунистов-руководителей.

Организованная партией борьба миллионов советских патриотов во вражеском тылу явилась важным вкладом в историческую победу нашего народа. За годы войны в тылу противника действовало около миллиона партизан. Они держали оккупантов в постоянном напряжении, дезорганизовывали работу его тыла. Своими активными действиями народные мстители сковывали значительные силы противника. За годы войны партизаны уничтожили, ранили и взяли в плен сотни тысяч гитлеровцев. Они произвели более 18 тысяч крушений поездов. Партизанская война наводила ужас на немецких солдат и офицеров, снижала моральный дух фашистской армии.

Партийная организация Молдавии, как один из отрядов нашей партии, выполняя указания ЦК ВКП(б) в исключительно сложной обстановке прифронтовой полосы, с первых дней войны приступила к организации подпольно-партизанской борьбы молдавского народа против фашистских захватчиков. Однако из-за быстрого продвижения фронта ЦК КП(б) Молдавии не удалось завершить подготовку сети партийного подполья и партизанских отрядов. И несмотря на это часть сформированных партизанских отрядов и групп приступила к боевым действиям сразу же после оставления территории Молдавии войсками Красной Армии.

После эвакуации Одесского оборонительного района и отхода наших войск за Днепр, партизанское движение в Молдавии переживает трудный период своего развития.

Фашистское командование бросило против партизан крупные карательные отряды. В тяжелых кровопролитных боях часть партизанских отрядов погибла, а часть рассеялась. С осени 1941 года до середины 1943 года основной формой борьбы трудящихся Молдавии против оккупантов стала диверсионная и агитационно-пропагандистская деятельность подпольных организаций и под их воздействием массовый саботаж политических и экономических мероприятий оккупантов трудящимися республики.

В 1943 году ряд подпольных организаций Молдавии добывает оружие и боеприпасы, готовясь к переходу к партизанской борьбе, а подпольная группа М. М. Чернолуцкого в полном составе уходит в лес на заранее подготовленную базу. В начале 1943 года ЦК КП(б) Молдавии, учитывая положительный опыт Украинского штаба партизанского движения по заброске групп организаторов на базы действующих в тылу врага партизанских соединений, опыт боевой деятельности рейдовых партизанских отрядов, а также трудности выброски групп организаторов непосредственно на территорию Молдавии, принял решение о направлении групп организаторов партизанских отрядов Молдавии в районы боевой деятельности украинских партизан, ставя перед ними задачи комплектования отрядов, приобретения боевого опыта с последующим выводом отрядов на территорию МССР.

К середине 1943 года в тылу врага из организованных рейдовых партизанских отрядов ЦК КП(б) Молдавии создает два соединения партизанских отрядов Молдавии, которые за время своей боевой деятельности провели 184 боя с противником, пус-

тили под откос 297 эшелонов врага, уничтожили около 22 тысяч солдат и офицеров противника, 97 танков, взорвали 18 железнодорожных и 49 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах. Ведя бои на Правобережной Украине, они внесли свой вклад в приближение дня освобождения Молдавии.

Учитывая обстановку на фронте, ЦК КП(б) Молдавии еще в начале декабря 1943 года дал указание Молдавскому отделу партизанского движения о выводе на территорию Молдавии молдавских партизанских соединений, заброске групп организаторов непосредственно на территорию республики. С приближением линии фронта к границам Молдавии, представительства Украинского штаба партизанского движения на Украинских фронтах с помощью ЦК КП (б) Молдавии приступили к подготовке заброски групп организаторов партизанских отрядов на территорию МССР.

Первые группы организаторов под командованием А. И. Макаренко, И. Ф. Чечеткина со средствами радиосвязи были заброшены в районы северо-западнее Кишинева 15—16 января 1944 года. 25 января 1944 года в район села Плоское в 18 километрах от Тирасполя высадилась группа под командованием уроженца села Строенцы Рыбницкого района С. Д. Автеньева. Вскоре группа за счет местных жителей выросла в партизанский отряд имени Котовского численностью в 70 человек и было создано 9 партизанских групп. В начале 1944 года ЦК КП(б) Молдавии и Украинский штаб партизанского движения подготовили к переброске на территорию Молдавии организаторов под командованием Г. М. Володина, А. А. Варфоломеева, А. И. Лисицина, И. И. Лысова, Т. Ф. Прокина, Г. А. Посадова, Е. И. Петрова, М. В. Смелевского и других.

С первого дня приземления группы организаторов вынуждены были вести тяжелые бои с карателями. В сложной боевой обстановке некоторые из них (Т. Ф. Прокина, А. И. Лисицина и др.) были разбиты или рассеяны. Большинство же сумели оторваться от преследователей, установить связь с населением и приступить к выполнению поставленных перед ними задач по боевой деятельности.

В это же время на территорию Молдавии с Украины перешло несколько партизанских отрядов. В феврале в Оргеевский район вышел отряд «Смерть фашистским захватчикам», в марте на территорию республики вышли отряды М. Тугушева, П. Критопуло и М. Струкачева. В Ниспоренском районе действовал местный партизанский отряд из 22 человек, а в Новоаненском районе вела боевую деятельность партизанская группа М. М. Чернолуцкого. К середине марта 1944 года на территории Молдавии в сложной обстановке сражалось более 20 партизанских отрядов и групп, большинство из которых имело устойчивую связь с Большой землей.

В начале марта 1944 года войска Красной Армии перешли

в наступление на Правобережной Украине. В это время основной задачей партизан являлось оказание помощи войскам Украинских фронтов в завершении освобождения Правобережной Украины и освобождения Молдавии.

Первое и Второе Молдавские соединения в первые дни перехода в наступление войск 1-го Украинского фронта передали на Большую землю значительное количество разведданных о противнике. 6-й и 8-й батальоны Первого Молдавского соединения активно действовали на коммуникациях противника в районе Гусятин—Чертково. Отряд «Советская Молдавия», продолжая движение по Каменец-Подольской и Винницкой областям, вел боевую и разведывательную деятельность.

С приближением фронта обстановка на территории Молдавии значительно осложнилась. В борьбу против партизан вместе с румынскими включились и немецкие карательные органы. В бессильной злобе на партизан фашистские изверги учиняли массовые расправы над населением. В марте оккупантами были расстреляны жители села Кушеловка Флорештского района за помощь, оказанную ими партизанам. 23 февраля несколько жителей села Лозово было жестоко избито и осуждено военным трибуналом только за то, что они, будучи в лесу, видели партизан и не сообщили об этом оккупационным властям.

Беспримерный подвиг совершил весной 1944 года неизвестный партизан, спасая население села Хилиуцы от массового расстрела. Партизанская группа возле станции Марандены пустила под откос паровоз, следовавший за застрявшим в пути воинским эшелоном. На второй день гитлеровцы окружили село Хилиуцы и начали сгонять жителей на площадь. При этом они расстреляли 13 человек и сожгли более половины домов. Вокруг площади гитлеровцы установили пулеметы и, угрожая расстрелом, потребовали выдачи партизан. Жители молчали. Раненый партизан из укрытия видел всю эту картину и решил ценою своей жизни спасти население села от чудовищной расправы. Сильно хромая, он вышел на площадь и смело бросил в лицо палачам: «Стреляйте в меня, но их отпустите». Палачи схватили отважного партизана, но расстрел жителей прекратили. Вместе с партизаном они схватили 176 человек из села и вывезли в Яссы. И только в августе 1944 года они были освобождены войсками Красной Армии. О беспримерном подвиге неизвестного партизана до сих пор вспоминают и рассказывают его свидетели.

В начале второй половины марта передовые части 2-го Украинского фронта вышли на территорию Молдавии. Помощь в освобождении республики, в форсировании Днестра им оказывали партизанские отряды. Партизанский отряд имени Сталина (командир М. М. Струкачев) на правом берегу Днестра захватил обоз противника, и, когда 18 марта одно из передовых подразделений 5-й гвардейской танковой армии, подошед-

шее к Днестру, остановилось из-за недостатка горючего, партизаны на лодках переправили на левый берег 18 бочек с дизельным топливом и дали возможность советским танкистам продолжать наступление.

В районе Атак накануне подхода наших войск к Днестру партизанский отряд под командованием М. Тугушева захватил плацдарм на правом берегу, чем оказал помощь одному из соединений 40-й армии в форсировании Днестра. Во время боя за освобождение Атак члены подпольной организации «Обус» перерезали связь минометных батарей противника с наблюдательным пунктом и штабом. В результате, оставшись без связи, гитлеровцы не могли вести огонь по наступающим войскам Красной Армии и, бросив минометы, в панике бежали.

18 марта 1944 года на территорию Молдавии вышел партизанский отряд «Советская Молдавия» под командованием Я. А. Мухина. Отряд, состоявший в момент выхода в рейд с базы Второго Молдавского соединения из 19 человек, вырос до 180 человек.

ЦК КП(б) Молдавии, СНК и Президиум Верховного Совета МССР поздравили партизан отряда с достижением цели. Полковнику Я. А. Мухину были даны полномочия от имени правительства республики восстанавливать Советскую власть на местах, в связи с этим командование отрядом «Советская Молдавия» вновь принял А. В. Смирнов.

Разгромив два пограничных пикета противника на правом берегу Днестра, отряд занял районный центр Каменку и удерживал его до подхода передовых частей Красной Армии. Отряд, с влившимися в него подпольщиками, в течение двух дней вел бой в районе села Тарасово и этим обеспечил переправу через Днестр передовых частей 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии Красной Армии, а затем принял участие в освобождении Рыбницкого, Резинского и Оргеевского районов МССР. Партизаны отряда были в числе первых воинов, ворвавшихся в г. Оргеев.

Наряду с партизанскими отрядами, которые оказывали непосредственную помощь Красной Армии в форсировании Днестра и в боях за освобождение республики, в южных районах Молдавии на коммуникациях врага в марте-апреле действовали партизанские отряды «Журналист» (командир М. В. Смелевский), имени Дзержинского (командир Е. И. Петров), имени Щорса (командир Г. А. Пасадов), имени Фрунзе (командир И. И. Лысов), партизанская группа М. М. Чернолуцкого и другие, которые своей боевой деятельностью не только наносили урон противнику в живой силе и технике, сеяли панику в его рядах, но главное — вселяли уверенность у трудящихся в скором освобождении от фашистских оккупантов, поднимали их на священную борьбу с захватчиками.

Партизанские отряды имени Щорса и имени Дзержинского

15 апреля получили донесение разведки о том, что со стороны села Чучулены на Лозово движется обоз врага из 150 подвод под прикрытием 100 кавалеристов и около 300 человек пехоты. Отряды организовали засаду на опушке леса. Внезапность огневого налета вызвала панику среди гитлеровцев. Кавалеристы, бросив обоз, ускакали в село Лозово, пехота пыталась спастись бегством. Партизанские пулеметчики расстреливали бегущих гитлеровцев. В результате боя было уничтожено 165 фашистских солдат и офицеров, разбит обоз с боеприпасами и снаряжением. Но и партизаны понесли тяжелую утрату. В самом конце боя недобитый фашистский офицер смертельно ранил командира отряда имени Щорса Г. А. Пасадова, который на следующий день скончался.

27 апреля группа партизан отряда имени Дзержинского под командованием А. Я. Галкина, идя на задание, встретила жителей села Садово, которые сообщили о бесчинствах гитлеровцев в селе и об угоне ими крестьянского скота. Партизаны, перерезав дорогу, в коротком бою перебили грабителей, отбили 60 голов крупного рогатого скота, домашние вещи крестьян и вернули их жителям села.

Партизанские отряды имени Фрунзе и «Журналист», действовавшие в сесенских и бравичских лесах, в апреле оказались почти на линии обороны противника, проходившей по реке Кула. Несмотря на соседство с передовыми частями гитлеровской армии, отряды, выросшие за счет местных жителей, вели активную боевую деятельность, срывая доставку боеприпасов и продовольствия на передовую линию обороны врага, уничтожая их связь. Для борьбы с партизанами гитлеровское командование в помощь жандармерии выделило регулярные войска. Отряды вынуждены были принять неравный бой. В жестокой схватке погибло 13 партизан и в их числе командир отряда «Журналист» М. В. Смелевский, комиссар отряда Е. П. Исайкин, комиссар отряда имени Фрунзе Н. Тетятко. В связи со сложностью обстановки партизаны под командованием И. И. Лысова в ночь на 30 апреля, преодолев минное поле, с боем перешли линию фронта и соединились с частями Красной Армии.

Партизаны в борьбе с оккупантами опирались на тесную связь с населением, которое обеспечивало их продовольствием, вело разведку, пополняло отряды. Одним из резервов пополнения партизанских отрядов были местные жители, уклонявшиеся от мобилизации в фашистскую румынскую армию и дезертировавшие из нее. В лесных массивах скрывались и бежавшие из фашистского плена воины Красной Армии, имевшие опыт боевых действий. Те и другие, поддерживаемые населением, различными путями вооружались и объединялись в партизанские группы, затем вливались в партизанские отряды, имевшие связь с Большой землей. Летом 1944 года в отряд под коман-

дованием М. Х. Жемадукова влилось 5 местных партизанских групп общей численностью в 60 человек с оружием, приобретенным ими у оккупантов. Организаторская группа В. П. Александрова — ядро будущего отряда имени Кутузова — после приземления в районе Лапушны смогла быстро собраться благодаря партизанскому отряду, созданному Павлом Павловичем.

Вступление местных партизанских групп в отряды и организаторские группы значительно сократило время изучения района боевых действий, так как местные партизаны хорошо знали местность.

После освобождения левобережных и северных районов Молдавии почти четыре месяца войска 2-го и 3-го Украинских фронтов вели бои местного значения, готовясь к новому наступлению. Утром 20 августа 1944 года войска этих двух фронтов при поддержке Черноморского флота и Дунайской флотилии перешли в наступление. 21 августа советские войска заняли город Яссы, выбили гитлеровцев из мощного опорного пункта Тыргу-Фрумос, 24 августа освободили столицу Молдавии Кишинев. В ночь на 25 августа войска фронтов замкнули кольцо, где были окружены 25 дивизий противника, из которых 18 были ликвидированы. 30 августа войска Красной Армии вышли на подступы к Бухаресту. За 11 дней оба фронта прошли до 320—350 километров, полностью освободили Молдавскую Советскую Социалистическую Республику, оказали огромное влияние на ход политических событий в Румынии.

В подготовке и проведении Ясско-Кишиневской операции войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов активную помощь оказали партизанские отряды, действовавшие в Кишиневском, Бендерском и Кагульском уездах Молдавской ССР.

Завершающий этап этой битвы за освобождение Советской Молдавии характеризовался нарастанием народной борьбы в тылу врага, повышением боевого мастерства партизан, дальнейшим укреплением связи с населением, совершенствованием взаимодействий партизан с Красной Армией. Несмотря на то, что партизанские отряды, действовавшие в северных и восточных районах республики, со стабилизацией линии фронта были расформированы, а под оккупацией оставалось менее половины территории республики, партизанская борьба в южных районах МССР летом 1944 года по силе, размаху и организованности значительно выросла.

Для оказания помощи партизанам ЦК КП (б) Молдавии и Украинский штаб партизанского движения приняли меры по дальнейшему развитию борьбы в еще занятых врагом районах республики. В июне 1944 года Молдавский отдел партизанского движения был переведен из Киева в Сороки. Его начальником был назначен полковник Я. А. Мухин. Молдавский отдел и представительства Украинского штаба партизанского движения при Военных советах 2-го и 3-го Украинских фронтов готовили и перебрасывали в южные районы МССР новые партизанские отряды и группы организаторов.

В июне 1944 года в тыл врага были переброшены отряд под командованием В. А. Шпака, организаторские группы И. И. Иванова, А. Л. Чабана, И. Т. Тюканько, А. И. Костелова, В. П. Александрова. На базе этих групп были созданы партизанские отряды имени Калинина, имени Котовского, «За честь Родины», имени Кутузова. В июле — начале августа в южные районы Молдавии перебрасываются партизанские отряды имени Котовского (командир А. В. Обушинский), имени Сталина (командир П. С. Бардов), имени Алешина (командир Я. А. Бовин), имени Лазо (командир М. А. Червоный — погиб и его заменил М. В. Кузнецов), имени Ворошилова (командир И. Е. Нужин), имени Фрунзе (командир И. В. Анисимов), организаторские группы под командованием Л. И. Диряева, М. Х. Жемадукова, А. Ф. Гурова, Г. Ф. Алмазова, Н. А. Лясоцкого, А. Г. Шевченко, И. К. Решетняка, на базе этих групп было создано 4 партизанских отряда и 3 отдельных диверсионно-разведывательных группы. 31 июля из Румынии в кишиневские леса перешел партизанский отряд под командованием С. С. Шевченко. В эти отряды и группы влились все местные партизанские группы, за исключением группы М. М. Чернолуцкого.

Следовательно, к середине августа, накануне перехода в наступление наших войск, на юге республики действовали 18 партизанских отрядов и три отдельные диверсионно-разведывательные группы, насчитывавшие в своих рядах свыше 1300 партизан, сотни разведчиков, проводников, связных из местного населения, которые формально в состав отрядов не входили, однако постоянно выполняли сложные задания и участвовали в ряде боев и засад. Часть из них отдала свои жизни в борьбе с фашистскими оккупантами за освобождение Советской Родины. Тысячи трудящихся оказывали помощь партизанам продовольствием.

Житель села Сарата-Мерешены Еремей Кугурлян по заданию партизан неоднократно проводил разведку в населенных пунктах, занятых противником, в том числе и в Кишиневе. В урочище Бэбынясы, недалеко от села Болчаны, жила семья лесника А. И. Маник. Все члены семьи — мать, жена, дочь, сын, тесть и два племянника — помогали партизанам: были проводниками, разведчиками, снабжали партизан продуктами, скрывали и лечили раненых партизан. Через их дом прошли десятки людей, искавших связи с партизанами, а затем вступивших в отряд. Особой любовью и уважением партизан отрядов имени Котовского и имени Калинина пользовался 69-летний житель села Юрьевка Чимишлийского района Андрей Григорьевич Апанасенко. Он укрыл 12 военнопленных, бежавших с этапа, спас от преследования десантную группу Л. И. Диряева, укрыл

и лечил двух раненых партизан, вел разведку, обеспечивал партизан продуктами. Нельзя забыть подвигов жительницы села Кетрошены В. Л. Варламовой, жителей села Садово Федора Тегиняна, Ивана Буздугана, героически погибшего 30 апреля при выполнении боевого задания, лесника Д. В. Чертеску.

Летом 1944 года партизанам пришлось действовать в сложных условиях прифронтовой полосы, насыщенной войсками противника. В селах, особенно прилегающих к лесным массивам, кроме гарнизонов жандармерии, находились тыловые части и части, отводимые на отдых, которые использовались врагом для борьбы с партизанами. Кроме них против партизан действовали специальные армейские части.

С 1 июля по 19 августа только соединениями 6-й немецкой армии западнее и юго-западнее Кишинева было проведено более 20 карательных экспедиций. В это время проводились прочески массивов силами жандармерии и частями румынской армии. Но все они кончались полным провалом. Противник нес большие потери, не достигая цели — уничтожения партизанского движения.

Партизаны, своевременно информированные населением о сосредоточении карателей, заранее готовились к боям, изменяли места дислокации, принимали меры к нанесению ударов по войскам карателей еще на дальних подступах, расширяли районы диверсионной деятельности.

О своем бессилии в борьбе с партизанами вынуждены были признаться и сами оккупанты. Командование 7-го немецкого армейского корпуса, в связи с провалом карательных экспедиций против партизан, доносило в штаб 6-й немецкой армии, что «путем проведения дивизиями отдельных операций против партизан в тыловых районах 370-й и 106-й пехотных дивизий... партизан уничтожить не удалось». А в журнале боевых действий 6-й немецкой армии в августе 1944 года было записано: «Западнее Кишинева постепенно образовался центр партизанского движения. Бессарабия с ее разнородными группами населения стала благоприятной почвой для... организации новых партизанских отрядов, которые, несмотря на все мероприятия румынских властей, продолжают оставаться господами положения».

Проводя карательные экспедиции против партизан, фашистские варвары часто впереди вооруженных до зубов гитлеровских молодчиков гнали безоружное мирное население. Это значительно осложняло положение партизан, вынуждало избегать боя, даже в случаях удачно складывавшихся для них обстоятельств. «Партизанам трудно вести бои с противником,— сообщало командование отряда имени Котовского,— когда он впереди своих цепей гонит беззащитное население. Отряд вынужден уклоняться от боя, сохраняя жизнь советских людей».

Для борьбы с партизанами гитлеровское командование создавало из изменников Родины лжепартизанские отряды, целью которых была компрометация перед населением подлинных советских патриотов. Такие отряды врывались в села и, именуя себя партизанами, грабили и насиловали мирных жителей, нападали на небольшие группы партизан. О деятельности лжепартизанских отрядов, в частности, указывается в журнале боевых действий 6-й немецкой армии: «9 июля 1944 года нашим партизанским отрядом (т. е лжепартизанским отрядом.— *Авт.)* в лесу южнее дороги Лапушна—Ганчешты в плен взято 5 партизан, один партизан убит». Только тайной полевой полицией фельдпоста 39423 было создано 13 лжепартизанских групп по 10—12 человек в каждой.

Несмотря на сложность обстановки, партизаны, действовавшие летом 1944 года на юге Молдавии, сумели оказать значительную помощь Красной Армии в период подготовки и проведении Ясско-Кишиневской операции.

Большое значение в усилении боевой деятельности партизан имело обращение ЦК КП (б) Молдавии к командирам и комиссарам, партизанам и партизанкам, действовавшим в тылу немецко-румынских захватчиков на территории Молдавской ССР, в котором говорилось о решении Пленума ЦК КП(б) Молдавии по быстрейшему восстановлению разрушенного хозяйства в освобожденных районах, об оказании помощи республике Советским правительством. Партизаны призывались к усилению ударов по врагу.

Партизанские отряды, обеспеченные радиосвязью, оказывали помощь Красной Армии разведданными о передвижении и сосредоточении войск, местах нахождения штабов, крупных складов, о строительстве оборонительных сооружений, сообщали и другие сведения. По разведданным партизан советская авиация неоднократно наносила удары по скоплению войск и техники противника. «Данные разведки партизан,— указывается в докладной записке начальника оперативного отдела представительства Украинского штаба партизанского движения при Военном совете 3-го Украинского фронта,— оказывали большую помощь при наступлении войск фронта».

Но главным в действиях партизан были различные формы вооруженной борьбы — от диверсионных актов до разгрома гарнизонов и сражений с подразделениями регулярных войск врага. Наиболее эффективными являлись засады и диверсии на коммуникациях противника. В засады, и в особенности на диверсии, как правило, выделялись небольшие группы партизан, обладающие исключительной маневренностью. Хорошее знание местности, помощь местного населения обеспечивали им скрытый подход к выбранному месту засады или диверсии, а в случае необходимости или неудачи — уход от преследования врага. Для обеспечения плотности огня группы вооружались пулеметами, автоматами, гранатами. Командирами

групп назначались опытные партизанские командиры, часто засадами руководили сами командиры, комиссары или начальники штабов отрядов. Так, начальник штаба отряда имени Котовского (командир И. Т. Тюканько) П. М. Старовойтов с четырьмя партизанами в районе села Мындрешты обнаружил двигающуюся по дороге колонну немцев приблизительно в 120 человек. Зная хорошо местность, П. М. Старовойтов выбрал удачное место для засады и расположил партизан по одному вдоль дороги. Когда гитлеровцы приблизились, по сигналу был открыт огонь из пяти автоматов. Враг растерялся, видимо, подумав, что попал в засаду большой группы партизан, бежал, оставляя убитых и раненых. Через полтора часа к месту засады подошел батальон гитлеровцев, но партизан, как говорится, и след простыл.

Наряду с засадами партизанские отряды успешно проводили диверсии на коммуникациях противника. Значение железнодорожных и автомобильных коммуникаций во время войны трудно переоценить. Не случайно, что уже в первой директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июля 1941 года перед партизанами была поставлена задача дезорганизации работы гитлеровского транспорта.

Организация диверсий — сложная и трудная форма борьбы. Она требует наличия средств и хорошо подготовленных людей. Техническими средствами партизанские отряды обеспечивали штабы партизанского движения. Опытные подрывники были в каждом отряде. Такие командиры подрывных групп и инструкторы миноподрывного дела, как А. И. Камышный, М. М. Реут, И. П. Тупиков, С. М. Майоров, М. З. Богданович, Л. В. Зотов, С. М. Иванов, Ф. А. Торопцев и другие, имели большой опыт выполнения диверсионных актов, приобретенный ими ранее в соединениях молдавских и украинских партизанских отрядов. Солидный опыт организации и проведения диверсий на коммуникациях противника имело большинство командиров, комиссаров и начальников штабов отрядов.

В первый период боевой деятельности на юге Молдавии диверсии проводились в основном на шоссейных и грунтовых дорогах. На партизанских минах в июне-июле было уничтожено более 130 автомашин.

Важное значение в выводе из строя коммуникаций на длительное время имело уничтожение мостов. Несмотря на их охрану, партизаны успешно справлялись с поставленными задачами. 18 июня группа Казбека Цегоева из отряда имени Дзержинского взорвала мост в районе с. Лозово. Движение по мосту было приостановлено на 6 суток. В ночь на 24 июня группой В. В. Гроцева из отряда имени Калинина был взорван мост через реку Ныркова. Движение прервалось на 15 суток. Группа под командованием М. А. Изгизитова взорвала мост северо-западнее с. Долна. Мост не был восстановлен до освобождения района войсками Красной Армии. 6 июля группа из отряда имени Котовского взорвала мост через реку Быковец у поселка Балан. 17 августа группа Ф. И. Жулинского из отряда Кутузова взорвала мост возле с. Ивановка.

Большой урон противнику наносили диверсии на железнодорожных коммуникациях. Летом 1944 года для обеспечения нужд фронта фашистское командование в основном могло использовать лишь железнодорожные линии Бендеры—Бессарабская—Рени и Бендеры—Бессарабская—Прут, которые имели выход на территорию Румынии. В конце июля на этой дороге партизаны разных отрядов организовали ряд крушений воинских эшелонов противника. Это не могло не обеспокоить фашистское командование. 2 августа в журнале боевых действий 6-й немецкой армии отмечено: «Вследствие выхода из строя железных дорог, вывоз раненых во время крупных оборонительных боев встретит существенные трудности».

На рассвете 20 августа 1944 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов приступили к осуществлению Ясско-Кишиневской операции. Штабы партизанского движения сообщили о переходе в наступление наших войск и поставили перед партизанами задачи препятствовать отступлению войск противника, предотвращать угон советских граждан в рабство и вывоз награбленного имущества.

Выполняя эти задачи, партизанские отряды усилили удары по врагу. В этот период многие партизанские отряды выходили в засады в полном составе. Успешно действовало в это время объединение партизанских отрядов командиров Л. И. Диряева, М. Х. Жемадукова, Н. А. Лясоцкого и А. Г. Шевченко. С 20 по 22 августа они организовали ряд успешных засад, в результате которых было уничтожено около 120 подвод и 5 автомашин противника с боеприпасами и военным снаряжением. 23 августа объединенные отряды заняли оборону между селами Митрополит и Липовены и удерживали участок до утра 25 августа — до подхода передовых частей Красной Армии. За два дня боев, сдерживая натиск отступавшего противника, объединенные отряды уничтожили 3 танка, бронетранспортер, 175 автомашин и 160 подвод с боеприпасами и военным снаряжением, 3 артиллерийских и 8 минометных точек, уничтожили более 250 и взяли в плен около 600 солдат и офицеров противника.

Партизанский отряд имени Ворошилова (командир И. Е. Нужин), действовавший в районе железнодорожных станций Прут и Яргора, тремя последовательными диверсиями 20 и 21 августа вывел из строя одноколейную магистраль, в результате противник не смог вывести в Румынию 18 эшелонов с техникой, боеприпасами и награбленным имуществом.

24 августа партизаны отряда имени Калинина под командованием И. И. Иванова юго-восточнее села Спариец совершили

смелый налет на артиллерийские батареи врага, которые вели огонь по наступающим войскам Красной Армии. Партизаны захватили 5 орудий, боеприпасы, две радиостанции и взяли в плен 150 солдат и офицеров врага.

Наряду с партизанскими отрядами успешно действовали и небольшие разведывательно-диверсионные группы. Группа А. Ф. Гурова с 21 по 24 августа уничтожила 2 бронетранспортера, 13 автомашин. 24 августа северо-западнее села Сарата-Мерешены гранатами и огнем из автоматов группа уничтожила расчеты четырех крупнокалиберных орудий врага.

С началом отступления фашистские войска еще больше ожесточили оккупационный режим на юге Молдавии. Гитлеровцы угоняли в рабство тысячи мирных жителей. 22 августа оккупанты пытались угнать за Прут жителей села Улму. Группа партизан отряда, возглавляемого В. А. Шпаком, под командованием начальника штаба отряда Г. Н. Стекольникова, организовав засаду у выхода из села, перебила и разогнала гитлеровцев, освободила советских граждан и возвратила в село захваченный оккупантами скот. Когда 23 августа через село Ларгуца гитлеровцы под конвоем гнали в рабство большую группу советских граждан, партизаны отряда имени Ворошилова произвели смелый налет на конвой. За несколько минут они уничтожили 33 гитлеровца, остальные разбежались. В результате было освобождено около 4500 советских граждан и отбито у врага более 200 подвод с имуществом, 400 лошадей и 300 голов крупного рогатого скота.

За 5 дней с начала наступления наших войск партизаны уничтожили 4 железнодорожных эшелона, 8 танков и бронетранспортеров, 20 орудий, 285 автомашин, 215 подвод, 2817 солдат и офицеров врага и взяли в плен 1708 гитлеровцев. Они спасли от угона в рабство более 43 500 граждан Советской Молдавии.

Уничтожая живую силу и технику врага, отвлекая на себя крупные силы противника, передавая командованию советских войск разведданные, партизаны, действовавшие на юге Молдавии, оказали Красной Армии серьезную помощь в завершении освобождения республики от фашистских захватчиков.

В мае—августе 1944 года партизаны на юге республики уничтожили свыше 11 000 вражеских солдат и офицеров, пустили под откос 13 воинских эшелонов, взорвали 9 мостов, уничтожили 25 танков и бронетранспортеров, около 400 автомашин и 700 подвод с боеприпасами и снаряжением. Они захватили большие трофеи. В книге «Ясско-Кишиневские Канны» дается высокая оценка боевой деятельности партизан Молдавии летом 1944 года. «Партизаны оказали нашим войскам, — говорится в ней, — значительную помощь, нанося удары по врагу на его важнейших коммуникациях: Бендеры—Бессарабская, Кишинев—Котовск, Кишинев—Яссы».

Казалось, пройдут многие десятилетия, прежде чем возродится опаленная войной земля. Но поистине неисчерпаемы силы нашего народа. Советские люди, засучив рукава, принялись за работу. И если сегодня Советская Молдавия стала республикой с передовой промышленностью, высокоразвитым сельским хозяйством, то это только благодаря преимуществам социалистического строя, братской помощи народов Советского Союза, героическому самоотверженному труду рабочих, колхозников, интеллигенции. И как в годы войны на линии огня, так и в мирные дни в первых рядах созидателей — бывшие партизаны. Многие из них стали партийными и советскими работниками, возглавили совхозы, колхозы, предприятия. Большинство же вернулось к станкам, на стройки, в полевые бригады, на фермы. Но где бы ни работали бывшие партизаны, куда бы ни направляла их партия — везде они показывают пример служения социалистической Отчизне. Они вносят достойный вклад в развитие народного хозяйства Молдавии. У многих из них на груди рядом с боевыми наградами сияют ордена и медали, завоеванные в мирном труде.

В лесах Молдавии

Д. А. ФАДЕЕВ,
бывший комиссар отряда имени Сталина

Прошло уже три десятилетия, но в памяти хорошо сохранились события грозных военных лет. Передним краем для меня и моих боевых товарищей был в то время тыл врага.

...После успешных весенних боев на фронте наступило временное затишье. Но тишина была обманчивой. Готовилось крупное наступление советских войск. И нужны были точные разведданные о силах противника, расположении его обороны, передвижении отдельных частей.

В связи с этим в мае 1944 года ЦК Компартии Молдавии совместно с командованием 2-го Украинского фронта срочно сформировали для заброски на оккупированную территорию Молдавии несколько партизанских отрядов: имени Сталина, Калинина, Фрунзе, Котовского, Алешина и другие. Главной задачей их было вести разведку и совершать диверсионные акты.

Отбор был тщательный, брали только тех, кто хорошо знал местность, имел опыт борьбы в тылу врага. В наш отряд имени Сталина, где командиром был П. С. Бордов, а я комиссаром, вошли бывшие партизаны из 1-го Молдавского соединения и жители районов республики, еще не освобожденных от фашистских захватчиков.

Во время перелета через линию фронта наш самолет попал под ураганный огонь вражеских зениток. Вдобавок за нами погналось несколько «мессершмиттов». Однако летчикам все-таки удалось выбросить отряд на территории Чимишлийского района.

И надо же — попали в расположение фашистского гарнизона. Завязался бой.

Но недаром говорят: у страха глаза велики. Фашисты приняли нас (в отряде было всего 25 человек) за крупный армейский десант, у них началась паника. Этим мы и воспользовались. Захватив несколько лошадей, двинулись в направлении сел Гыртоп и Порумбрей.

Утром новое испытание — началась облава. Нас атаковали около 150 гитлеровцев. В неравной схватке героически погиб

Ф. Жигня — уроженец села Варзарешты Ниспоренского района, несколько партизан получили ранения. Но все же удалось оторваться от преследователей и укрыться в лесу.

На месте боя, недалеко от сел Порумбрей и Липовены, теперь возвышается обелиск, на котором изображен парашют и сделана надпись: «Десантному отряду имени Сталина, храбро сражавшемуся на этом месте».

Дорого обошлось оккупантам столкновение с партизанами — 43 гитлеровца были убиты, несколько десятков ранено.

Позже отряд перебазировался на территорию Котовского района. Наши боевые операции наводили страх на врага. Вспоминается бой на дороге, идущей через лес от Лапушны на Котовск. Он был коротким. Фашисты, застигнутые врасплох, разбежались. В результате засады был захвачен вражеский обоз из 36 подвод с оружием, боеприпасами и продовольствием.

В этом бою особенно отличились начальник штаба Я. Овсенков, который сейчас живет и работает в Новоаненском районе, П. Шеенко, командир подрывной группы, разведчик И. Белеко — ныне он заведует фермой в колхозе имени Дзержинского Рыбницкого района, А. Воцовский, работающий сейчас преподавателем Резинской средней школы.

Хочется отметить также боевые заслуги нашей радистки Раисы Семеновны Румянцевой — научного сотрудника одного из Московских научно-исследовательских институтов. Благодаря ей была обеспечена ежедневная связь со штабом 2-го Украинского фронта и ЦК Компартии Молдавии. Заботливо ухаживала за ранеными Клавдия Чепурко, которая сейчас работает в Кагульской больнице.

Несмотря на сложность обстановки, большую насыщенность войск (ведь эта была Ясско-Кишиневская группировка), наш отряд успешно выполнил свои задачи: передал много ценных сведений разведывательного характера и нанес большой урон противнику в живой силе и технике. Мы были горды и счастливы, когда узнали, что освобождена столица Молдавии — Кишинев. Ведь в этой большой победе была частица и нашего партизанского труда.

Один из одиннадцати...

А. М. МИСОЧНИК,
подполковник запаса

Когда в июньское утро 1941 года над кишиневским небом пролетали первые вражеские самолеты с черными крестами, фашистскими свастиками, сбрасывая свой смертоносный груз, на другом конце нашей Родины — на восточной границе — во Владивостоке была ночь. Рядовой береговой зенитной батареи Тихоокеанского флота Александр Бирюков в эти часы нес вахту. И когда до него дошла весть о начале войны, он сразу же решил:

— Поеду на фронт!

Солдат пишет рапорт командованию. Но в просьбе отказывают — он нужен и здесь.

Проходят тревожные недели, месяцы. Бирюков продолжает прилежно нести военную службу. Но мысль поехать на фронт не покидает его.

Александр вторично пишет рапорт. Просит, настойчиво доказывает, что его место только там, на передовой...

Наконец настойчивость побеждает: в один из декабрьских дней 1942 года Бирюкова отправляют на фронт.

...Дальневосточник Александр Бирюков попадает в 105-й стрелковый полк 34-й гвардейской стрелковой дивизии. Под Ростовом она приняла в свои ряды пополнение с Дальнего Востока, Сибири и Урала.

Славный путь прошел Бирюков в рядах этого соединения от Калача на Дону, освобождая Донбас, Украину, Молдавию... Забегая вперед скажем, что дивизия была награждена несколькими боевыми орденами, в том числе Александра Суворова.

...Весною 1944 года части этого гвардейского соединения подошли к речушке Турунчук около села Глиное. Путь к этому большому молдавскому селу, утопающему в садах и виноградниках, расположенному в пойме Днестра, был очень трудным. И задача перед гвардейцами стояла сложная: форсировать Днестр и захватить на правом берегу одну из важных высот, господствующую над окружающей местностью, и удержать ее

до подхода основных сил. С ее овладением нашим частям расчищался путь вперед. Понимая это, немцы удерживали рубеж. Для овладения высотой необходим был смелый и внезапный маневр. О том, как была осуществлена эта операция, в которой подлинный героизм проявили одиннадцать гвардейцев, мне рассказал один из ее участников сержант Александр Бирюков.

— В ночь с 17 на 18 апреля в штаб дивизии вызвали нас одиннадцать человек: лейтенанта, коммуниста Бориса Васильева-Кытина, старшего сержанта санинструктора Георгия Рыжова, сержантов Николая Чечулина, Федора Жилу, Пантелеймона Гнучего, меня и рядовых Григория Коробова, Василия Ломакина, Александра Балабаева, Талиба Нуркаева и Владимира Глазунова. Встретил нас сам полковник Брансбург, командир дивизии, и поставил перед нами задачу:

— Необходимо переправиться через Днестр и во что бы то ни стало на правом берегу реки занять плацдарм. Вот тут, — и он показал пальцем на точку на карте.

Мы запомнили цифру, обозначающую номер высоты — 107.

— Понятно? — спросил вновь генерал.

— Все ясно! — почти хором ответили все мы.

На рассвете первыми форсировали Днестр я и пулеметчик Григорий Коробов. Оба мы выросли на реках в Сибири, умели хорошо плавать и грести.

Было темно и тихо. Только изредка тишину нарушали плеск воды и глухие ночные шорохи.

Вдруг взвились ракеты, и немцы открыли огонь. Вокруг нас визжали пули, от них булькала вода. А мы гребли изо всех сил и наконец достигли берега.

Когда выстрелы стихли, мы отправили лодку к своим. Она совершала рейс за рейсом, с одного берега на другой. Когда лодка совершила свой последний рейс, на ней уже не было, что называется, живого места — вся она была изрешечена пулями.

Немцам удалось нас обнаружить, и они открыли ураганный пулеметный огонь и пошли в атаку. Но и мы не молчали. Дружно застрочили и наши пулеметы. Гитлеровцы побежали вниз по северному склону высоты. Там их встретили огнем из засады Коробов, Жила, Балабаев. Остальные бойцы во главе с лейтенантом Васильевым-Кытиным направились к западному склону высоты, чтобы атаковать гитлеровцев с тыла.

Уже несколько часов длился бой за высоту. Над ней продолжало развеваться водруженное нами Красное знамя. Особенно храбро и умело действовал солдат Василий Ломакин, в упор расстреливавший из своего окопчика бросавшихся на него фашистов. Впрочем, каждый из нас дрался за десятерых. Нужно было удержать высоту до подхода основных наших сил.

На исходе были боеприпасы. Лейтенант приказал мне, Глазунову, Нуркаеву, Ломакину ползти к кустарникам и подо-

брать оружие уничтоженных гитлеровцев. Мы принесли на высоту около 20 винтовок, автоматов, много патронов. Между тем враг предпринял еще одну атаку. У подножья высоты показалась цепь фашистов. Они не маскировались, подчеркивая этим свое превосходство. Но в них вновь полетели гранаты, застрочили пулеметы. Атака захлебнулась.

Против нас, одиннадцати человек, дрались десятки немецких солдат и офицеров. За 36 часов мы отбили 17 контратак. Как потом стало известно, в это утро полегли две вражеские роты.

Утром, на второй день, в самый разгар очередного боя, были ранены лейтенант Борис Васильев-Кытин, солдат Александр Балабаев и сержант Пантелеймон Гнучий. Но бой мы продолжали. Руководство им принял на себя старший сержант Георгий Рыжов.

— Геройски погиб рядовой Василий Ломакин, — продолжал свой рассказ Бирюков. — Когда ранили нашего командира, Ломакин крикнул своему другу Владимиру Глазунову: «Выноси лейтенанта! Мы отомстим за него!»

Увлеченный преследованием врага, Василий вырвался далеко вперед и попал в немецкое расположение. Гитлеровцы пытались взять его живым. Но Ломакин огнем из автомата отбросил их. Однако силы были явно неравными, к тому же кончились патроны. Раненый боец, истекавший кровью, подпустил к себе вплотную фашистов. Когда они окружили его со всех сторон, он снял предохранитель с последней оставшейся у него гранаты...

Когда мы подбежали к нему, Василий уже был мертв. У его окопа лежало более десятка трупов вражеских солдат.

Мы удержали высоту 107. Реку уже форсировал 105-й полк 34-й гвардейской стрелковой Енакиевской Краснознаменной дивизии. Среди переправившихся был и комдив. Он крепко обнял и расцеловал нас.

— Дорогие мои, — обратился полковник Брансбург к нам.— Вы заслужили высшей награды Родины— звания героев. Ходатайство я уже подписал.

Затем я с друзьями на лодке переправил к своим в тыл Васильева-Кытина и других раненых.

Боевого нашего друга Василия Ломакина с почестями похоронили на высоте. Сейчас высота 107, расположенная рядом с молдавским селом Раскайцы, носит имя советского солдата Василия Ломакина.

— Действительно, — закончил свое повествование сержант Бирюков, — вскоре Указом Президиума Верховного Совета СССР одиннадцати гвардейцам было присвоено звание Героев Советского Союза, в том числе Василию Ломакину посмертно.

Овеянным славой воинам 34-й стрелковой гвардейской дивизии довелось освобождать города и села Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии.

В один из летних дней 1944 года в дивизию приехал представитель национального комитета освобождения Франции Пьер Кот. Ознакомившись с подвигом одиннадцати гвардейцев на безымянной высоте, он сказал:

«Это отделение — самое смелое в Европе и в мире».

С такой величайшей оценкой совершенного подвига оно и вошло в историю Великой Отечественной войны.

Военный путь Героя Советского Союза Александра Ивановича Бирюкова окончился 9 мая 1945 года за Веной. В июле 1946 года он возвратился на Родину. Коммунист Александр Бирюков, награжденный звездой героя, орденом Ленина, медалями «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией», после демобилизации закончил Алтайский элеваторный техникум и работал по специальности.

В 1955 году ушел на пенсию, живет в городе Люберцы под Москвой.

...В 1964 году накануне дня Победы Александр Иванович побывал в гостях в Молдавии. В Кишиневе произошла волнующая встреча. Среди гостей оказался и гвардии сержант Пантелеймон Афанасьевич Гнучий. Крепко обнялись два героя, насмерть сражавшихся на высоте 107. Они побывали на местах прежних боев.

Там, где землю прорезали траншеи и окопы, они увидели цветущие сады и зеленеющие виноградники. Теперь на этой земле колхозники выращивают богатые урожаи. Уже не боевую, а мирную трудовую вахту несут здесь советские люди.

И они всегда помнят о гвардейцах-освободителях. Комсомольцы, пионеры-следопыты Суворовского района, на территории которого находится высота 107, разыскали тех, кто совершил бессмертный подвиг. Лейтенант Борис Васильев-Кытин работает в Астрахани. Сержант Федор Жила отыскался в Калининграде, Пантелеймон Гнучий — на Львовщине, старший сержант Георгий Рыжков прислал письмо из Алма-Аты. В Башкирии работает Талиб Нуркаев, а в Ленинграде живет Владимир Глазунов...

У строгого обелиска, на котором золотом блестят одиннадцать звезд, на высоте Василия Ломакина всегда пламенеют цветы.

Подвигу жить в веках

П. ДОРОНИН,

генерал-майор запаса

А. КУТЫРЕВА,
Б. БЕЛЕНЬКИЙ, А. РОЖНОВ

Годы берут свое. Поседели ветераны. Нет-нет да и напоминают о себе старые раны. Но когда разговор заходит о сражениях Отечественной войны, о боях, в которых им довелось драться, ветераны словно молодеют. Да это и понятно. Для них, вынесших на своих плечах тяжесть кровопролитной войны, все, что связано с нею, навсегда остается незабываемым.

Накануне

Март-апрель 1944 года. Необычно дождливая, слякотная весна. Бездорожье, густые липкие туманы. Вздувшись, бурлят реки. Даже маленькие речушки превратились в труднопреодолимые преграды. В этих условиях войска 2-го и 3-го Украинских фронтов осуществляли первый этап освобождения Молдавии.

26 марта стало одним из знаменательных дней Великой Отечественной войны: войска 2-го Украинского фронта, развивая наступление, вышли на восьмидесятипятикилометровом участке к реке Прут — государственной границе СССР. В это же время войска 3-го Украинского фронта, преследуя врага на Тираспольском направлении, с ходу форсировали Днестр и закрепились на правобережных плацдармах. Освобождением Тирасполя, Рыбницы, Резины, Оргеева, Бельц, ряда других городов и сел республики завершился первый этап освобождения Молдавии. Линия фронта стабилизировалась. Войска перешли к активной обороне. Началась разработка планов крупнейшей наступательной операции.

Были тщательно изучены система обороны противника, силы врага, их расположение. Вопросам предстоящего наступления была подчинена вся партийно-политическая работа в войсках.

Большое внимание уделяли командиры и политработники

пришедшему пополнению. Много делалось для укрепления партийной прослойки в войсках. О количественном росте членов партии говорят такие цифры. Только за три месяца, предшествовавших наступлению, в войсках фронта было принято в партию около восемнадцати тысяч солдат и офицеров.

О том, с какой тщательностью разрабатывался план предстоящей операции, бывший член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант в отставке Ф. Е. Боков рассказывал:

— Под руководством командарма генерал-лейтенанта Н. Э. Берзарина, с учетом соображений и предложений командиров и штабов соединений, был определен характер действий войск на каждом этапе предстоящего наступления. Рассмотрев различные варианты плана операции, Военный совет принял принципиальное решение, которое нашло свое отражение в детально отработанных штабом армии оперативных документах. После их утверждений Военным советом документы были доведены до начальников родов войск, командиров и политорганов частей и соединений.

Одновременно политический отдел армии разработал содержательный план партийно-политического обеспечения наступления, развернув большую массово-политическую работу среди воинов, мобилизуя их на успешное выполнение боевой задачи.

— Мне довелось быть свидетелем,— делился своими воспоминаниями бывший член Военного совета Черноморского флота, вице-адмирал в отставке И. Азаров,— поистине огромной, напряженной работы личного состава флота по подготовке к наступательной операции. Был глубоко изучен опыт прошедших наступательных боев, все лучшее из прежних сражений...

Еще один характерный штрих: в те дни особенно много поступало заявлений о приеме в партию. Эти заявления звучали как клятва: «Идя в бой, я хочу быть коммунистом... Клянусь, что с честью докажу преданность Родине, партии, народу».

...Местность, на которой предстояло вести наступательные бои советским войскам, была удобна для вражеской обороны. И гитлеровцы, понимая это, сделали все возможное, чтобы создать здесь глубоко эшелонированный заслон. На Ясском направлении, к примеру, фашисты создали четыре оборонительных рубежа. Три линии долговременных огневых точек были построены по всему протяжению других участков фронта.

Сейчас, обращаясь к прошлому, по-новому оцениваешь события тех дней. То, что тогда казалось обыденным, повседневным, ныне справедливо можно назвать подвигом. Разве не подвигом был ратный труд разведчиков, обеспечивших штабы данными о вражеской обороне?

Судя по сводкам Совинформбюро, в те дни на юге царило затишье. Однако те, кто прошел войну, знают, что такое фрон-

товое затишье. За ним — напряженная работа командиров и штабов, поиск путей к победе, решения сложнейших стратегических и тактических задач.

Такое затишье в середине августа переживали оба Украинских фронта. Между тем, час наступления приближался. Вечером 19 августа на передовой наблюдательный пункт 2-го Украинского фронта прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Тимошенко. В войсках был зачитан приказ о наступлении.

Шесть часов ноль пять минут. Горизонт медленно окрашивается восходящим солнцем. Звенящая утренняя тишина...

Шесть часов десять минут. Громовой раскат залпа звучит над участком прорыва. Четыре тысячи орудий возвестили о начале Ясско-Кишиневской битвы.

Вперед, на Кишинев!

Огненный вал, сокрушая укрепления врага, сметая все на своем пути, через полтора часа перешагнул на второй огневой рубеж. В 9 час. 45 мин стрелковые соединения 3-го Украинского фронта вслед за танками устремились вперед.

Бойцы, сержанты, офицеры сердцем восприняли каждую строку обращения Военного совета фронта. Движимые единым порывом, они стремительно продвигались вперед, пядь за пядью освобождая молдавскую землю.

Уже в первые два дня наступления на 2-м Украинском фронте войска 27-й и 52-й армий вклинились в оборону противника на глубину 25 километров. Не менее успешным был прорыв на участке 3-го Украинского фронта. «Никогда, пожалуй, за время боевых действий фронта,— говорилось в донесении политуправления фронта,— атака не была такой стремительной, как это было 20 августа...» Уже к исходу 21 августа на направлении главного удара 37-я армия Героя Советского Союза генерала М. Шарохина и 46-я армия генерала И. Шлемина продвинулись до 30 километров. А 24 августа танковые соединения 2-го Украинского фронта и два мехкорпуса 3-го Украинского фронта замкнули кольцо окружения вокруг основных сил вражеских армий.

А в это время части 5-й ударной армии двигались в направлении на Кишинев. Впереди главных сил наступали передовые отряды каждой дивизии. Наступавший через Шерпены, Чимишены, Новые Чеканы передовой отряд 32-го стрелкового корпуса возглавлял подполковник Я. К. Новак. Образцы мужества показали бойцы батальона, которым командовал М. Савченко. Подразделения 1374-го Краснознаменного полка 416-й стрелковой дивизии на рассвете вышли к окраинам Кишинева. Левее вел наступательные действия передовой отряд 295-й стрелковой дивизии, которой командовал Герой Советского Союза

М. Золотухин. Стремительно двигались вперед отряды 60-й, 89-й и 94-й гвардейских дивизий. Штурм города начался.

— В моей памяти,— поделился своими воспоминаниями бывший заместитель командира 180-го полка Я. Филановский,— навсегда останется зарево над городом. Горел вокзал. Горели и рвались цистерны с горючим...

В числе первых с севера на улицы столицы республики ворвались бойцы первого батальона 273-го гвардейского стрелкового полка под командованием Героя Советского Союза капитана А. Бельского. Это он со своим батальоном, преодолевая упорное сопротивление, пробился к центру города и водрузил там Красное знамя.

Освобождением Кишинева наступательные операции не завершились. Войска 37-й, 57-й, 5-й ударной армий и армий 2-го Украинского фронта продолжали ожесточенные бои по уничтожению окруженных войск противника.

Об одном из таких боев рассказал Герой Советского Союза, бывший командир 301-й стрелковой дивизии, генерал-майор запаса В. Антонов:

— Дивизии, которая сыграла важную роль в рассечении одной из фашистских группировок, была поставлена задача блокировать окружение врага, не допустить его прорыва.

Всю ночь продолжался этот беспримерный по мужеству, кровопролитный бой. Когда противнику удалось прорваться к командному пункту одного из полков, его командир полковник А. Епанещников вместе с ротой автоматчиков бросились врукопашную. Раненые не покидали поля боя. Атака противника была отбита. Ни один фашист не прорвался через боевые порядки полка.

Так дрались советские воины на всех этапах Ясско-Кишиневской операции.

В этих боях с особой силой проявилась зрелость советских военачальников, желание бойцов в кратчайший срок полностью освободить родную землю от захватчиков.

Залог наших побед

Для нашей страны Великая Отечественная война явилась суровой проверкой крепости нашего общественного и государственного строя. Этот серьезнейший экзамен в трудных условиях войны советские люди выдержали благодаря ленинской партии и ее Центральному Комитету. Все народы нашей страны доблестью и кровью на фронтах, беззаветным трудом в тылу вносили свой вклад в дело победы.

...В ходе боев разведчики 5-й ударной армии среди прочих документов захватили любопытный трофей. Это была книга под названием «Политическое воспитание в Красной Ар-

мии», изданная ведомством рейхсфюрера СС Гимлера специально для командиров фашистских войск. В предисловии к брошюре говорилось: «Издание такой книги преследует две цели: во-первых, она помогает нам понять, каким образом большевикам удалось сделать из людей Советского Союза таких опасных для нашей армии врагов;

во-вторых, пример политического воспитания солдат нашего врага должен побудить нас к усилению политического воспитания солдат нашей армии еще более совершенными методами, чем в Красной Армии.

В противоположность армиям всех небольшевистских стран, Красная Армия является армией высокого политического воспитания. Ее особенность и опасность состоит в том, что под политическим воздействием находится вся армия. Его влияние на боеспособность солдат оказывается больше, чем все военно-техническое обучение».

Что же, признание врага о многом говорит.

Родина! Партия! Народ! Эти мобилизующие слова звучали в дни войны с особой силой. Они звали на подвиг, воодушевляли бойцов, ковали победу.

Единство народов Страны Советов, поднявшихся на защиту своей социалистической Родины, было одним из решающих факторов нашей победы. Оно проявлялось в ходе всей Отечественной войны, оно нашло свое отражение и в боях за освобождение Молдавии.

— Мне вспоминается эпизод, — рассказывал генерал-лейтенант в отставке Ф. Боков. — Последние дни перед наступлением на Кишинев я был в 416-й дивизии. Поскольку большинство ее бойцов и офицеров были уроженцами Азербайджана, дивизию называли «азербайджанской». Я предложил командиру дивизии генералу Сызранову провести ночной поиск для уточнения состава войск и намерений противника. Разведка была поручена полку В. Куркацишвили. Задание ответственное, кого же послать в разведку? Вызвали добровольцев из коммунистов... Каково же было наше удивление, когда, выйдя из блиндажа, мы увидели целый отряд бойцов. Генерал Сызранов даже вскипел: «Почему оставили позиции, что за митинг?»

Выяснилось, что здесь собрались те, кто добровольно вызвался в ночной поиск.

— Все коммунисты? — спросил начальник политотдела дивизии полковник Меджидов.

— Все за партию! — послышался ответ.

За партию! С этими словами шли в бой, освобождая молдавскую землю, солдат из Татарии Шарифзян Казанбаев, азербайджанец майор Бахты Мехти-оглы Махтиев, таджик Бабаев, парторг батальона Кулинкур Усанбаев и многие другие.

— Мне вспоминается,— рассказывал генерал-майор запаса В. Антонов,— эпизод. Передовые части дивизии только что

освободили село Малаешты. Спустя некоторое время мне сообщили, что прибыла делегация от местных крестьян. Старший из делегатов доложил: «Все мужское население построено и просит зачислить в ряды действующей армии».

— Труженики Молдавии с радостью и любовью встречали освободителей,— рассказал на встрече генерал-майор запаса С. Фомиченко. — Хорошо помню, как встречали солдат и командиров нашей дивизии в селе Старые Дубоссары. Запомнилось и то, как кишиневские рабочие и железнодорожники вместе с нашими солдатами героически спасали подожженные врагом эшелоны с продовольствием. Сами полуголодные, рабочие Кишинева стремились отдать эти продукты советским воинам, продолжавшим стремительное наступление к реке Прут.

29 августа на восточном берегу Прута прозвучал последний выстрел. Окружением и ликвидацией крупной группировки противника, полным очищением междуречья Днестра—Прута завершилось освобождение Молдавии. Молдавский народ пережил мрачное трехлетие фашистского ига. Он никогда не мирился с неволей. В трудные годы оккупации на территории республики не прекращались партизанское движение, деятельность подпольных коммунистических организаций. Отступая под ударами советских войск, фашисты мстили непокоренному народу. Кишинев и Оргеев, Бендеры и Тирасполь были превращены в руины, тысячи людей погибли в застенках, прямой ущерб, нанесенный Молдавии, составил более 16 миллиардов рублей.

Едва смолкли последние залпы, как труженики Молдавии с помощью всего советского народа взялись за восстановление народного хозяйства.

— После войны мне не раз довелось бывать в Молдавии,— рассказывал бывший начальник политуправления 3-го Украинского фронта И. С. Аношин,— и я своими глазами видел, как возрождалась республика, как хорошела ее столица, отстраивались разрушенные врагом Бендеры, Тирасполь, Бельцы. Край сильно пострадал от войны. Но народ нашел в себе силы преодолеть разруху и добился таких замечательных успехов.

Герои молдавской земли

А. А. КОРЕНЕВ,
кандидат исторических наук

Развязывая кровопролитную войну, главари третьего рейха рассчитывали подорвать основы советского общественного и государственного строя, вызвать раздор и вражду между народами СССР. Но планы врага потерпели крах. В годину суровых испытаний трудящиеся всех национальностей нашей страны еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. Проявив высокий патриотизм, горячую любовь к социалистической Родине, все нации и народности внесли достойный вклад в общее дело победы над врагом.

Боевое содружество советских народов нашло яркое выражение и в боях за освобождение Молдавии от фашистских захватчиков. Весной и летом 1944 года в них приняли участие 17 армий, объединявших в своих рядах свыше миллиона человек— посланцев всех союзных республик. Советские воины, не жалея сил и самой жизни, яростно сражались за каждую пядь родной земли. История боев за Молдавию полна примеров массового героизма.

20 марта 1944 года при форсировании Днестра в районе Атак беспримерное мужество проявили бойцы мотострелкового батальона второй мотобригады 5-го мехкорпуса под командованием старшего лейтенанта Н. П. Матвеева. Преодолев Днестр на подручных средствах, они с ходу захватили господствующую высоту, отразили более 15 контратак противника и обеспечили переправу основных сил бригады. За этот подвиг многие воины батальона награждены орденами и медалями, а старшие лейтенанты Н. П. Матвеев и В. У. Нетесов, сержант Н. Д. Шалимов, младший сержант В. В. Завалин, рядовые П. Н. Гранкин, И. П. Дениченко и П. Н. Дубина удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

36 часов вели бой на высоте в районе села Раскайцы Суворовского района одиннадцать гвардейцев 34-й гвардейской стрелковой дивизии 46-й армии, которыми командовал лейтенант Б. С. Васильев-Кытин. Преодолевая огромные трудности,

они успешно отразили семнадцать вражеских контратак, истребили до двух рот фашистов и удержали высоту в своих руках. Все одиннадцать воинов получили звание Героя Советского Союза.

А после освобождения села Гура-Быкулуй этой чести удостоились 18 солдат и офицеров 57-й армии, в том числе коммунисты И. И. Морозов, М. А. Ралдугин, комсомольцы И. А. Кузнецов, Н. Г. Невгодовский, беспартийные И. С. Коряковский и В. Ф. Сербулов. Наши воины нанесли противнику серьезные потери.

Вместе с русскими и украинскими братьями в сражениях на молдавской земле образцы высокого воинского мастерства, доблести и героизма показали многие сыны народов СССР. Так, сапер 15-й гвардейской стрелковой дивизии старший сержант А. Х. Мелконян при форсировании Днестра вблизи села Варница за ночь пятнадцать раз переправлялся через реку, из них тринадцать — под непрерывным обстрелом. А всего в ходе боев он совершил 144 рейса и доставил на правый берег около 1000 солдат и офицеров.

Поразительную стойкость и бесстрашие проявил в бою у села Старые Негурены Фалештского района сын узбекского народа рядовой Нарзе Раджабов. Его меткие пулеметные очереди нанесли врагу большой урон. При отражении очередной атаки у пулеметчика кончились патроны. Фашистам удалось ворваться в наши траншеи. Но Раджабов не растерялся: он схватил пулемет и бросился на врагов. Воодушевленные поступком товарища, советские воины смяли вражескую группу.

В кровопролитной схватке у села Чеколтены Оргеевского района неувядаемой славой покрыл себя воин из Татарии старшина коммунист Ш. Казанбаев, который ценой собственной жизни спас полковое знамя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Андрею Хачиковичу Мелконяну, Нарзе Раджабову и Шарифзяну Казанбаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

С беспредельным мужеством и героизмом сражались советские воины и летом 1944 года, завершая освобождение Молдавии от фашистских оккупантов. Есть в Дубоссарском районе Долина Марии. Это место названо так в честь летчицы М. Кулькиной, погибшей здесь в воздушном бою. Русская девушка, родившаяся на берегах Волги, стала героиней молдавского народа.

Яркой страницей в летопись военных лет вошли подвиги старшего сержанта Нотбая Аманжулова и гвардии сержанта Хафиса Зарипова. Н. Аманжулов был пулеметчиком 2-го отдельного гвардейского пулеметно-артиллерийского батальона. При форсировании Днестровского лимана в ночь на 22 августа он со своим отделением успешно пробился к берегу, проделал проход в проволочном заграждении и стремительным броском вор-

вался во вражеские траншеи. Наши солдаты уничтожили дзот противника вместе с расчетом, подавили станковый пулемет, захватили 75-миллиметровое вражеское орудие.

Разъяренные фашисты пошли в атаку, но отделение Аманжулова встретило их губительным огнем. Несколько часов продолжался ожесточенный бой. Нотбай был ранен, но не ушел в санчасть.

В жарком сражении с фашистами командир отделения станковых пулеметов сержант Хафиз Зарипов израсходовал все гранаты и патроны. В этот момент противник открыл сильный огонь по нашим катерам, проходившим по лиману. Нужно было спасать боевых товарищей. И Зарипов сделал это ценой собственной жизни — своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота.

До недавнего времени было известно, что в первый день Ясско-Кишиневской операции три советских воина: командир роты 468-го стрелкового полка лейтенант Алексей Шемигон, пулеметчик 21-го стрелкового полка младший сержант Александр Шевченко и командир отделения 59-й гвардейской стрелковой дивизии Петр Банников — повторили подвиг Александра Матросова. Изучение архивов Министерства обороны СССР позволило установить, что такой же героический поступок совершил командир отделения 127-й отдельной армейской роты старший сержант Михаил Санников. Вот как это произошло.

20 августа при прорыве сильно укрепленной обороны противника в районе села Талмаз Санников ворвался в траншею врага. Товарищи Санникова были ранены и отстали. А сам он сумел подобраться к дзоту и, напрягая последние усилия, забросал его гранатами. Но пулемет не умолкал. Тогда отважный боец бросился на амбразуру.

Героически сражались советские воины в ходе развернувшегося наступления.

Под натиском наших войск фашисты отступили к переправе через Прут. В рядах 252-й стрелковой дивизии был и первый номер противотанкового ружья рядовой Федор Шабашов. Гитлеровцы упорно обороняли мост. Они сосредоточили здесь танки, орудия, значительные силы пехоты. Заняв выгодную позицию, Шабашов открыл огонь по врагу. Ему удалось подбить два танка и три орудия. Наши пехотинцы пошли в атаку и захватили мост.

А Павел Свистов, прославивший свое имя на молдавской земле, воевал в пешей разведке 928-го стрелкового полка. 23 августа Свистов вел к переднему краю стрелковый батальон, по которому фашисты открыли сильный огонь. Разведчик Свистов с ручным пулеметом дерзко и стремительно бросился на врага. Его примеру последовали несколько бойцов. На плечах отступавшего противника храбрецы ворвались в село Балаурешты. Здесь они обнаружили большой обоз и колонну автомашин. Свистов подполз на близкое расстояние и стал в упор расстреливать фашистов.

Подвиги Федора Шабашова и Павла Свистова были оценены по заслугам — они стали Героями Советского Союза.

В списках воинов, отличившихся во время Ясско-Кишиневской операции, немало и уроженцев Молдавии. Смело и находчиво действовал в бою у села Мерешены заряжающий орудия рядовой Г. Шляхтич, призванный в армию из села Спея Тираспольского района. В разгар боя его товарищи были ранены, но воин, оставшись один, продолжал вести огонь. Он лично уничтожил четыре 75-миллиметровых орудия, семь автомашин, 13 повозок и около 40 гитлеровцев. Мужественный артиллерист удерживал позиции до прихода основных сил.

Ныне нам известны имена 153 Героев Советского Союза — представителей 13 национальностей СССР, совершивших подвиги на территории Молдавии в 1941—1944 гг. Только в августовских боях 1944 года было награждено орденами и медалями около 20 тысяч солдат, сержантов и офицеров и 66 частей и соединений 2-го и 3-го Украинских фронтов. Более 150 соединений и частей получили почетные наименования, а 26 из них стали называться «Кишиневскими».

Так сражались в боях за Родину советские воины — сыны и дочери всех народов нашей страны. Сотни мемориальных комплексов, памятников, монументов, обелисков, установленных на местах былых сражений, братские могилы, за которыми любовно ухаживают местные жители, — это глубокая дань уважения советским воинам-освободителям.

Храбро сражались целые подразделения, сформированные из молдаван. Об одном из них, 54-м штурмовом инженерно-саперном батальоне, участвовавшем в боях при прорыве обороны противника в районе села Талмазы Каушанского района, командир 4-й гвардейской стрелковой дивизии в своем отзыве писал: «Командование дивизии отмечает, что 54-й батальон с честью выполняет поставленные перед ним задачи, при этом личный состав проявляет мужество, самоотверженность, четкость выполнения поставленных задач. За исключительно добросовестную работу всему личному составу батальона объявлена благодарность».

Всего одна строка

Р. С. ПЕЛИНСКАЯ,
журналистка

Одна из миллионов строк той немеркнущей в годах повести, которую своею ратной доблестью, своим бесстрашием, великой самоотверженностью и беззаветной верностью Отчизне 1418 дней Отечественной и каждый ее час писал наш героический народ. Одним судьбой дано было ее начать и кончить, другим — вписав свою короткую строку, из боя, из юности шагнуть в бессмертие.

Двести пятьдесят восемь дней оставалось до Победы, когда здесь, на молдавской земле, смертью храбрых пала она. Свой последний в жизни рассвет встретила 24 августа 1944 года. В то летнее утро этот рассвет ярко и победно занимался над нашей землей, ради счастья и свободы которой приняла она смертный бой и которую, не дрогнув, заслонила таким юным и таким бесстрашным сердцем. Благодарная память народа в ряду самых заветных имен бережно хранит и ее имя — имя Майи Серебряк.

Через годы, через десятилетия самые светлые воспоминания о ней, нет, даже не воспоминания — ее немеркнущий во времени облик: улыбку, песни, стихи, чарующий голос и прямой ясный взгляд — пронесли друзья, товарищи ее по фронту.

«Милая, родная Маечка! — через три десятилетия к ней обращается Вера Всеволодовна Вяткина, врач-хирург из Подмосковья, прошагавшая рядом с Майей все огненные версты войны. — Ты стоишь передо мною, как живая... Тоненькая, стройная, неунывающая. Не могу тебя представить без вечной шутки-прибаутки, без песни, что находила к сердцу каждого самый короткий путь.

Майя, Маечка, Маюша, наша дорогая Майка! Мягкая и сердечная, нежная и озорная, порой совсем ребенок, ты и в трудные минуты была едва ли не взрослее всех. Выдержке твоей можно было только позавидовать. У кого-то могли порой сдать нервы — у тебя, девочки-девчонки нашей, никогда. Я все-все помню. Помню твою мечту стать капитаном дальнего

плавания, твой верный, неразлучный с мечтою этой талисман — игрушечный кораблик в тощем солдатском, видавшем виды вещмешке...»

Ей и на фронте часто-часто снилось море. И в голубом безбрежии — царственно-осанистый корабль, легко скользящий по крутым волнам! Она все годы в школе жила этой мечтой, жила своим грядущим днем. Война ее исполнение отсрочила. Потом перечеркнула вовсе.

Из летописи Отечественной:

На второй день войны в своем постановлении ЦК ВЛКСМ призвал к тому, «чтобы каждый комсомолец был готов с оружием в руках биться против нападающего, зазнавшегося врага, за Родину, за честь, за свободу!»

Утро 22 июня застало семью Серебряк — семью кадрового военного — на западной границе страны. У военных сборы недолги. Прощаясь с дочками, только и сказал отец: «Будьте маме помощницами. Тяжелое это время — война».

Тяжелое время, тяжелое бремя... Он знал своих девочек и знал, что объяснять им ничего не нужно: сами понимают все. Он одного не знал, что все их мысли туда ж устремлены, куда сегодня спешно отбывает он. Стоило им только услышать это скорбно-грозовое: «Война!», как приняли они одно решение — идти на фронт. Семью эвакуировали в тыл. И в каждом городе, где прерывался на время их маршрут, первым делом они искали это здание с неброской вывеской у входа — «Военкомат».

...Со всех сторон, из улочек, из переулков нудержимо стекались сюда люди. И, как одно, тревожно бились их сердца — их общая точила боль, общая переполняла ненависть, одно стремление единило:

Родина, мне нет другой дороги,
Пусть пройдут, как пули, сквозь меня,
Все твои раненья и тревоги,
Все порывы твоего огня.

Каждый день уходили на фронт эшелоны, а у военкомата не стихал — нарастал с каждым утром людской прибой. И каждое утро сестры спешили сюда. Не слушая ни доводов, ни возражений, ни уговоров, то требовали, то умоляли: только на фронт и только сейчас. Их выпроваживали в одну дверь, они стучались в другую. И не обижались даже на резкие отказы. Их упорство с честью выдержало испытание.

С восторгом нас, девчонок,
не встречали,
Нас гнал домой охрипший
военком.
Так было в сорок первом.
А медали
И прочие регалии — потом.

Не помышляли они, конечно, тогда, как, впрочем, и потом, ни о медалях, ни о регалиях. А их упорство — отцом с малых лет в них воспитанная и от него же, коммуниста, к ним по наследству перешедшая черта — это упорство объяснялось просто: другой в те дни они не видели свою судьбу. И как же они были рады, когда добились своего: их зачислили на курсы медсестер. Это событие уже по-своему перекроило жизнь, наполнив и новым смыслом, и новыми заботами. Но как об этом скупо, совсем по-взрослому пишет Майя — шестнадцатилетняя девчонка—на фронт отцу:

«Мы сейчас ходим на практику и учимся делать все то, что делают все сестры... Вчера одному больному понадобилась срочно кровь. Но консервированной не было, и донора на этот раз не оказалось. Кровь взяли у меня, и больному сразу стало лучше...»

Все, что было в недавнем мирном мире,— отодвинулось далеко, ушло за ту черту, что однажды жирно отчеркнула своим свинцовым грифелем война. А по эту ее сторону — все мечты, все планы, мысли все сплавились в одно неугасимое стремление — на фронт! Скорей на фронт!

Из летописи Отечественной:

В годы Великой Отечественной войны 100 тысяч девушек-комсомолок, сражавшихся на фронте, были награждены орденами и медалями.

А медали и прочие регалии—потом... Да, и они были. Даже после смерти. Орденом Отечественной войны I степени гвардии старший сержант медицинской службы Майя Семеновна Серебряк была награждена уже посмертно. Не довелось ей получить его — ну, что ж, солдаты славы не искали...

А первой ее наградой была медаль «За боевые заслуги». Боевые заслуги, отмеченные Родиной. Каким счастьем светилось милое девичье лицо солдата — а шел ему в ту пору восемнадцатый год.

Солдатами не рождаются — эту истину вряд ли кто оспорит, если даже о мужчинах речь. А что ж о девушке тогда сказать — о девочке, вчерашней школьнице с упрямыми косичками?

Предоставим слово тем, кто был с ней рядом, кто в памяти весь ее путь сберег, каждый шаг:

«Они впервые появились в медсанбате в теплый солнечный апрельский день 1942 года. Четыре девочки — четыре березки: стройные, подтянутые, хорошенькие каждая по-своему и... очень серьезные. Это были сестры Серебряк. Две родные—Ленина и Майя, и две приемные дочери этой чудесной семьи— Зося и Аня... Сестер определили в операционно-перевязочный взвод, объяснили обязанности... и не было потом у нас более опытных, безотказных, расторопных и милых помощниц, чем они».

Первое боевое крещение им выпало под станицей Вешенской — выдержали его молодцом. Аттестат солдатской доблести выдала им Корсунь-Шевченковская — одна из самых памятных операций войны. Кто прошел такую проверку на прочность, такое испытание и смертью и огнем, того наверняка ничто и никогда уж не согнет.

Солдатами не рождаются... Но и бывалые из бывалых дивились характеру этих девчат — их самоотверженности во всем, их неустрашимости в тягчайшие из испытаний, их удалому, что ли, настрою, который не просто притягивал к ним людей— окрылял. А больше всех, хоть и скупы фронтовики на сантименты, восхищались они младшей из сестер. Каких только ей, самой звонкой и неунывающей, самой неустрашимой, не подбирали ласковых имен. Улыбались раненые, еще издали заслышав ее шаги. Радовались откровенно, когда вдруг оказывалась она рядом. Умолкали завороженно, услышав ее мягкий голос:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.

И вдруг замирали в тревоге, тая в душе острую боль, если ненароком мелькала эта страшная мысль: «А вдруг в какой-то час ты, девонька, зорька ясная, не разминешься с пулею...».

И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Память фронтовых подруг, боевых побратимов сохранила в нетленности и улыбку ее, и глаза. Такой и видится она им по сей день:

«Милое детское лицо. По-детски пухлые в ямочках руки— руки, которые тысячи жизней спасли. Лучистые глаза... Многим в дочки годилась, но никогда мы не слышали от девочки этой ни вздохов, ни охов, ни жалоб, ни нытья. А как порой ей было невыносимо тяжело — мы знаем. Знаем, как смертельно хотелось спать после беспрерывной трехсуточной вахты, как тяжело было шагать десятки километров в пургу, в ненастье, в невыносимый зной. А она идет, как ни в чем не бывало. С песней идет — знает, другим так легче. А ночь — опять в операционной. И если не успели кровь подвезти — без слов спешит нас выручить. У нее была первая группа крови и ей гораздо чаще, чем нам бы этого хотелось, приходилось так поступать. И тут же, не дав себе малейшей передышки — за дело: перевязывает, шинирует, дает наркоз, свою же переливает кровь, готовит инструменты. И под бомбежками, и под обстрелом — надежней человека не найти. Удивительное жило в ней мужество...»

Двух мнений быть тут не могло — все, кто знал ее, дивились — а на фронте этим очень трудно кого-то поразить — ее отваге и бесстрашию. Черту эту считали главной в ее характе-

ре. И только сама Майя знала, да еще отец, от которого у младшей не было секретов, как сознательно, целеустремленно каждый день и каждый час это мужество она в себе воспитывает:

«Здравствуй, дорогой папочка! Получила твое письмо, в котором ты пишешь о моей храбрости... Ведь я не отрицаю того, что мне бывает страшно... но еще ни разу не было так, чтобы я от страха потеряла самообладание. И если даже я буду сознавать всю опасность какого-либо дела, если надо будет, переборю свой страх и выполню, что от меня требуется. Я еще в детстве приучила себя к этому...»

Это ли не характер. Это ли не солдат, который сам себе определяет меру высокой требовательности. И какую меру! И людям, умудренным жизнью, прошедшим куда больше испытаний, такая не всегда под силу. А она ни в чем ни разу не подвела себя, став солдатом. И только в письмах к отцу иногда позволяла себе быть в чем-то прежней девчонкой. И разве что еще наедине с собой — чуть-чуть.

...В такие редкие минуты она подальше от посторонних глаз уносит свой вещмешок. Уединившись, бережно берет в ладони маленький кораблик — все, что осталось у нее от той, довоенной еще жизни. И только на миг забыв о войне, возвращает себе на этот миг мечту — безбрежные просторы моря, дальние широты. Реют над ними белокрылые чайки. Обдает тебя каскадом брызг набежавшая волна. И оседает мелкими пылинками соль морская на губах... Она спохватывается через секунды: эх, вояка, только слез твоих сейчас и не хватало. Кораблик уплывает в вещмешок...

Бесконечным белым серпантином вьется бинт в ее сноровистых руках. Болью отдается в сердце каждый стон. «Потерпи, родной, я мигом, я сейчас»... А танкисту в беспамятном жару кажется — над ним склонилась мать.

Из летописи Отечественной:

За годы войны в партию вступило более пяти миллионов человек. Два миллиона из них дал Ленинский комсомол.

Такой уж, говорят, был у нее талант: за что ни бралась — все удавалось. Скорее, талант ее был в другом, в том, что в любое из дел всю душу вкладывала, всем сердцем за него болела, таким запалом насыщала, что становилось оно заманчивым для всех. Еще в школе этой своею одержимостью покоряла всех, находила тропки даже к сонным душам, вызывала у всех живейший отклик на то, чем загоралась так сама.

— Тебе бы, дочка, командармом быть,— все шутил отец, нередко за ласковой усмешкой скрывая свое искреннее удивление такими вот организаторскими дарованиями своей меньшой.

Заводила из заводил в школе была. Во дворе у соседских ребят главный в споре довод: «Майя сказала». Дома у старших

сестер младшая — такой же признанный авторитет. Дел у нее всегда по горло, а что ни день — еще какое-то прибавляет к ним. Как только суток на все хватает?!

В этом ни фронт, ни суровые будни ее ничуть не изменили. Попробовали ей на самую малость облегчить тяготу хотя бы первых дней — взбунтовалась, обиделась, даже оскорбилась снисхождением таким. А потом, действительно, так показала себя «малышка», что гораздо чаще именно к ней и обращались за помощью. В медсанбате — «бой без передышек». Устают все так, что едва до койки добираются. А она — и автомашину водит, и мотоцикл: здесь, на фронте, рассуждает мудро, все может пригодиться. И поэтому же без устали совершенствует снайперское мастерство: а какой без этого солдат? Попробуй ей возразить на это что-нибудь.

Она — и редактор «боевых листков», и чаще всего — единственный их автор. Проза ли, стихи — каждая ее строка находит отклик: то веселый смех, то гнева всплеск, то добрую усмешку. Обо всем этом, как в рапорте по службе, опять пишет очень скупо отцу:

«В свободное время занимаюсь общественной работой. Выпускаю «боевой листок», принимаю участие в самодеятельности...»

Отец, как был, так и остается для нее самым главным человеком в жизни, самым неколебимым авторитетом. И не только потому, что он — отец. Так же, как он, она мечтает жизнь прожить, так же ей хочется быть нужной людям, так же беззаветно стремится Родине служить. И о том, что для нее святей святого, с ним, конечно, первым делится — как думаешь, отец, примут в партию меня? Достойна ли, ведь ты всю мою жизнь знаешь?

Настал он, этот день. День, что красною торжественной строкой вписался в ее юность боевую. Сколько раз мысленно все повторяла и повторяла, что скажет коммунистам в этот час — о себе, о том, что без партии, без верного служения ей не мыслит свою жизнь, как понимает в свои восемнадцать всю ответственность такого шага. Но когда пришла эта минута — встала и... растерялась. От волнения никак начать все не могла. Только и сказала — каким-то не своим, осевшим голосом:

— Я обещаю всей жизнью оправдать ваше доверие...

И она это доверие оправдала.

Из летописи Отечественной:

Людские потери Советского Союза в Великой Отечественной войне составили свыше 20 миллионов человек.

Двадцать миллионов! В эту страшную, едва ли постижимую рассудком цифру вписалась и ее судьба.

День—ночь. Ночь—день. В эти августовские дни они потеряли счет часам, суткам, раненым. Она на секунду только выглянула — воздуха свежего глотнуть, когда вдруг услыхала воз-

бужденные голоса. А ринувшись им навстречу, увидела встревоженные лица, уловила обрывки фраз. В них был страшный смысл:

— Немцы... Почти рядом... Как волки рыщут...

Дивизия, наступая, так стремительно ушла вперед, что медсанбат отстал. И отстал солидно. И вот соединение врага, отрезанное наступающими частями, оказалось у дивизии в тылу и под самым боком у санбата. Как отвести беду? Как уберечь раненых? Один-единственный, решили сообща, есть выход: мужчины, все из них, кто может вступить в бой, выйдут врагу навстречу, отвлекут его внимание на себя.

— И я пойду,— со всей решимостью сказала.

— Нет, Майя. Ты здесь нужна, а там и без тебя управимся.

— Вы знаете, как я стреляю. Прошу вас, возьмите,— она с такой мольбой оглядела всех, так решительно халат с плеч сдернула.— Я очень вас прошу. Очень...

— Будь по-твоему. Пошли. На сборы — две минуты.

Махнув оставшимся пилоткой на бегу, два слова обронила: «Ждите нас...»

...Фашисты в диком исступлении, в бессильной злобе готовы были крушить и жечь все на своем пути — вернее, на своем беспутье. Ураганный шквал свинца обрушили они на горсточку бойцов — ни головы поднять, ни толком осмотреться. И все-таки нашла она такую точку, с которой можно было вести прицельный огонь. Пулю за пулей всаживала в ненавистные ей серо-зеленые мундиры, в этих убийц, зверей, орущих дико, остервенело прущих на рожон. Пулю за пулей... Внешне, как всегда, она была спокойна, а в душе все яростнее закипала ненависть и уже сами рвались из груди слова:

— Бей их! — перекрывая неумолчный посвист пуль и грохот взрывов, звенел натянутой струной девичий голос.— Бей, проклятых! Вот вам за...

На полуфразе голос оборвался. Упала Майя. Глухо стукнул приклад о землю. Алой ниткой на щеки, сбегая от виска, застыла струйка крови...

В этот день, сообщило Совинформбюро, знамя победы взметнулось над освобожденным Кишиневом. В этот день наши войска в кольцо замкнули ясско-кишиневскую группировку противника. В эти же августовские дни английский премьер Черчилль вынужден был признать, что «не было в мире такой силы.., которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали русские советские армии».

Не было такой силы.
Смотрю назад, в продымленные дали:
нет, не заслугой в тот
зловещий год,
а высшей честью
школьницы считали
возможность умереть
за свой народ.

В каждом городе, в каждом уголке земли нашей есть святые места, где горит Вечный огонь памяти. Где и в будни и в праздники — люди. Где не вянут живые цветы.

Есть такое место и в Тараклии. В самом центре поселка — эти два обелиска. На одном из них — имя Майи Серебряк, бесконечно дорогое тараклийцам имя. Им названа улица, пионерский отряд в средней школе. Этим именем, рассказом о ее подвиге, ее портретом, которому больше тридцати лет, открывается летопись боевой славы, с которой вас обязательно познакомят, если зайдете вы в поселковый Совет. О ней никто не скажет здесь: «Она жила!» — Она живет!

Живые не забывают павших. И шагают павшие с живыми в одном строю.

Его именем...

В. В. ТЫМЧИШИН,
журналист

Троллейбусную линию сюда еще не подвели. Курсирует автобус. Но и от его конечной остановки надо пройти сотню-другую шагов мимо двух строящихся высотных домов и небольших пустырей, ожидающих застройки.

Но вот и табличка на угловом здании — «улица Бельского». Надпись свежая, яркая, незамытая дождями. И дома новенькие, нарядные, будто только что ушла комиссия, принимавшая их у строителей.

Сперва удивляешься: проезжая часть так узка, что двум грузовикам не разминуться. Неужели такой задумана улица? Окрест разносится веселый ребячий визг. Невольно оборачиваешься: откуда это? На улице детей не видно. И тогда замечаешь: напротив жилого дома — детский сад. Да не один, а несколько, и все рядышком, как улья на пасеке. Ребятня в пестрых трусиках и белых шапочках шумно возится на песочных площадках, огороженных штакетником. Значит, проезжая часть не случайно так узка: это еще не улица, а всего лишь обширный двор, так сказать, уличные тылы.

Хочется поскорее увидеть улицу с «фасада». Обходишь длинный 5-этажный дом и оказываешься... в поле. Горячий воздух обдает запахами трав и раскаленной августовским солнцем земли. Тишина. Точно передний край в завороженный момент перед боем.

Может быть, и неудачно такое сравнение для мирного дня. Но его подсказали август и самое имя Бельского... В то далекое 23 августа стоял такой же зной, и капитан Бельский впереди своего батальона всматривался в притихшую степь, готовую каждый миг взорваться огнем сражения. Это было на реутском плацдарме у Требужен. Капитан возглавлял штурмовой батальон. С ним, как знают все кишиневцы, он совершил стремительный бросок к нашему городу, первым ворвался в него и поднял над окутанными дымом кварталами Красное знамя освобождения. После войны Герой Советского Союза полковник запаса сибиряк Алексей Ильич Бельский поселился в Кишиневе. Его избрали почетным гражданином города. До конца своих дней он трудился на посту депутата городского Совета, старательно прививал молодежи высокий патриотический дух.

В память о храбром воине и замечательном человеке его именем названа улица. Пройдет немного времени, и встанут здесь красивые дома, зашумят деревья над широкими тротуарами, побегут троллейбусы. Но сегодня улица — самая дальняя окраина, передний край строителей. Улица в своем нынешнем облике словно напомнила мужественный характер того, кто дал ей свое имя,— быть всегда впереди.

Мне повстречались тут два ветерана войны — Кирилл Никифорович Осадчий и Андрей Прокофьевич Шевченко. Одетые по-домашнему, они «колдовали» над клумбами во дворе. Подхожу, знакомлюсь и тут же, как на вечере воспоминаний, узнаю подробности пережитого в боях бывалыми воинами. Кирилл Никифорович сражался в рядах 37-й армии, наносившей удары по гитлеровцам на дорогах от Кицкан до Ясс. Андрей Прокофьевич в составе 7-й железнодорожной бригады вслед за наступавшими частями восстанавливал стальные пути и наводил мосты, обеспечивая быстрейшее продвижение наших войск. Оба они хорошо знали Бельского, не раз слушали его выступления.

Жил Алексей Ильич на бульваре Негруци, рядом с площадью Освобождения. В этот адрес шли и продолжают идти письма однополчан. Здесь часто звонит телефон. Открывает письма и отвечает на звонки Лидия Алексеевна Бельская, жена и боевая подруга героя, бывший военврач той же 89-й стрелковой дивизии, в которой воевал Алексей Ильич. Пишут его бывший ординарец Василий Шаргородский из Балтского района Одесской области, бывший комсорг батальона Александр Золотов, фронтовой друг подполковник Александр Фадеев и другие. В одном из конвертов оказалась районная газета «Ленинец» из Тюменской области. Земляки Алексея Ильича Бельского опубликовали большую статью к 60-летию со дня его рождения, исполнившемуся в апреле 1974 года.

...Не забыто имя героя, не забыт его подвиг. Они останутся навечно в названии новой улицы и в наших сердцах.

Солдат — всегда солдат

Ж. Ш. КРИВОЙ,
Ф. В. ЦЕЛИЩЕВ,
журналист

Время безжалостно стирает из памяти события и их подробности. Забываются даты. Но никогда не забудется титанический подвиг советских людей в Великой Отечественной войне.

Прошли годы. Бывшие солдаты заняты мирным созидательным трудом. В круговерти будней их трудно оторвать от дел. Но разговорившись, они воскрешают в памяти эпизоды фронтовой жизни. Мы—на Кишиневском тракторном заводе.

— У нас, — рассказывает заведующая кабинетом политпросвещения Н. Чекир, — 164 участника войны. Воевали они славно, теперь так же славно работают.

О некоторых из них, с кем довелось встретиться и поговорить,— наш рассказ.

Николай Федорович Тарасов — гвардии подполковник в отставке. Войну начал политруком батареи. Закончил начальником штаба полка. Председатель совета ветеранов завода. Награжден восемнадцатью правительственными наградами. Среди них — орден Отечественной войны I степени. Получил он его за освобождение одного венгерского города.

— А первый орден — Боевого Красного Знамени,— говорит Тарасов,— я получил за форсирование Днепра. В боях за Харьков побывал под «тигром». Было это на подступках к станции Балаклея. На опушке березовой рощи расположился наблюдательный пункт дивизиона 152-миллиметровых гаубиц. На нас пошли тяжелые танки. Один из них прорвался к НП и начал утюжить траншею. Мы с командиром дивизиона Алексеем Шабалиным приняли решение вызвать огонь на себя! Стальной шквал обрушился на немецкие танки. Один из них закрутился на месте и остановился над нашей головой. Танк послужил надежным укрытием, мы получили возможность наблюдать за ходом боя, корректировать по радио огонь наших батарей.

...Мы идем по тракторному заводу, время клонится к четырем — спешит на работу вторая смена. Около стенда многотиражной газеты с группой молодежи беседует высокий энергичный мужчина.

— А вот — сын полка,— представляет его председатель совета ветеранов.

П. П. Недранко — начальник конструкторского бюро экспериментального цеха. Четырнадцатилетним мальчишкой оказался в действующей армии.

В те далекие годы его звали просто Павлушей. До войны отец был директором Тираспольской МТС. Приходил домой поздно вечером и увлекательно рассказывал про трактора.

— Думалось и мне тогда,— говорит Павел Павлович,— вырасту — пойду по стопам отца. Война помешала. В последний раз батя пришел в солдатской шинели. Расцеловал. Обещал вернуться...

С самого начала фашистской оккупации мы верили в свое освобождение. Оно пришло в 1944 году. Летним августовским утром около Калкатовой балки я встретился с разведчиками 9-й дивизии генерала Ратова. Этот веселый человек запомнился тем, что любил играть на привалах в городки.

Меня обмундировали, поставили на довольствие. 24 августа дивизия вступила в Кишинев. Со всех сторон смотрели на нас пустые глазницы окон. Дымились развалины.

Я и второй сын полка Толя Пересекин (он вскоре погиб) ходили в разведку, во время боев подносили снаряды, кашеварили. Памятны ожесточенные бои на озере Балатон. Фашисты пытались прорвать нашу оборону. Командир батареи — высокий сержант из Тобольска, с обожженным лицом — кричал:— «Огонь!» — Вздрагивали орудия, раздирая оглушительными залпами воздух. И танки, объятые пламенем, останавливались.

Сын полка закончил войну в предместье австрийской столицы—местечке Сампольтем.

— Мне на плечо положил руку взводный, старый солдат, участник гражданской войны,— вспоминает Павел Павлович.— А сейчас, сынок, тебе учиться надо! — сказал он.

Кандидат технических наук П. П. Недранко — ветеран молдавского тракторостроения. Он пришел на «Автодеталь» и возглавил группу конструкторов, работавших над первым молдавским трактором «Виеру». За 12 лет с завода ушли на поля страны тысячи тракторов. В каждом из них — частица творческой мысли инженера Недранко. Его основная работа «Повышение долговечности муфт сцепления тракторов» принесла экономический эффект в двести тысяч рублей в год. Она стала темой кандидатской диссертации, теперь он готовится к защите докторской...

Герой Советского Союза Павел Иванович Чумак. Активный наставник молодежи, пропагандист военно-патриотических знаний.

— Мои фронтовые дороги начались в Молдавии. Участвовал

в ликвидации остатков Ясско-Кишиневской группировки врага. А после перевели в полковую разведку,— вспоминает Павел Иванович.— 214-я гвардейская стрелковая дивизия вышла с упорными боями к Одеру. Нам было приказано ночью пройти на противоположный берег, уточнить данные о противнике.

Я отобрал десятерых добровольцев. Стояла кромешная тьма и такая тишина, что каждый шорох, казалось, слышался на десятки верст. Наконец, берег. Передняя траншея пуста. Сообщаем об этом по рации. Приказ — действовать по обстановке...

Вглядываемся в темноту. На бруствере второй траншеи что-то чернеет. Оставляем двоих для прикрытия, а сами ползем вперед. Сердце стучит так, что звенит в ушах. Подползаем — пулемет. А из траншеи — храп. Пустили в ход холодное оружие.

Получив сообщение, что первая линия траншеи свободна, нам выслали роту подкрепления. Завязался неравный бой. Мы отбивали атаку за атакой. Один за другим гибли наши товарищи. Пока навели переправу через Одер, от роты осталось двенадцать человек. Очнулся я в госпитале. Там и узнал, что представлен к высокому званию Героя Советского Союза.

По работе П. И. Чумаку часто приходится встречаться с С. Г. Арионеску.

Старейший рабочий завода, ветеран труда, станочник-наладчик высшего класса, Степан Георгиевич Арионеску дважды награжден медалью «За отвагу». Добрый учитель, строгий наставник у подрастающей смены тракторостроителей.

Побеседовать с ним оказалось не так-то просто. Склонив над чертежом убеленную сединой голову, он обдумывал сложную деталь.

— Уделю вам всего несколько минут. Некогда!.. Что я могу рассказать? Начал войну рядовым, кончил рядовым. Имею всего две медали «За отвагу».

— Расскажите, за что вас наградили?

— Дело было в Польше. Служил я тогда в 284-м стрелковом полку. В тот день стояла дождливая погода. Снег смешался с грязью. Мы трое суток вели изнурительные бои. Позиции противника — в пятидесяти метрах... Рано утром немцы бросились в атаку. А у нас — молодое пополнение, необстрелянное. Гляжу, немцы уже на правом фланге, в соседнем окопе, метрах в десяти. Забросал я их гранатами и — к пулемету. Кричу: — «Ура! За мной!» А в окопе противника — тишина. Подбегаю к окопу, в нем — перебитые немцы. Остальные убегают. Вот и выходит — я один удержал позицию.

— А другая медаль — за что?

— Да все за то же. Не люблю отступать...

— Такой он и на работе! — говорит начальник цеха.— Как увидит несправедливость,— идет в атаку. А мастер он — отменный. Десятки учеников выучил за двадцать пять лет работы на заводе.

И последняя наша собеседница, маленькая хрупкая женщина, фронтовой шофер Валентина Ивановна Криволап, ныне заведующая центральным складом.

По окончании курсов стала водителем. Трудна профессия шофера, а на фронте — трудна вдвойне. В дождь и снег, днем и ночью, под артобстрелом и бомбовыми ударами крутили баранку военные шоферы.

— После войны,— говорит Криволап,— работала военруком в средней школе. А с 1962 года — на тракторном. Недавно сын вернулся из армии. Часто мне присылали из воинской части письма: «Спасибо, мать, за сына, хорошо служит!» Он и на работе не из последних.

Фотография слесаря-лекальщика Вячеслава Криволапа занесена на городскую доску Почета.

...Мы покидали тракторный. Очередная машина сходила с конвейера. Заводской радиоузел сообщал месячные итоги соцсоревнования. Среди победителей были наши знакомые — ветераны войны.

Молодой гвардии тракторостроителей есть кем гордится и на кого равняться!

Из славного племени репортеров

А. Д. ГЛАДКИЙ,
журналист

Все в нем говорило о том, что он — «свой». Вы видели, как носят кофры старые фоторепортеры? Так, словно они надоели им до чертиков, безжалостно оттягивают руки. Так и этот седой человек...

Военный фотокорреспондент газеты «Советский боец» 5-й ударной армии Владимир Николаевич Голубков находился среди бойцов, овладевших рейхстагом. На втором этаже еще шли бои, когда он с советскими бойцами вошел в наградной отдел гитлеровской канцелярии. Изумленным взорам предстали стеллажи с многочисленными, аккуратно сложенными коробочками. Тысячи орденов, предназначенных тем «сынам» третьего рейха, кто окажется безжалостней и бездумней других.

Советские бойцы свалили фашистские награды на стол:

— Фотографируй, товарищ гвардии капитан!

Так символично запечатлела победу старая трофейная фотокамера специального корреспондента «Советского бойца» Владимира Николаевича Голубкова. В день, когда над рейхстагом взвилось алое знамя, вернее, на другое утро, Голубковым был сделан еще один исторический снимок: изрешеченный пулеметными очередями и орудийными залпами купол рейхстага, увенчанный флагом освободителей. Желая сделать этот снимок одним из первых, Голубков всю ночь просидел под стенами рейхстага, дожидаясь солнечных лучей...

А вот другой снимок. На площади освобожденного Берлина перед маленькой оробевшей регулировщицей стоит генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин. У ног регулировщицы цветы. Их ей преподнес прославленный генерал. Стоял один из первых солнечных дней мира, хотелось говорить о доме, о России...

Старые фотографии. В них жизнь нашей страны в те незабываемые годы, ее боль и ее радость, в них и жизнь военного корреспондента Владимира Николаевича Голубкова, прошагавшего фронтовыми дорогами от Москвы до Берлина. Но спросите его, чем он измерит ценность тех лет для себя, и он обязательно станет говорить об удачных и неудачных снимках, интересных встречах. В таком ответе не будет ничего странного — так сказал бы любой журналист-фронтовик.

И открывая фронтовые корреспондентские удостоверения Голубкова, невольно вспоминаешь о том славном племени журналистов, что шли в атаку вместе с солдатами, сжимая в руках свое прекрасное, но безобидное в открытом бою оружие, спеша запечатлеть миг яростной атаки, чтобы завтра донести его до всех на газетной странице. А если шальная пуля бросала их на горячую землю, они слабеющими руками рвали в клочья листки из блокнота, открывали заднюю стенку камеры, чтобы засветить пленку. «В редакцию не вернулся»,— эта скупая строка стала для журналистов синонимом другой — «Пал смертью храбрых!»

Велик послужной список Голубкова. По-другому не скажешь о послужном списке корреспондента, командовавшего батареей, водившего в атаку роту, возглавлявшего саперный батальон.

Перед войной Владимир Николаевич закончил Московский киноинститут. Печатался в «Правде», «Известиях», «Легкой индустрии», «Смене», «Пионерской правде». Когда началась война, его направили в военно-политическое училище: армии нужны были политработники. После окончания училища Голубков — в политотделе 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской орденов Красного Знамени и Александра Суворова стрелковой дивизии. Прослужил в политотделе дивизии он до апреля 1945 года.

Работников политотдела посылали туда, где труднее. Выбыл из строя командир роты — роту в атаку вел Голубков. Несла ощутимую потерю в живой силе батарея — в подкрепление посылали Голубкова. И так — от Москвы до Берлина.

Под Гжатском — немец тогда рвался к Москве — его ранило впервые. Потом ему в двух местах перебило ногу. Осколком полоснуло на Украине. Под Альтлансбергом, на пути к Берлину, попал под обстрел «мессершмиттов», и снова — госпиталь. Но остался жить. Воевал, работал.

Работал с камерой с самого начала войны. Всегда и всюду носил отечественный «ФЭД». Снимки отсылал в «Красную звезду», «Патриот», «Красный воин». И только в апреле 1945 года официально стал фотокорреспондентом газеты советской администрации в освобожденном Берлине. Но фактически был военкором с начала войны.

В войну у него было разбито три фотоаппарата. Осколками, пулями. Ему подарили трофейную камеру «Робот». Он был одержим, как любой фоторепортер, и если бы не нашлось фотокамеры, наверное, смастерил бы ее сам!

Столица Молдавии для Голубкова памятна тем, что здесь журналист третий раз «сменил профессию». Он, тогда еще ра-

ботник политотдела, вошел в Кишинев с саперным батальоном вслед за бойцами хорошо знавшего его капитана Алексея Бельского.

Владимир Николаевич награжден орденами Великой Отечественной войны I и II степени, медалями «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За Одер, Ниду, Балтику»...

Живет он под Москвой, в городе Павловский Посад. После войны закончил педагогический институт, двадцать пять лет учительствовал в одной школе. В этом городе он родился и вырос, внесен в списки почетных комсомольцев Павловского Посада. Ныне Владимир Николаевич сотрудничает в московских газетах.

Уходили на войну девчонки

П. С. ШИРЯЕВ,
журналист

Мамы плохо спят ночами. Плохо спят, когда их беспокойному младенцу год, когда шестнадцатилетнее дитя уходит на последний экзамен. Полуночничают и после школьного бала — мамы видят нас конструкторами, дирижерами, мамы выпускают нас в жизнь. И ни одну из них не опалит в такую минуту мысль, что все это может рухнуть, быть растоптано, перечеркнуто!

Матери, матери... Уже встает на границе взорванное утро военного лихолетья, запахивает ваших детей в суконные шинели грозовой сорок первый!

Раструб громкоговорителя простуженно засипел, защелкал, и музыкальная передача оборвалась. В июньскую тишину, густо замешанную на запахе созревшей ржи, ворвалась левитанская медь.

Война!

Маша идет опустевшими, гулкими улицами родного городка; в небе знойное марево, а на душе зябко и неуютно. Такое чувство бывает после безвозвратной потери близкого человека: случилось непоправимое, но в него не веришь, ждешь чуда.

Беда роднит людей: у калиток тут и там собираются прохожие. К комиссариату группами и в одиночку тянутся люди. Майор-военком измученно смотрит на вошедшую девчушку, в его глазах откровенная досада и скрытое любопытство. Ну ладно: беседа с Машей послужит своеобразной передышкой, можно будет выпить глоток-другой чая. Расслабившись, майор мягко, по-домашнему, иронизирует:

— Конечно, мы тоже хотим на фронт?! Взрывать доты и брать языка! Не так ли?

— Нет, не совсем так! Я медработник и прошу назначения туда, где смогу принести пользу.

Помешивая холодный чай, майор выигрывает время для обдумывания решения. Великая ответственность легла на его плечи. Одна строка приказа — и уйдет подросток в круговерть

войны, в пекло, откуда возвращаются далеко не все. Но у военного времени свои законы, и военком знакомится с документами:

— Юликова Мария Петровна, акушерка,— читает он медленно, чтобы машинистка успевала фиксировать.— Будете работать в тыловой медчасти.

Не знал майор, что его ослушаются: с одной из сформированных команд Маша ушла на фронт, приписалась к полевому госпиталю.

Полевой госпиталь — это та же передовая, соседство пуль и осколков. Войска с кровопролитными боями отступают на восток. К горечи поражений примешивается боль расставания с родной землей.

Военфельдшеру Марии Юликовой отдан приказ эвакуировать тридцать тяжело раненных бойцов. Одна и тридцать жизней! Петляя, машина уходит проселочными трактами. Стремительными танковыми охватами противник отсекает дороги и уже в который раз госпитальный грузовик оказывается в неприятельском тылу.

А в небе хищно, как на охоте, рыщут «мессеры». Стервятники охотятся за отходящими частями. На горизонте появляется черная точка. «Юнкерс». Сворачивать поздно, да и некуда. Заметит или не заметит? Точка растет, самолет снижается, делает разворот, другой. Из-под полуоткинутого фонаря кабины полощется иссиня-голубой шарф немецкого аса.

Маша поднимает над головой санитарную сумку с красным крестом. Летчик не мог не заметить ее сигналов. Но разве для бандитов существуют нормы! Свинцовый шов прошелся вдоль кузова. Дернулись и навечно застыли несколько тел. Маша плашмя падает на раненых, стараясь прикрыть их своим телом. Острая, жгучая боль погружает все в темноту.

Госпиталь. Тягостно ждать, пока рубцуются раны. Мучительно долго тянется время, когда ты познал короткое, емкое слово — ненависть!

Повязки сняты. И снова передовая.

Много грандиозных побед записано нашей армией в летопись священной войны. Но даже бывалые бойцы, участники других ожесточенных сражений, с уважением и гордостью смотрят на обладателей медали с зеленой полоской: «За оборону Сталинграда». Двадцатилетняя девушка выжила, выстояла в городе, где каждый камень окроплен кровью.

С боями пройдена Украина.

Апрель 1944 года. Вот она, израненная, испепеленная Молдавия, о которой Маша так много слышала.

Утром началось сражение за правобережный днестровский плацдарм. У каждого его участника свое восприятие, своя нацеленность.

— К тому времени,— рассказывает Мария Петровна,— я уже

была лейтенантом, батальонным военфельдшером. Нам разъяснили задачу, четко распределили обязанности на все возможные повороты событий. Самые тяжелые минуты — ожидание сигнала. И поля, и река, и люди замерли в тревожном, щемящем сердце ожидании. Осознанность предстоящего побоища и тайная уверенность, что ты уцелеешь в нем,— вот ощущение перед атакой. Не знаю, сколько она длилась — в таких случаях утрачивается представление о времени,— но когда все это кончилось и ко мне вернулся слух, я услышала трель кузнечика. Это было нелепо, но не о себе я подумала, я удивилась, как он сохранился в этой огненной круговерти.

Десятки раненых вынесла под шквальным огнем с поля боя при захвате днестровского плацдарма военфельдшер Юликова.

Двадцать четвертого августа 1008-й стрелковый полк 266-й дивизии вышел на подступы к Кишиневу. Штурмовые группы при поддержке танков и авиации завязали бои в предместьях Старая Почта, Рышковка, Скулянка. За мужество, проявленное в боях за освобождение Молдавии, двадцатидвухлетняя лейтенант Юликова была представлена к очередной награде — ордену Красной Звезды.

— В завершающей стадии разгрома ясско-кишиневской группировки,— вспоминает Мария Петровна,— нам, медслужащим, приходилось оказывать помощь не столько нашим солдатам, сколько немецким пленным...

Не ожесточилось, не озлобилось прошедшее сквозь смерти и ужасы войны сердце советского воина.

...И еще одна медаль прибавилась к многочисленным наградам Марии Петровны — медаль «За взятие Берлина».

Затухали уличные схватки. Только изредка постреливали запрятавшиеся по чердакам и подвалам обезумевшие смертники. И вдруг на мостовой разорвался шальной снаряд. Проходившего мимо старшину швырнуло под груженный боеприпасами транспортер. Воспламенился кузов, вот-вот начнут рваться снаряды. Первая мысль: «Бежать! Глупо погибать, когда окончена война». Но ее уже опережала другая: «Назад, под машиной солдат!» Маша бросается в огонь и взваливает на плечи раненого.

Но уйти удается недалеко: раздается страшный взрыв, и все катится в бездну. Снова госпиталь, а затем и известие о награждении орденом Отечественной войны II степени.

— Но самая высокая награда для военного медработника,— говорит физиотеравпевт Юликова — это спасенная жизнь.

Их много у этой скромной, застенчивой женщины.

Ночью, когда спят улицы и дети, у фронтовиков болят старые раны. Болят они и физической болью, и болью пережитого. Время неумолимо в своем движении вперед, но оно не властно над памятью.

Уходили на войну девчонки...

Памятник герою

Д. ИЛЬЯШЕВИЧ,
учитель

Возле Рашковской школы воздвигнут памятник Герою Советского Союза Федору Ивановичу Жарчинскому. На постаменте он — взрослый, солдат, а в моей памяти — мальчишка-одноклассник.

Дни в сентябре 1929 года стояли теплые. После уроков веселой ватагой мчались мы к Днестру. Раздевались у головастого камня, взбирались на вершину и прыгали в воду.

Это Федя придумал такие прыжки. Сам чаще всех лез на камень, проверял свою смелость.

А еще его тянуло к книгам. Любил рассказывать товарищам о прочитанном, знал много любопытных историй...

Несколько лет мы не виделись с Федей, а потом как-то встретились в Балте.

— Здорово! Какими судьбами? — удивился я.

Оказалось, приехал на экзаменационную сессию. Заочно учился и работал учителем.

Была у Феди педагогическая жилка, это точно, потому и рос быстро. Вскоре стал директором школы, в которой сам пять-шесть лет назад учился.

Война разбросала нас. Я попал в пехоту, а молодой директор Рашковской школы Федор Жарчинский стал танкистом. С отличием окончил училище. Оставляли на преподавательской работе, но он рвался на фронт. Один за другим подавал рапорты. И добился своего.

Танкистом Федор был отличным. Искусно водил боевую машину, метко стрелял. В одном из боев его танк загорелся. Под градом пуль и осколков отважный воин сумел потушить огонь и снова направил машину на врага.

В тот день он подбил вражеский танк и поразил до сотни фашистов. Грудь его украсил орден Красной Звезды. К 1945 году Федор был кавалером нескольких боевых орденов, старшим лейтенантом, командиром разведки танкового полка.

...Это произошло в самом конце войны—21 апреля. Возвращаясь с очередного разведывательного задания, группа во главе с Жарчинским обнаружила в лесу лагерь военнопленных. Как выяснилось, гитлеровцы собирались уничтожить узников. Отряд Федора состоял из восьми человек. Силы были неравные. Однако старший лейтенант принял смелое решение. Он отправил одного разведчика с донесением командиру полка, а с оставшимися решил атаковать лагерь.

Уже сняты часовые, близится к концу бой с охраной. И тут очередью из автомата Федор был тяжело ранен. Придя в себя, увидел рядом немецкого офицера, ползущего со шнуром в руке.

«Пытается взорвать лагерь... Через несколько минут строения взлетят в воздух... Погибнут тысячи людей... Надо действовать...»,— лихорадочные мысли набегали одна за другой.

Кусая губы, он напряг последние силы, дотянулся до автомата. Только бы не промахнуться...

Федор уже не видел, как, вздрогнув всем телом, немец уткнулся лицом в теплую землю.

Спустя месяц уроженцу села Рашков Каменского района, бывшему учителю, старшему лейтенанту Федору Ивановичу Жарчинскому было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

...Я долго стоял перед памятником другу детства, коллеге по мирной, гуманной профессии, товарищу по оружию, смотрел на цветы, лежащие на постаменте. Все знают учителя-героя. Он — гордость села. Его имя носит улица, на которой он жил, школа, где учился и учительствовал, пионерские отряды. Он будет жить в сердцах многих поколений.

Незабываемое

Н. ФЕДОРОВ,
участник Ясско-Кишиневской операции

Мы стояли на Днестре в апреле.
Под обрывом голубел разлив,
За окопом клены зеленели,
Наклоняли ветки до земли.
Шли бои. А средь лесной
прохлады
Заливались птичьи голоса,
И на свежий, обнаженный
ландыш
С робких листьев падала роса.
И когда в кустах взрывались
мины,
Прошуршав над самой головой,
Верилось — пройдут осколки
мимо,
Не разлучат с этой синевой.
И такая появлялась сила—
Крепче стали и сильней огня!
...Смерть вовсю, на весь размах
косила,
В спешке что ли проглядев меня.
И теперь я сердцем закаленным
Поклоняюсь гордой высоте,
Вешним далям, ландышам и кленам,
Всей земной бессмертной
красоте.

Друзьям-фронтовикам

А. ПРОТАСОВ,
майор запаса

Тот рассвет тревожный
вспоминаю,
Лагерь наш на взгорке
у реки.
Эти строки вам я посвящаю,
Вам, друзья мои,
фронтовики.
Жребий нам судьба
вручила горький
Испытать жесткую беду.
В первый бой вступили мы
на зорьке
В сорок первом, огненном
году.
Были мы в дыму и пекле
боя,
В бездну нас бросал
девятый вал.
За пять лет изведали
такое,
Что другой за сто не
испытал.
А бывала тихая минутка,
В блиндажах переводили
дух.
Человек пятнадцать
самокрутка
Обходила всех за кругом
круг.
Но пришли к конечной
цели точно,
Хоть и путь был труден
и далек.

Автомат был паспортом
бессрочным,
Самобранкой — тощий вещмешок.
Вы и нынче в думах
неустанно,
Чтобы край родимый был
богат,
Только к непогоде ноют
раны
Да частенько нервы
барахлят.
Но храните ордена, медали,
Сапоги стоят которой год.
Те, что от Кавказа
прошагали
До чужих Зееловских
высот.
Знаю, дорогие однолетки,
Вы за счастье вновь
ведете бой.
На фронтах ударной
пятилетки
Вы, как прежде, на
передовой.

Днестр

ПЕТРЯ ДАРИЕНКО

Слышу, слышу сквозь огонь и взрывы
Плач далекий, голос твой тоскливый,
О мой Днестр любимый!

Горький ветер из родного края
Рвется в грудь, к отмщенью призывая,
О мой Днестр любимый!

Не пестрят луга каймою свежей
Вдоль твоих печальных побережий.
О мой Днестр любимый!

Не мелькают праздничные лодки,
Не смеются поутру молодки,
О мой Днестр любимый!

Кровь детей, казненных палачами,
Льется в серебро твое ручьями,
О мой Днестр любимый!

И, тоскуя, в берег бьется пена,
Где чернеют взорванные стены,
О мой Днестр любимый!

Но послушай дальние раскаты—
Это в битве бьется сердце брата.
О мой Днестр любимый!

Грозное оружие сжимая,
Мы идем, сметая волчью стаю.
О мой Днестр любимый!

Верю твердо: все равно фашистам
Не владеть твоим раздольем чистым.
О мой Днестр любимый!

И красу твою, твои потоки
Иссушить не в силах враг жестокий.
О мой Днестр любимый!

День придет счастливый, долгожданный,
Солнце прочь сорвет с тебя туманы,
О мой Днестр любимый!

И вдоль нашей солнечной Молдовы
Ясной песней ты польешься снова,
О мой Днестр любимый!

Двадцать четвертое августа

ИОСИФ БАЛЦАН

Нас захватил садов и пепла запах,
Когда вошли мы с боем в Кишинев,
А он сынам указывал на запад
Руками искалеченных домов.
Мы на пороге увидали снова
Родных людей в неповторимый час.
И на пороге жизни вся Молдова
Встречала нас и провожала нас.
Молдавский виноград созрел до срока,
До срока в бочках он перебродил,
Чтоб угостить бойца,
Что шел с востока
И что на запад дальше уходил.

* * *

ПЕТРЯ КРУЧЕНЮК

Каждого, как мать расцеловала,
Ты в тот день нас, встретив за селом,
Молоком и хлебом угощала,
Плача все о чем-то о своем...
— Где-то сын мой, где-то мой Костаке—
Весточки четвертый год не шлет!
— Мать, не плачь... Бывает в жизни всяко...
Может, он Берлин сейчас берет,—
Я сказал. Она не удивилась.
Руку сжав сильней в своей руке...
И не знаю, чья слеза скатилась,
Вдоль по шраму на моей щеке.

Верю я в недолгую разлуку

СИМИОН МОЛДАН

Верю я в недолгую разлуку,
Дома буду о войне писать.
Если правую утрачу руку—
Левой научусь перо держать.

Об одном грущу я: коль придется
Мне погибнуть на полях войны—
Томика стихов не наберется
От меня на память для страны.

Юношам я песни пел порою,
Пусть хоть им они послужат впрок;
Что ж, коль вспомнится и остальное,—
Значит, все же людям я помог.

Значит, не напрасно сердце билось,
Песни дать Молдове я хотел...
Много их в груди моей теснилось,
Только написать их не успел.

Содержание

М. Н. Шарохин. Канны второй мировой войны 3
А. К. Блажей. Блистательная операция 8
И. Аношин. Перед битвой 14
Ф. Е. Боков. Пятая ударная в боях за Молдавию 17
Ф. Е. Боков. Командарм Пятой ударной 29
В. А. Толоченко. От рядового до командарма 38
Н. И. Бирюков. Комсомольцы, вперед! 44
Н. К. Антипов. Идем на Кишинев 47
В. С. Антонов. И грянул бой... 52
И. К. Свиридов. Поднявшийся из руин 57
И. В. Малышев. Слово правды над окопами 60
Д. Чибисов. На Дубоссарском плацдарме 62
М. А. Власюк. Овеянные славой 67
В. А. Крылов. Прорыв на Днестре 69
А. В. Сайдаков. На бывшем Кицканском плацдарме 80
И. И. Азаров. Так сражались моряки 83
А. В. Свердлов. На дунайских фарватерах 83
И. Е. Середа. Гвардии сержант... 89
Н. С. Сазыкин. Незримый фронт 107
Д. Д. Елин. Партизаны в боях за освобождение Молдавии 116
Д. А. Фадеев. В лесах Молдавии 130
А. М. Мисочник. Один из одиннадцати... 132
П. Доронин *А. Кутырева, Б. Беленький, А. Рожнов*. Подвигу жить в веках 136 142
А. А. Коренев. Герои молдавской земли 146
Р. С. Пелинская. Всего одна строка 154
В. В. Тымчишин. Его именем... 156
Ж. Ш. Кривой. Ф. В. Целищев. Солдат — всегда солдат 160
А. Д. Гладкий. Из славного племени репортеров 163
П. С. Ширяев. Уходили на войну девчонки 166
Д. Ильяшевич. Памятник герою 168
Н. Федоров. Незабываемое 169
А. Протасов. Друзьям-фронтовикам 171
Петря Дариенко. Днестр 173
Иосиф Балцан. Двадцать четвертого августа 174
Петря Крученюк. Каждого, как мать, расцеловала 175
Симион Моспан. Верю я в недолгую разлуку. 176

В боях за Молдавию

(книга четвертая)

Редакторы: В. Гальперин, Э. Кулак.
Художник А. Никитин.
Художественный редактор Т. Терлецкая.
Технический редактор Е. Бернштейн.
Корректор Ю. Цуркан.
Сдано в набор 2/VII-976 г. Подписано к печати 7/XII-1976 г. АБ 0172. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага маш.-мел. Печатных листов 11,0. Уч. изд. листов 10,35. Тираж 15 000. Цена 57 коп. Зак. № 721,

Издательство «Картя Молдовеняскэ»

Кишинев, ул Жуковского, 44.

Центральная типография Госкомиздата МССР, Кишинев, ул. Флорилор, 1.